

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

8/2009

Москва
Гуманитарий

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Редакционный совет журнала “Философские науки”

Алексеев П.В., Апресян Р.Г., Губин В.Д., Гусейнов А.А.,
Доброхотов А.Л., Журавлев А.Л., Кристиан Д., Кузнецова Т.Ф.,
архимандрит Макарий, Мариносян Х.Э. (председатель),
Миронов В.В., Павлов А.Т., Пивоваров Ю.С., Розин В.М.,
Рыбаков Р.Б., Рябов В.В., Солонин Ю.Н., Степанянц М.Т.,
Степин В.С., Толстых В.И., Турбовской Я.С., Фельдштейн Д.И.

Редакция журнала:

Аршинов В.И., Водолазов Г.Г., Пантин В.И., Порус В.Н.,
Розин В.М., Северикова Н.М., Сиземская И.Н.,
Тульчинский Г.Л., Шевченко В.Н.

Научный редактор Комиссарова Л.Б.

Ответственный секретарь Пружинина А.А.

Верстка: Русак И.Ф.

Шеф-редактор: Мариносян Х.Э.

<http://www.academyRH.info>

E-mail: academyRH@list.ru

Журнал включен в «Реферативный журнал»
и в базы данных ВИНТИ РАН.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся
изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.
Изд. лиц. ИД № 03821 от 25.01.2001 г.

Подписано в печать 30.08.2009 г. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП

«Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

© Философские науки, 2009

© Академия гуманитарных исследований, 2009

© Издательский дом «Гуманитарий», 2009

ISSN 0235-1188

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОСОФСКИЙ ФОРУМ

Философия и образование ■

<i>ОТ РЕДАКЦИИ</i>	Общество и образование	5
<i>С.М. СЕРГЕЙЧИК</i> (Санкт-Петербург)	Философия образования и педагогика	6
<i>В.П. ВИЗГИН</i>	Проект человека и общества	20
<i>В.И. БАКШТАНОВСКИЙ,</i> <i>Ю.В. СОГОМОНОВ</i> (Тюмень)	Университетская этика: заповедная? корпоративная? профессиональная?	29
<i>Б.И. ЛИПСКИЙ</i> (Санкт-Петербург)	Курс философии как Урок свободы	45

Новые технологии ■

<i>Б.И. ФЕДОРОВ</i>	Интеллект. Дидактическая необходимость (Продолжение)	55
<i>Я.С. ТУРБОВСКОЙ</i>	От древних греков до Лужкова, или Школу – детям!	70

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Философское измерение ■

<i>М.В. ЛЕБЕДЕВ</i>	Проблема языковой креативности	79
<i>Н.В. МАЛЬЧУКОВА</i>	Субъектность и исчислительность в объяснении	97

**К 80-летию со дня рождения
академика И.Т. Фролова ■**

<i>С.А. ПАСТУШНЫЙ</i>	От философии биологии к философии научного гуманизма	113
-----------------------	--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Из истории конгрессов ■

<i>С.Н. КОРСАКОВ</i>	XIX Всемирный философский конгресс (Москва, 1993) в истории отечественной философии (<i>Окончание</i>)	127
----------------------	--	-----

Обзоры, объявления, сообщения ■

<i>Ю.Г. РОССИУС, Т.Г. ГУЩИНА</i>	Философия Бергсона и бергсонизм XXI века	141
--------------------------------------	--	-----

Рецензии, аннотации, отзывы ■

<i>В.Е. ДАВИДОВИЧ (Ростов-на-Дону)</i>	В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова. Глобальный капитализм: три великие трансформации	153
--	---	-----

Memoria ■

Юрий Михайлович Шилков	157
------------------------	-----

Наши авторы	159
-------------	-----

Contents	160
----------	-----

От редакции

Редакция принимает для рассмотрения материалы, отправленные только по адресу электронной почты журнала (формат MS Word 2,6/7, для архивирования использовать формат ZIP) с обязательным указанием Ф.И.О. автора, места его работы, ученой степени и звания, домашнего адреса, телефона, e-mail. Объем принимаемых материалов – до 40 тыс. знаков (вместе с пропусками).

Цитируемая литература должна быть приведена в конце текста и оформлена в соответствии с ГОСТ 7. 1-2003. В тексте приводится лишь надстрочная сплошная нумерация ссылок, в соответствии с которой в конце текста нумеруется цитируемая литература с указанием соответствующих страниц издания или примечания.

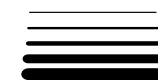
Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий, прочих сведений и соответствия ссылок оригиналу. Редакция при подготовке материалов к публикации имеет право их сокращать, разумеется, без искажения идей автора и с условием сохранения его основных мыслей и стиля. Позиции редакции и авторов не всегда совпадают.

ФИЛОСОФСКИЙ ФОРУМ

Философия и образование

ОБЩЕСТВО И ОБРАЗОВАНИЕ

Редакция продолжает обсуждение тематики, выводящей современную философию в плоскость актуальных проблем развития российского общества и нынешней цивилизации в целом. Вне всякого сомнения, одной из таких тем является проблема образования. Журнал не впервые обращается этой проблематике. Например, уже в нескольких номерах публикуется дискуссионный материал «Школа интеллекта. Логико-информационный подход в школьном образовании» профессора Б.И. Федорова. Тем не менее, назрел, если не перезрел, комплекс вопросов, о месте и роли философии в интенсивной динамике такого важнейшего социального института, как образование.

В связи с этим рядом специалистов для предварительной ориентации редакцией было предложено рассмотреть следующие вопросы:

- Каковы роль и место философии в современной системе образования?
- В чем, где и как проявляется эта роль?
- Выполняет ли философия в наши дни некую системообразующую роль?
- Как соотносятся в высшей школе корпоративная и профессиональная этика?
- Является ли «философия образования» философской наукой? Каково ее основное содержание?
- В чем особенности современного преподавания философии (в высшей школе, после вуза)?
- Не назрела ли необходимость переноса философского образования в среднюю, а может быть и в начальную школу?

В соответствии с нарабатанным опытом, мы не ограничиваемся только публикацией статей привлеченных авторов. Каждый из них получил статьи коллег и в следующем номере мы планируем опубликовать их отклики.

Кроме того, редакция планирует вернуться к этой теме в рамках Всемирного дня философии в России, который пройдет этой осенью в Москве и Санкт-Петербурге.

От редакции

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКА

Е.М. СЕРГЕЙЧИК

Выделение философии образования как тематического раздела философского знания в зарубежной науке приходится на середину XX в. В отечественной науке в начале 90-х гг. этот процесс сопровождался острыми дискуссиями между представителями не только философского, но и педагогического сообщества по поводу статуса философии образования, ее предметного содержания, круга проблем, характера отношений с педагогикой и другими науками, связанными с образованием. Отсутствие и по сей день консенсуса по этим вопросам возвращает нас к традиционной проблеме взаимоотношений философии с частными науками.

Строго говоря, в философии есть три раздела – онтология, гносеология и аксиология, которые исследуют фундаментальные принципы бытия, познания и оценки различных сфер человеческой деятельности – природы, общества, истории, религии, права, искусства, науки и т.д. и выступают по отношению к ним как общая теория и методология. В качестве объектов философской рефлексии эти сферы определяют такие направления философствования, как философия природы, философия истории, социальная философия, философия религии и т.д. Вместе с тем вышеуказанные сферы являются объектами частных научных дисциплин – естественных наук, искусствоведения, правоведения, истории, религиоведения, социологии и т.д., которые, в свою очередь, разрабатывают специальные теории и методы их исследования. Возникновение новых научных дисциплин было связано не только с появлением новых объектов, но и с переосмыслением традиционных. Так, например, выделение в 50-х гг. прошлого столетия культурологии в самостоятельную научную дисциплину не означало появления культуры как принципиально нового явления реальности, хотя новым объектом философского и частнонаучного исследовательского интереса культура стала. Философский анализ культур как уникальных и неповторимых, имеющих свой собственный путь развития, в работах Д. Вико, И.Г. Гер-

дера находился в тени востребованных общественным развитием линейных концепций исторического прогресса А.Р. Тюрго, Ж.А. Кондорсэ, Г.Ф.В. Гегеля, К. Маркса. Однако, по мере того, как становилось заметно, что развитие общественных организмов зависит от своеобразия их культуры, от выбора ими исторического пути, возникают исследования Н. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби, которые способствуют появлению не только философии культуры как области философского знания, но и культурологии как самостоятельной гуманитарной дисциплины. Аналогичным образом можно рассматривать взаимоотношения между социальной философией и социологией, философией образования и педагогикой.

Образование, начиная с Античности, всегда выступало объектом философских размышлений. Но только к середине XX в. происходит выделение специального направления в философии – философии образования, которое концентрирует усилия на исследовании специфики образования как вида человеческой деятельности, на его целях и ценностях, структуре, закономерностях развития и функционирования. Это связано, прежде всего, с изменением роли и значения образования в жизни людей, для которых оно становится способом развития личности, стремящейся к самоопределению, самоосуществлению. Образование понимается как непрерывное, сопровождающее человека на протяжении всей его жизни, поскольку в современном динамичном мире необходимо постоянное пополнение и обновление не только профессионального, но и жизненного опыта. Кроме того, поскольку и в демократических обществах сохраняется социальное неравенство, образование является важнейшим фактором социальной мобильности, который может обеспечить престижное положение в обществе, высокий уровень благосостояния, доступ к власти. Эти масштабные изменения потребовали разработки новых подходов, как в философии, так и в педагогике и в других дисциплинах, связанных с образованием.

Скептическое отношение к философии образования со стороны некоторых российских педагогов было связано с мнением, что эта новая философская дисциплина еще не

сложилась в систему, не выработала адекватные современному состоянию образования теории и методы и потому пока не может служить теоретико-методологическим ориентиром для педагогической науки (Н.Я. Лернер, Н.Д. Никандров и др.). Однако подобное понимание философии образования воспроизводит модель соотношения философии и частных наук, которая сложилась в марксизме, где четко структурированная теория эксплицирует свои принципы на ту или иную научную дисциплину. Современная философия, пережив парадигмальные сдвиги, радикально отличается от философии классической, разновидностью которой являлся марксизм. В этой связи целесообразно вернуться к проблеме изменений в самой философии, что позволит прояснить статус философии образования, ее возможности и перспективы.

Образование традиционно выступало объектом философских размышлений практических всех представителей классической философии как западноевропейской – Сократа и Платона, Дж. Локка и К.А. Гельвеция, Д. Дидро и Ж.-Ж. Руссо, И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, так и русской – В. Татищева и Н. Новикова, В. Жуковского и В. Одоевского, Н. Чернышевского и Д. Писарева, А. Хомякова и Л. Толстого и многих других. Это объясняется тем, что в классической философии, претендовавшей на объективность, универсальность, человек предстал, прежде всего, как часть общества, как функция социального организма. Соответственно ему вменялось усвоение основополагающих идей, ценностей, идеалов, определяющих вектор и цели общественного развития, и активное, сознательное содействие их реализации. Установка на знание, научное и моральное в качестве необходимого и достаточного условия раскрытия, развития сущностных свойств человека придавала философии, начиная с Сократа, просветительский характер. В наиболее общем виде основную цель образования сформулировал Ж.А. Кондорсэ: «Направить образование так, чтобы совершенство в науках способствовало счастью большинства граждан и увеличило жизненные удобства людей, посвящающих им свое существование, чтобы большее количество людей умело выполнять свои обязаннос-

ти, необходимые обществу, чтобы постоянно возрастающий прогресс просвещения открыл для нас неисчерпаемый источник удовлетворения потребностей, чтобы этот прогресс был лекарством в наших болезнях, средством к индивидуальному благу и к общему счастью; культивировать, наконец, в каждом поколении способности физические, моральные и интеллектуальные и таким образом участвовать в общем и постепенном совершенствовании человеческого рода – вот конечная цель всякого общественного института»¹.

В отличие от философии, которая выступала как базирующаяся на определенных онтологических и гносеологических допущениях рациональное и систематизированное мировоззрение о месте человека в мире, педагогика стремилась к разработке теорий и методов, направленных на формирование социально значимых качеств личности в рамках исторически сложившихся социальных институтов (семья, школа, университет и т.п.). Разделяя установку новоевропейской и просветительской философии о равенстве всех людей по природе, педагогика концентрировала свое внимание на поиске всеобщих закономерностей обучения и воспитания, разработке их универсальных методов и форм. Интенсивное развитие дидактики способствовало быстрому распространению знаний, подъему общего культурного уровня, и, в конечном счете, содействовало становлению системы всеобщего образования.

В своих представлениях об объекте и субъекте образования педагогика апеллировала к создаваемым философией образам человека и, отталкиваясь от той или иной трактовки человеческой природы, выстраивала свои стратегии. Так, например, Кант, исходя из присущей человеку способности к саморазвитию, самодеятельности, полагал, что образование призвано не только научить человека «осуществлять деятельность, направленную на достижение различных прагматических целей», т.е. развивать интеллект, но и помочь ему выработать в себе способность свободно выбирать такие нравственные цели, которые «по необходимости одобряются всеми и могут быть в то же время целями каждого»². Разделяя идеи Канта, И.Г. Песталоцци сформулировал

концепцию «развивающегося обучения», в соответствии с которой человек сам «природосообразно развивает как основы своей нравственности, так и основы своих умственных сил»³. Гегелевская идея развития способствовала утверждению в педагогике принципа историзма, который нашел свое выражение в принципе культуросообразности, сформулированном Ф.В.А. Дистервегом, полагавшим, что образование должно исходить из особенностей национальной культуры, т.е. «культуры страны, являющейся родиной ученика»⁴. Вместе с тем нельзя рассматривать педагогические теории как аппликацию идей того или иного философа. Отталкиваясь от общего духа классической философии, от ее основополагающих принципов, они создавали оригинальные учения, сочетающие в себе идеи различных представителей философской мысли. Так, в своей концепции развивающегося обучения Дистервег в духе Канта и Гегеля из двух целей обучения «экстенсивно-материальной» (усвоение фактического материала) и «интенсивно-формальной» (развития мышления и речи) считал приоритетной последнюю. Вместе с тем Дистервегу был чужда гегелевская идея приоритета общего над индивидуальным: «объективному методу» он предпочитал «субъективный», учитывающий индивидуальные особенности ученика.

Рационализм западноевропейской философии способствовал тому, что педагогика, ориентируясь на классическую науку как идеал рациональности, стремилась стать строгой наукой, которая «требует вывода теорем из своих основ — философского мышления», а уже затем искусством «постоянного действия, но только соответствующего этим теоремам»⁵. Западноевропейская философия образования, для которой классическая наука выступала идеалом рациональности, обуславливала стремление педагогики к тому, чтобы стать строгой научной дисциплиной, опирающейся на эмпирические и (или) теоретические законы и закономерности, разрабатывающей научно обоснованные методы образования. В русской педагогике только после реформы 1861 г., положившей начало институционализации науки, начинает складываться мнение, что педагогика — это наука, но наука эмпирическая.

Понимание глубокой и органической взаимосвязи философии и образования, философии и педагогики, однако не побуждало ни философов, ни педагогов к созданию «философии образования» как самостоятельной области философского знания. Дело не только в том, что образование рассматривалась как необходимая сфера экстраполяции тех или иных философских идей. Универсализм классической философии обуславливал претензию каждой философской концепции, школы на истинность, стремление дистанцироваться от других, рассматривать их с критической точки зрения, расценивать как односторонние и недостоверные. Если философский эмпиризм исходил из опыта как источника наших знаний, вполне естественно, что на первый план выдвигалось чувственное восприятие мира. Соответственно педагогика, основанная на его принципах, разрабатывала теоретическое обоснование и предлагала методы наполнения и развития «пустого разума» данными опыта (научного, жизненного, исторического). Если философский рационализм полагал в качестве источника знания разум, последний в значительной степени определял конфигурации опыта. В этом случае педагогика акцентировала внимание на создании теории и методов, содействующих развитию интеллекта как руководящей способности человека. Но хотя образы человека, предлагавшиеся философскими школами, различались, высшей ценностью человека полагался разум, призванный контролировать сферу чувств. Идея плюрализма философских концепций была чужда представителям классической философии, придерживавшихся корреспондентной теории истины: каждый в своих усилиях стремился к достижению истины, пригодной для всех и на все времена. При всем разнообразии философско-образовательных идей, выражавших возрастающую сложность и углубляющуюся дифференцированность общества, все они основывались на общих принципах классической философии, которая, представляя собой единую парадигму, не могла отрефлексировать свои основания.

Иначе выглядит ситуация в философии, начиная с конца XIX в., когда многие представители философской мысли, казалось бы, дистанцировались от сферы образования,

ограничиваясь указанием на уместность ориентации образования на те или иные абстрактные принципы. (Исключения составляют работы Дж. Дьюи, П. Наторпа и С.И. Гессена.) Это связано с принципиальной разницей между классической философией и современной, неклассической, для которой центром притяжения философской рефлексии становится человек как неповторимая личность, как индивидуальность. Утверждение принципа субъективности приводит философию к отказу от объективизма, универсализма и к признанию плюрализма философских идей, школ, направлений, выражающих различные аспекты, ракурсы прежде единой, а теперь распавшейся, мозаичной картины мира, которая конституируется самими людьми в зависимости от их ценностей и целей. Человек перестает быть «частью» природы, общества, напротив, это они — его части в том смысле, что их изменчивые «образы» зависят от их единственного «создателя» — самого человека. Соответственно, изменяются взаимоотношения между философскими школами и направлениями, которые, признавая контекстуальный, исторический, коммуникативный характер истины, строятся по принципу комплиментарности. Иными словами, неклассическая философия в различных ее проявлениях принципиально отказывается от создания фундаментальных философских систем, претендующих на полноту и завершенность.

В рамках неклассического стиля философствования философия образования предстает как совокупность «проектов» образования, в основе которых лежат предельно общие принципы, предоставляющие широкие возможности для интерпретации и комбинации. Критикуя классическое понимание образования как усвоения опыта предшествующих поколений, М. Хайдеггер писал: «Слово “образовывать” — значит, прежде всего, выставлять образец и устанавливать пред-писание. Его другое значение — формировать уже имеющиеся задатки. Образование показывает человеку образец, по которому тот организует свое действие и бездействие. Образование нуждается в заранее обеспеченном путеводном образце и во всесторонне укрепленной позиции. Выработка всеобщего образовательного идеала и его господство предполагают не стоящее под вопросом, во всех

направлениях обеспеченное положение человека. А это условие со своей стороны должно иметь своей основой веру в непререкаемое могущество непоколебимого разума и его основоположений»⁶. По Хайдеггеру образование зиждется не на рациональных конструкциях-образцах, которым необходимо следовать и соответствовать, а на осмыслении «здесь-бытия», т.е. нашего историчного и вместе с тем проективного со-существования, наполненного экзистенциальными переживаниями.

Образование, расширяя свои смысловые и институциональные границы, рассматривается в современной философии как сфера непрерывного становления и развития личности, стремящейся к самоактуализации и готовой к переменам в постоянно изменяющемся мире и вместе с тем открытой для взаимодействия с другими людьми на основе взаимопонимания, необходимого для согласованной совместной деятельности. Коммуникативность «бытия-сознания» находит свое выражение в признании Х.-Г. Гадамером понимания образования как «изначальной бытийной характеристики самой человеческой жизни»⁷. Отличительный признак образования по Гадамеру — «открытость всему иному, другим, более обобщенным точкам зрения. В образовании заложено общее чувство меры и дистанции по отношению к нему самому, и через него — подъем над собой к всеобщему. Рассматривать как бы на расстоянии себя самого и свои личные цели означает рассматривать их так, как это делают другие. Эта всеобщность — наверняка не общность понятий или разума. Исходя из общего, определяется особенное и ничто насильно не доказывается. Общие точки зрения, для которых открыт образованный человек, не становятся для него жестким масштабом, который всегда действителен; скорее они свойственны ему только как возможные точки зрения других людей»⁸. Выступая способом человеческого существования, образование, по Гадамеру, с одной стороны, способствует утверждению субъективности, а с другой — обеспечивает возможность достижения согласия и солидарности с другими людьми.

Таким образом, современная философия образования предстает как совокупность идей, принципов, лежащих в

основе различных направлений неклассической философии, границы между которыми прозрачны и проходимы при сохранении предельно общих оснований. Последнее означает лишь то, что невозможно «синтезировать» философско-образовательные концепции, принадлежащие различным философским парадигмам (например, марксизм и герменевтику) не разрушив фундаментальные философские принципы того или иного «участника» синтеза или не создав внутренне противоречивую эклектическую теорию. «Благотворный эклектизм» (Б.Л. Вульфсон) может быть лишь плюрализмом — одним из основополагающих принципов современной философии, который она предоставляет в распоряжение педагогов, психологов, социологов и других специалистов, занимающихся проблемами образования. Образование предстает как обширное поле встречи философов и представителей частных наук, которые прокладывают свои собственные маршруты в зависимости от поставленных целей. Отсутствие системности, полноты и завершенности философии образования как направления современной философии не означает отсутствия в ней целостности. Эта целостность может быть гарантирована сохранением и опорой на такие фундаментальные принципы экзистенциальной (несубстанциальной), или антропологической, по своему характеру неклассической философии, как субъективность, плюрализм, коммуникативность, контекстуальность. Именно эти принципы ориентируют на поиск не сущности образования как предела всякого познания, а его смысла как результата консенсуса людей, живущих в различных социокультурных мирах, изменяющих их и изменяющихся вместе с ними. Исходя из вышеизложенного, можно дать самое общее определение философии образования. Философия образования как тематический раздел философского знания представляет собой рефлексию над сущностью, смыслом, целями образования через призму представлений о человеке, сложившихся в тех или иных исторически определенных философских течениях, направлениях, концепциях.

С позиций современной философии педагогика является наукой, но наукой гуманитарной, т.е. имеющей дело с

различными представлениями об образовании, которые сложились в философии образования. Из этого следует, что педагогика не должна претендовать на нахождение устойчивых законов развития и функционирования образования, на создание универсальных образовательных систем, что являлось признаком классической науки. Идеалом рациональности современной философии является не наука, а искусство, демонстрирующее многомерность человеческой реальности, многовекторность, разнонаправленность и непредсказуемость развития жизненных сюжетов. При таком понимании философии характер взаимоотношений философии образования и педагогики усложняется, их связь видится скорее как совокупность пунктирных линий, чем жестких графических схем. Однако эта неопределенность, незавершенность компенсируется повышением степеней свободы педагога, который выстраивает свой собственный педагогический маршрут в сфере образования, опираясь на собственный выбор философско-образовательных принципов.

В отличие от философии образования, которая выступает как наука регулятивная, педагогика — наука по определению нормативная, конкретная, прагматичная. Она не может отказаться от создания конкретных теорий образования, от формализации своих приемов и методов (от дидактики), от необходимости экспертной оценки качества образования. И все же эти особенности педагогической науки не мешают ей прямо или косвенно ориентироваться на принципы современной философии образования, о чем свидетельствуют основные направления педагогической деятельности: теоретической и практической. Речь идет о таких общепринятых и общепризнанных подходах к образованию, как личностно-ориентированный, философско-антропологический, деятельностный, проектный, синергетический, диалогово-коммуникативный, игровой и др., которые свидетельствуют о переходе педагогики от «технократической», т.е. основанной на принципах классического рационализма, к «гуманистической», ориентирующейся на принципы неклассической философии. Сегодня нередко можно встретить и указание на плодотворность и необходимость использования герменевтического подхода, фено-

менологического метода в педагогических исследованиях.

«Расставание» педагогики с технократической парадигмой и переход в русло гуманитарной – процесс незаконченный и сложный. Во-первых, потому, что в самом обществе протекают процессы, воспроизводящие классический тип философствования и тормозящие освоение неклассической философии. Во-вторых, в силу приверженности принципам классической философии, философии марксизма со стороны части старшего поколения представителей педагогической науки. А именно представители старшего поколения, обладая высоким престижем и статусом, влияют на формирование направлений развития педагогики, на составление образовательных стандартов и программ, на написание учебников и т.д. В-третьих, по причине широкого распространения мифорелигиозных идей, имеющих благоприятную почву в нашем обществе. В-четвертых, рядовой учитель недостаточно владеет современной философской теорией и методологией, поскольку в своем стремлении поддержать более или менее нормальный уровень жизни вынужден трудиться сверхурочно и не имеет времени на повышение своей квалификации.

Особенно отчетливо трудности освоения теории и методологии современной философии образования проявляются в сфере гуманитарного знания, в частности, в преподавании истории и философии. Сегодня отечественная история – это не только учебная дисциплина, но и поле борьбы политических предпочтений, сфера влияния государственных интересов. Объективное, беспристрастное изложение истории невозможно, поскольку мы имеем дело не с самими историческими событиями, а с мнениями о них людей, разделяющих самые различные идеи и идеалы. Но и избежать «переписывания» истории невозможно. В силу того, что в обществе постоянно происходят изменения ценностных ориентиров, отмечает К. Хюбнер, история предстает в новом свете, приобретая новый «интерпретационный потенциал». Поэтому «каждое поколение вынуждено заново создавать не только свое настоящее, но и свое прошлое, а поскольку одно невозможно без другого, люди не могут отказаться от непрерывного писания и переписыва-

ния истории»⁹. Последовательная реализация герменевтического метода в преподавании истории позволила бы избежать ее политизации, «модернизации», «архаизации» и способствовала бы более взвешенному, основанному на современной философской методологии подходу к пониманию и преподаванию истории.

Анализ государственных стандартов и образовательных программ по философии как части обществоведения в школе и философии в вузе свидетельствует о том, что, преподаватель имеет возможность обсуждать философские проблемы, опираясь на теоретико-методологический аппарат современной философии. Наличие в программах дихотомий традиционных для классического типа философствования «рациональное и чувственное познание», «теоретическое и обыденное сознание», «материальное и идеальное» сути дела не меняют. Однако когда дело доходит до тестирования, особенно в разделах «онтология» и «гносеология», мы сталкиваемся с заимствованными из марксизма как варианта классической философии вопросами, которые предполагают ответы, неуместные с точки зрения современной философии. Так, например, онтологию Платона следует классифицировать как «объективный идеализм», а понимание пространства и времени как свойств нашего сознания – как «субъективный идеализм». Подобное бездумно бюрократическое отношение к философии имеет негативные последствия. Во-первых, у ученика, студента толкование философии с позиций марксизма интереса не вызывает, а скорее создает ощущение бессмысленности и чувство презрения к философии, которое может сохраниться на всю жизнь. Во-вторых, сами учителя и преподаватели утрачивают интерес к современной философии, поскольку их интеллектуальные ресурсы оказываются вовлеченными в процесс подготовки учеников к тестированию. Справедливости ради стоит отметить, что, поскольку тестирование в вузе проводится раз в пять лет, вузовский педагог не каждый год сталкивается с необходимостью усиливать внимание к марксистской версии философии. Однако в период аттестации преподаватель оказывается в весьма сложном с нравственной точки зрения положении. Он вынужден объяснять студентам, что

отвечать на министерские вопросы надо иначе, чем на его занятиях по философии. Но как показать правомерность такого подхода студентам, которые, не пережив драматического перехода от эпохи марксизма к эпохе «немарксистской», искренне не понимают, почему преподаватель осуждает их за использование для подготовки к сдаче экзамена по философии «Философский словарь» 1956 года издания.

О вреде тестирования в сфере гуманитарных дисциплин написано и сказано много. Разработанные психологами в начале XX в. методики тестирования уровня интеллектуального развития детей, были вызваны к жизни интересом к индивидуальному развитию ребенка. Однако в 60-е гг. прошлого века в зарубежной педагогике тестирование стало рассматриваться как инструмент социальной селекции, противоречащий принципам демократического образования. Использование тестирования в нашей стране сегодня имеет прямо противоположный эффект: оно ориентирует на однозначные ответы в тех дисциплинах, которым это прямо противопоказано, и, прежде всего в литературе, истории и философии. Разумеется, неплохо знать, кто написал «Закат Европы», кто сказал: «Я мыслю, следовательно, существую», и к какому философскому направлению относится М. Фуко. Изучение философии — это изучение, освоение различных способов философского размышления над проблемами смысла жизни, с которыми сталкивались, сталкиваются и будут сталкиваться люди. Поэтому в системе образования на всех ее ступенях обучение философии означает обучение философствованию как специфическому стилю размышления о человеке и его взаимоотношениях с миром. Современная философия образования ориентирует нас не на изучение «основ наук», что было свойственно классической педагогике, а на овладение различными способами деятельности, что выводит за пределы наличного знания и открывает возможности реализации внутренних ресурсов личности. Только в этом случае образование способствует развитию творческого стратегического мышления, свободного и ответственного поведения человека, а не предписывает ему овладение определенным набором пресловутых ЗУНов — знаний, навыков и умений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кондорсэ Ж.А. Доклад об общей организации народного образования // Педагогические идеи великой французской революции. — М., 1926. — С. 163.
- ² Кант И. О педагогике // Трактаты и письма. — М., 1980. — С. 454.
- ³ Песталоцци И.Г. Избр. пед. произв. В 2 т. / Под ред. В.А. Ретенберг, В.М. Кларин. — М., 1981. — С. 213.
- ⁴ Дистервег Ф.В.А. Руководство к образованию немецких учителей // Избр. пед. соч. / Под общ. ред. Е.Н. Медынского. — М., 1956. — С. 175.
- ⁵ Герbart И.Ф. Избр. пед. соч. / Под ред. И.П. Вейсберг. — М., 1940. Т. 1. — С. 96.
- ⁶ Хайдеггер М. Время и бытие. — М., 1993. — С. 252.
- ⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988. — С. 311.
- ⁸ Там же. — С. 59.
- ⁹ Хюбнер К. Критика научного разума. — М., 1994. — С. 275.

ПРОЕКТ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

В.П. ВИЗГИН

С каждой социальной революцией возникает преобразование системы образования. Но социальные изменения порой, хотя бы частично, вращаются по кругу. Как преодолеть этот явно порочный для культуры и образования круг? Без интенции на вечное его не преодолеть. Поэтому прежде чем ставить вопрос об образовании, следовало бы поставить вопрос о современности и вечности. Не в том ли болезнь современного *образования*, что исчезает сам *образ* – идеальный образ, что не означает «не-реальный», того человека, который служит его, образования, целью? И не деградирует ли тогда образование до своей чисто технической деперсонализированной компоненты – до обучения?¹ Образование означает становление человека как целостного творческого субъекта культуры. Культура же обнаруживает себя как подвижное целое, как единый «корень» всех видов человеческой активности. Это и означает, что у нее есть образ (отсюда и «образование»), есть свой неповторимый стиль. Иными словами, культура формируется образованием не столько как *cultura culturata* (готовые культурные продукты), сколько как *cultura culturans*, т.е. образование формирует *творческое* культурное начало.

Современная цивилизация в силу чрезмерности своей технорыночной ориентации возводит в своего рода культ *легкость во всем*. Ее «гуманизм» и выражается в том, что она превращает в идола «всеоблегчение», стремясь облегчить человеку его жизнь, сделать ее мягче, ровнее, комфортнее, приятнее... Все говорит о том, что на этом, скажем прямо, антиаскетическом идеале, строится современная цивилизация с ее принципом минимизации усилий и максимальной «кайфа», телесного наслаждения и удобства, определяющих направление и технического развития, и его коммерциализации, в особенности.

Образования, как мы сказали, нет без обучения, хотя оно к нему и не может быть сведено. Но *учение* трудно и еще раз трудно. Поэтому подлинное образование принципиальным образом расходится с тенденцией современной цивили-

лизации к легкости и удобству. И беда в том, что образование этого противостояния не выдерживает и «подламывается» под *тяжестью культа легкости*.

Прежде чем всерьез разрабатывать *философию* образования с прицелом на какие-то реформы, следовало бы яснее представить себе ситуацию в сфере образования сегодня, основные тенденции в нем. Образование – чувствительный индикатор того, что происходит в обществе. И если подспудно мы хотим помочь образованию, то нужно ясно представлять, что помогать следует обществу, что болезни образования – заразны, и инфицировано оно некоторыми глобальными тенденциями развития современной цивилизации. Нельзя «вылечить» следствие, не «излечив» причину.

Теперь посмотрим, в рамки какого цивилизационного проекта вписана история образования, которое, кажется, хотят реформировать. Это – проект модерна. В главных чертах он сложился в XVII в. Время корректировало этот проект, но он действует и сегодня, сохраняя свою силу. У Я.А. Коменского был глобальный проект нового и универсального человека. У нас же его, честно говоря, нет или скорее всего нет. Но если так, то и не надо делать вид, что такой проект у нас есть. А ведь, говоря о радикальной реформе образования, мы имплицитно указываем на то, что таким проектом обладаем. Действительно, подобная реформа, в ее радикальности и всеохватности, немыслима без соответствующего проекта, являясь его важной составной частью.

Но сегодня, видимо, проект человека и общества все же есть у идеологов и капитанов глобализации. Удивительно, что опыт XX в., показавший предельные риски проектно-глобальных рационалистических утопий, так ничему и не научил человека в конце этого века, и человечество снова встает на путь глобальной утопии. Вот еще один момент: прежде, чем ставить вопрос о философии современного образования, надо было бы исследовать сам проект глобализации. По-видимому, на первый взгляд, речь идет о продолжении проекта модерна в новых, современных, условиях. Словечко «постмодерн», с которым связывают этот новый, еще латентный глобальный проект, – лишь модная завитушка, предназначенная оттенить его, этого действующего гло-

бального проекта, специфику по отношению к его предыдущим и, кажется, уже отыгранным вариантам.

А теперь, если мы, положив руку на сердце, не верим ни в какой глобальный проект, то в свете такой установки и надо ставить вопрос об образовании. Ставить его, соответственно, не глобально, а *локально*: например, какое образование нужно России сейчас, в начале XXI столетия? Но если мы все еще мечтаем об обретении глобального проекта, то с факелом этой мечты его и надо искать и ясно формулировать. А если он есть и пребывает в скрытом состоянии, то выявить.

Мне представляется, что тот культ легкости, о котором я говорил, есть симптом того, что человек сегодня «сползает» в сферу *средств*, покидая, пусть и труднодоступную, сферу *целей*. Знаки — денежные в том числе — это средства и только средства. Техника — тоже нечто инструментальное и знаковое, в том числе знак могущества человека, правда, очень одностороннего, в чем проявляется ее Янусова природа, ее фундаментальная двусмысленность.

Скажу прямо: я за бережное отношение к имеющимся, уже проверенным традициям в образовании и более того, за саму традиционность в образовании. Почему? Да потому, что дух нового входит в подсознание и сознание учеников сам собой из самого их пребывания в меняющейся жизни. А вот учить надо *нерушимо*. Но учить косвенно, личностно, конкретно-ситуативно. Трудно научить тому, что неформализуемо, т.е. настоящему уму и чуткому вкусу. Но они-то несравненно важнее того, что формализуемо и чему не так сложно научить. Осваивать надо, животворя его, прошлое, и тогда будущее имеет шанс сформироваться по мерке человека и со светлой перспективой. Сейчас — время *имитаций*. Так как традиции размыты, то обесценен и разрыв с ним. И то и другое, т.е. и традиции и фигуры разрыва с ними, поэтому имитируются. А имитации, конечно же, легче достижимы, чем подлинность. Раньше при относительной крепости традиции революция казалась, юным душам особенно, геройством. В революцию шли целыми классами, гимназиями и университетами. Но теперь ситуация коренным образом изменилась. Трудным, редко по-настоящему дос-

тижимым стало возобновление традиции, живое и творческое, а не разрыв с нею. Поэтому, думаю, и ученик сегодня, ученик, ищущий правду, инстинктивно, или, лучше сказать, интуитивно, чувствует это. Революционным традициям противостоят гораздо менее известные традиции творческого возобновления традиций. Философ образования сегодня не может пройти мимо их сознательного изучения и освоения скрытых в них богатств. Это и романтизм, и экзистенциальная философия того типа, что развивалась Габриэлем Марселем, и правдоискательная литература, не поддававшаяся соблазну «лингвистического поворота», если его понимать как разрыв с целостным человеком, с его духовной природой, сопровождающийся замыканием в языке, в инструментальном «как» выражения без его метафизически значимого «что». На мифе о «смерти человека» в философии образования далеко не уедешь. Погружаясь в мир знаков, человек ускользает от творческого отношения к миру значений: вторичное вытесняет первичное. В гегелевско-марксовской теории отчуждения было и сохраняется «рациональное зерно». Экзистенциалистская критика обезличенности, господствующей в массовом обществе (*Man* Хайдеггера, *On* Марселя) и проглатывающей человека как творческую самость, при всей противоположности философских оснований, на которых она базируется, продолжает ту же самую тему самоутраты человека и его попытки самообретения.

Без восстановления присутствия в современных условиях аскетического идеала, пусть и в обновленной форме, образование обречено. Человек сегодня ориентируется или на выживание, или на легкость, а чаще всего и на то и на другое сразу, ибо эти векторы взаимосвязаны. Но возобновление и обновление аскетического идеала уже происходят *изнутри* человека. И это как раз — обнадеживающий признак. Вводить, как картошку при Екатерине Великой, аскетизм нельзя — выйдет противоположное, подобно тому, как из духовных семинарий XIX в. выходили вожди нигилизма.

Тема «идолов и идеалов» — вечно актуальная тема, стоящая в заглавной позиции по отношению к искомой *симфонии* образования. В 70-х годах прошлого века мир стал все

быстрее и быстрее поддаваться духовной усталости, результатом чего явилось впадение человека в технократическую иллюзию, искажающую реальность. В конце этого века было окончательно покончено с наследием великих утопий эпохи модерна. Великое как таковое было дискредитировано. Дискредитировано было духовное в угоду телесному, трудное – в угоду легкому, страдание – в угоду наслаждению, радость – в угоду тому же, наивное – в угоду расчетливому, ремесленное – в угоду машинному и т.п.

Я бы сформулировал основную дилемму философии образования так: или человек будет окончательно раздавлен тяжестью культа легкости, или же он сбросит с себя этот груз, выбрав снова трудное и нелегкое, и соединит, как говорил Пришвин, «хочу» и «должен». Вечным символом такого выбора служит фигура аскета-подвижника, исполненного настоящей радости бытия. Нет ничего труднее подвига. Нет ничего труднее жертвы собой. В конце XX века была дезавуирована мораль секуляризованного общества, несшая на себе отпечаток своих религиозных предков. Мы переживаем предельную секуляризацию, когда секуляризуется уже однажды секуляризованное. При повторном дифференцировании некоторых функций их производная оказывается нулем. Не к такому ли нулю устремлен бег нашей цивилизации, ускоренно глобализирующейся? И не в том ли главная задача философии образования, чтобы именно эту опасность распознать и указать на средства ее преодоления?

Триумф секуляризации, ее доведение «до упора» есть триумф *цивилизации* как таковой. Цивилизация в своей сути – средство. И она ведет к массовому воспроизводству средств и посредственностей, ко все ускоряющейся гонке с помощью средств за средствами же, с помощью знаков за знаками – престижа, статуса и т.п. Цивилизация, иными словами, катализирует себя и становится Цивилизацией с большой буквы, т.е. Глобальной Цивилизацией. В этом – ее судьба. Но судьба *человека* в ней – гибель, ибо человек не столько цивилизационное, сколько *культурное* существо. Обновление аскетического идеала и есть путь воскрешения культуры под пеплом процветающей цивилизации.

Сегодняшняя философия образования должна ясно осознать, чего она хочет: приспособления к ускоряющемуся бегу цивилизации или восстановления культуры, культурных смыслов, образующих сферу целей, а не средств. Скорректировать цивилизационный «автокатализ» культурой как «ингибитором» цивилизации – вот задача. Цивилизация «озабочена» ростом механической скорости. Ее символ – часовой механизм на руке у каждого индивида. Символ культуры трансиндивидуален и недвижим в механическом смысле. Это, если угодно, «родственное внимание» (Пришвин) к миру как живому существу или поиск причастности к высшей реальности, приоткрывающейся в мире, через сосредоточенность неспешности, а не быстроты, через трудное, а не через легкое, через радость, а не через наслаждение («кайф»).

Ключевой мотив для искомой философии образования может быть задан, на наш взгляд, выражением *la fidelité créatrice* (творческая верность) Габриэля Марселя. В нем прочитывается верность культурным смыслам, верность цели, которую мы и видим и порой не видим (но верим, что увидим снова), а не каменеющее застывание на знаках, якобы достаточным образом указывающих на содержание цели. Иными словами, в этом выражении прочитывается императив творческого участия в содержании цели, или ценности, свободное возобновление традиции, творческое и личное; в нем прочитывается, если угодно, переоткрытие *традиции цели* – вновь, личное и ответственное. Это – верность опыта пути к Другому. И такой верности, видимо, нельзя научить *прямо*. Ей учатся «косвенно» – на показе, на личном примере. Она – сверхцель образования, некий свет в конце туннеля беспросветного обучения. Верность – не как форма пассивной инерции, а как подвид творческого огня и света, передаваемого от лица к лицу. В конце концов, нужно учить учеников лично-показательно и *музыкально*, передавая им живую интуицию центральных тем вечной – и вечно новой – антропологии бытия. Не задав символически и показательно ее центральных тем, нельзя будет ждать от учеников при их дальнейшем становлении и соответствующих им вариаций, т.е. их собственного творчества в духе

верности этим сквозным темам. Творческая верность – трагическая верность, верность с заблуждениями, падениями, даже с риском измены. Но, тем не менее, это верность, верность прозрения и узнавания – и себя и другого, что неотделимо одно от другого. Катафатически, позитивно, алгоритмически-безличностно развернуть ее содержание нельзя. Идеал должен «считываться» как бы бессознательно, непрямо, украдкой, боковым зрением... Он должен *присутствовать*. Событие его присутствия учитель должен уметь передавать, но научить этому, как техническому умению, невозможно. Духовная причастность людей друг к другу таинственна и неизречема. Эту область можно чувствовать лишь, повторю, музыкально. Учить музыке творческой личности можно тоже только музыкально: личностно-показательно. Пусть эти центральные темы звучат тихо, под сурдинку любви. И тогда то место, где они звучат, и будет настоящей *школой*.

Почему сегодня вообще встает вопрос об образовании? Не потому ли, что *de facto* образование во многом превратилось в *знак* образования (наличие диплома)? Диплом функционален в функционально устроенном обществе («цивилизация»), а само образование, увы, сплошь и рядом оказывается этому обществу не нужным. Цивилизация сегодня отбрасывает не только поэтов (она это делала всегда), но и инженеров. Но знаки инженерного образования она признает: знак в нем действителен, а означаемое лишено значимости. Знак покупается с помощью другого знака (денежного). Этот принцип взаимного обмена знаков и есть принцип знаковой цивилизации. Информация ведь тоже не более, чем набор знаков. Смысл и значение ее – дело того, кто ее потребляет. Но и само чтение может быть *знакодоминантным*, нацеленным, как раньше говорили, на использование и полезную информацию, а не на смысл, цельность и цель, т.е. ориентированным на средства. Замыкание мира на отношениях знаков к самим себе, средств к самим себе есть цивилизационная болезнь, ставящая под угрозу того, ради кого, как говорят отцы-основатели этой цивилизации, она и затевалась.

Еще одна ключевая оппозиция в нашем наброске философии образования. Я имею в виду различие (но и

связь) *тайны* и *проблемы* (или задачи, и даже загадки). Тайна не предполагает решения. Она – символ самого Бытия, которое мы несем в неизреченных собственных глубинах, где они сливаются с глубинами другого – и природы тоже. Проблемы и задачи – решаемы. Если представить себе мировой Ум, то в нем все эти проблемы и поставлены и решены. И мы только научаемся делать и то и другое. Но только тайна – их объемлющий горизонт и то плодородное лоно, из которого они все выходят. Отблеск тайны лежит и на проблеме-задаче. Поэтому никакое образование без «задачек» работать не может. Но мотором движения «хочу» и «должен» навстречу друг другу выступает присутствие тайны, и ученик чувствует ее за спиной задачи, с которой он сталкивается. Намекать на тайну, обучая школьников решать задачи, – без этого нет настоящего учителя, и значит, настоящего образования. Чувство тайны вводит сакральный элемент в учебный процесс. И там ему есть место, там он нужен. Особенно сегодня, когда культ легкости, приспособленчества к поверхностно истолкованным нуждам современного мира ведет к деградации образования.

Я возвращаюсь к одной из главных концептуальных линий этих размышлений, к понятию проекта модерна. Сегодняшнюю ситуацию я бы определил не как крах этого проекта, а более осторожно, как неудачу его гуманистическо-секулярного варианта, когда планировалось – особенно в эпоху Просвещения – добиться всеобщего благосостояния, развивая самоопорный, самодостаточный научно-технический разум. Я бы, повторю, обозначил ситуацию именно так: крах гуманистически-рационалистического просветительского (говоря исторически) варианта проекта модерна. Но, как я об этом уже писал, в своем действительно универсалистском ядре проект модерна не исчерпан и краха его не видно². Из Коменского угодно было сделать стопроцентно безрелигиозного гуманиста. Но он был верующим христианином. Христианская составляющая этого проекта и сегодня и нова и свежа, как и тогда, когда она возникала две тысячи лет тому назад. Но слова «христианская составляющая проекта...» в высшей степени неуклюжи: проект – рукотворная гуманистическая идея в своей основе, в своем

эйдосе, если угодно. А вот христианство — не проект, его невозможно адекватно мыслить без участия в нем открываемой им трансцендентной реальности.

И еще один, методологического порядка, момент: какими бы правдивыми нам эти и подобные концепты ни казались (рационализм, универсализм, проект, Просвещение, Новое время и т.п.), тем не менее, их нельзя овеществлять. Это — схемы и конструкции. Зазор между ними и неизреченной тайной истории и вечности нужно чувствовать как *присутствие*, питающее возможности творческой мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об этой угрозе образованию говорил еще Кольридж: «Образование будет реформировано и определено как синоним обучения» (Цит. по: *Элиот Т.* Избранное: религия, культура, литература. — М., 2004. — С. 34).

² См. об этом: *Визгин В.П.* Проект модерна: возникновение и кризис // *Визгин В.П.* На пути к Другому: От школы подозрения к философии доверия. — М., 2004. — С.190 — 228.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЭТИКА: ЗАПОВЕДНАЯ? КОРПОРАТИВНАЯ? ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ?

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ, Ю.В. СОГОМОНОВ

Оправдание темы

Соотношение философии и образования во многом конкретизируется в плоскости этического.

«От хорошего профессора не требуется никаких особенных моральных норм и навыков, кроме тех, которые диктуются общими для всех людей, сообразными стране и эпохе требованиями моральной дисциплины», — пишет А.А. Гусейнов в статье «Этика профессора»¹. И защищает свой тезис, характеризуя этику профессора через аппликацию *простых истин морали*: «Золотого правила» — применительно к ситуации асимметрии отношений профессора и студента, таящей в себе «опасность деградации в учительски назидательную и командно-снисходительную тональность», обрегающего форму требования «Поставь себя на место студента»; «Не судите — да не судимы будете» применительно к ситуации зачета или экзамена: «Экзамен как форма учета знаний, а не оценки — так бы я определил идеал, к которому следует стремиться»; «Не лги» — применительно к искренности, честности профессора: «Часто возникает искушение делать вид, изображая себя лучше, чем ты есть на самом деле». Вывод автора: в деятельности профессора «нет такой профессиональной специфики и таких особенных ситуаций, которые требовали бы исключений из общих моральных требований или их конкретизации, ведущих к формированию особой профессиональной этики».

Не вступая здесь в дискуссию по поводу трактовки автором природы профессиональной этики в «исключительской» и «дополнительской» — относительно требований универсальной морали — парадигме², отметим, что трактовка этики профессора без обращения к природе именно *профессиональной* этики побуждает нас начать статью с *оправдания* ее темы. Оправдания не как «очищения от обвинения», но в значении «показывая истину, подтверждая на деле» (В. Даль).

Первый мотив оправдания темы: необходимость проблематизации распространенной позиции, согласно которой высшей школе вообще, университету – как одной из институций образовательной деятельности, на которой мы сосредоточим здесь свое внимание, – достаточно регулировать свою научно-образовательную деятельность на основе *заповедных* истин морали, не прибегая к потенциалу ни профессиональной, ни корпоративной этик.

Наш тезис: в случае редукции сложной нормативно-ценностной системы университетов как научно-образовательных корпораций (но не «сферы образовательных услуг») к *простым истинам морали* возможна *банализация* проблем этики высшей школы, в том числе университетской этики. И риск такого рода банализации вряд ли меньший, чем от редукции университетской этики к этике корпоративной.

Завершающий этот тезис прогноз риска дает второй мотив оправдания темы статьи. Речь идет о необходимости проблематизации наиболее распространенной редукции университетской этики к этике корпоративной, которую можно метафорически обозначить фразой «не надо *двух* этик» – профессиональной и корпоративной. Мы обнаружили такого рода редукцию во многих университетских кодексах, легко «снимающих» сложность *системы* этического регулирования уже в названиях своих этических документов: «Кодекс корпоративной этики сотрудников и студентов Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева»; «Кодекс корпоративной этики преподавателей, сотрудников и студентов Института ГМУ БелГУ»; «Кодекс корпоративной этики Южного федерального университета»; «Кодекс корпоративного поведения сотрудников Владивостокского государственного университета экономики и сервиса» и т.д. Проведенный нами анализ такого рода кодексов показал, что тема сходства-различия профессионально-этического кодекса и кодекса корпоративной этики в них никак не проблематизируется (при этом корпоративная этика университета фактически отождествляется с этикой бизнескорпорации).

Наш «профилактический» тезис: «корпорация-организация» и «корпорация-профессия» предъявляют универси-

тетскому профессионалу как субъекту морального выбора *разные* этические кодексы. На практике они соответствуют *разным* версиям *идеи-миссии* Университета. На наш взгляд, современная ситуация в университетской этике требует *особого* внимания к такой ее ипостаси, как *профессиональная этика*, этика базовых профессий научно-образовательной деятельности университета: *преподавателя и научного сотрудника*.

Третий мотив оправдания темы. В Тюменском государственном нефтегазовом университете разработана концептуальная модель Этического кодекса. В открывающей Преамбуле рубрике указаны черты *проблемной* ситуации, в которой сформировалась наша модель. Одна из этих черт – «задача интеграции в этический кодекс университета форматов “кодекс профессиональной этики” и “кодекс корпоративной этики”». На какой же основе должна быть предпринята такая интеграция: на основе подчинения? эклектичного смешения? системной интеграции?

Наш тезис: университетская этика представляет собой нормативно-ценностную – императивно-ценностную (Р.Г. Апресян) – *систему*, интегрирующую «малые системы»: профессиональную и корпоративную этики.

Попытаемся развернуть свою позицию, опираясь на теоретические исследования и проектную деятельность, в рамках которой была разработана концептуальная модель Этического кодекса университета⁴, подвергнутая компетентной экспертизе⁵.

О пределах адекватности идентификации университетской этики как корпоративной

Не ставя в рамках данной статьи задачу обсуждения непростого вопроса о взаимодействии университетской этики с элементарными требованиями нравственности, нормами индивидуальной морали, тем не менее, отметим, что этот вопрос нередко просто не рефлексивируется ни исследователями, ни авторами этических кодексов. Пример: отвечая на вопрос о том, какие принципы легли в основу этического документа СПбГУ «Кодекс университета», М.С. Каган назвал «гуманистическое понимание человеческих отношений». В

качестве убедительного доказательства этого подхода автор ссылается на такой феномен, как *дружба*. Соответственно и «группа заповедей, которые мы сформулировали, представляют некий идеальный образ члена университетского коллектива, каким он должен стремиться быть, одновременно стремясь к тому, чтобы его окружение было таким же»⁶.

На наш взгляд, эффект такого рода этических форматов кодексов, как «кодекс порядочного человека», «кодекс добродетелей», «кодекс интеллигента» весьма ограничен. Разумеется, не потому, что мы считаем маловажным регулирование взаимоотношений в университетском сообществе, в профессорско-преподавательском коллективе, в его отношениях со студентами и т.д., но потому, что мы считаем нецелесообразным проектировать кодекс университетской этики вне и без предваряющей рефлексии этической природы и кредо *профессии*.

Продуктивнее ли редукции университетской этики к *простым моральным истинам* или нормам межличностных отношений идентификация университетской этики как этики корпоративной? Например, в обращении Совета по вопросам высшего образования Великобритании к университетам, опубликованном под заголовком «Ethics Matter: managing ethical issues in higher education» содержится рискованная, на наш взгляд, рекомендация руководству университетов *последовать примеру бизнес-структур* и принять меры к созданию кодексов. Понятно, что эта рекомендация мотивирована более глубокой проработанностью этики бизнеса и менеджмента по сравнению с этикой университетского образования. Однако даже в условиях коммерциализации этой сферы весьма уязвима аргументация типа «этика маркетинга предполагает честность по отношению к конкурентам». За такой рекомендацией легко обнаружить склонность интерпретировать образование как *сферу услуг*⁷.

Надо ли доказывать, что профилактика редукции университетской этики к нормам этики корпоративной одновременно предполагает и осознание опасности *нигилизма* в отношении корпоративной этики. Разве случайно «Бухарестская декларация этических ценностей и принципов высшего образования в Европе» в рамках характеристики про-

блемной ситуации выделяет такой признак, как превращение университетов «в комплексные и крупномасштабные учреждения, для управления которыми уже недостаточно руководствоваться традиционными академическими и коллегиальными нормами»⁸. Именно в этом признаке — важная причина обращения современных университетов к корпоративной этике. А лучше бы говорить об *этике организации*, ибо корпоративная самоидентификация университета чревата покорением университетской этики бизнесэтикой.

Среди наших аргументов против редукции университетской этики к этике корпоративной (и в пользу «точной» интеграции требований корпоративной этики в императивно-ценностную систему университета) — склонность корпоративной этики к *умалению* статуса университетского профессионала как *субъекта* морального выбора. Для некоторых концепций этики организации характерен тезис о том, что университетский кодекс призван поддерживать не столько моральный выбор профессионала, сколько «объективированные (разумеется, принимаемые субъектами) ценности, принципы, нормы». На наш взгляд, риск такого подхода связан с уверенностью в том, что можно идентифицировать организацию в качестве морального субъекта, причем берущего на себя *индивидуальную ответственность* профессионала за моральный выбор. Но такая редукция не менее рискованна для университетской этики, чем риск подмены духа университета как *научно-образовательной* корпорации духом *бизнескорпорации*.

Одно из условий ограничения экспансии корпоративной этики — сосредоточенность университетской этики на культивировании этики профессиональной, этики базовых профессий научно-образовательной деятельности университета. В основе «антиредукционного» потенциала профессиональной этики — ее миссия, предназначение, выходящее, в отличие от корпоративной этики, за рамки функциональности.

С чем связан потенциал этики профессии в развитии университетской этики

Во-первых, профессиональная этика — *социальное изобретение*. Нередко авторы специальных работ и учебных по-

собий, описывающих природу профессиональной этики, довольно упрощенно представляют дело таким образом, будто с незапамятных времен существовала некая общественная мораль. Затем при каких-то обстоятельствах от нее откололась, отщепилась, сепарировалась часть, которой предстояло служить моралью, практикуемой в различных профессиональных средах. Ей предназначалось стать как бы «прикомандированной» для обслуживания указанных сред, будучи соответствующим образом приспособленной для этой роли. Но так ли это?

Мы исходим из того, что мораль не является духовно-практическим монолитом, что в жизни морали целесообразно различать исторические и функциональные качественно различные слои. Когда в Новое время начался процесс дезинтеграции до этого будто бы высеченного из одной глыбы социума, пришла пора автономий в практической и интеллектуальной жизни людей. «Отслоились» в самостоятельные области не только политика, экономика, религия, право и т.п., автономизировалась и сама мораль, отделяющаяся от пестрых обычаев, обычного права. Она кристаллизировалась в качестве специфического и универсального средства регуляции и ориентации поведения, став моралью как таковой, достигшей стадии исторической зрелости.

В стадии зрелости мораль оказалась способной – при определенных условиях – пойти на собственную сегментацию. Казалось бы, совершив вынужденное «отступление» из неведомых ей прежде автономных функциональных подсистем, мораль переходит к продуктивной «работе» в подсистемах общества.

Историческое время обнаружило расщепление уютного цельнокроеного мира на отдельные функциональные подсистемы («миры»), открылся факт их выхода из-под привычно понимаемого морального контроля, факт их самоорганизации. Оказалось, что терминами «добро» и «зло» трудно оперировать в дифференцирующихся сферах и видах человеческой деятельности, что устранение того, что столь беззаботно называли «моралью», из функциональных подсистем общества, как ни странно, ею самой (не сразу, не в одночасье) одобрялось и покрывалось, тогда как усердное

и бесплодное морализаторство ею же осуждалось. По выражению Н. Лумана, возникли затруднения с двучленным кодированием «хорошо/плохо» в ситуации оформления названных подсистем; такие затруднения он назвал «парадоксами морального кода»⁹.

Однако, как мы показали в ряде своих публикаций¹⁰, конкретизация общественной морали в моральных (этиках) прикладных, в том числе и профессиональных, предполагает не просто «дополнительные» нормы или «отступления» от норм общей этики, а (до)развитие морали. Оказавшись в западне трудноразрешимых задач, этика сделала очень важный «шаг в сторону» от «исключенческого» подхода. Она задалась вопросом иного свойства: а что, если дело вовсе не в исключениях, как, впрочем, и не в плачевном состоянии морали, якобы «неосторожно угодившей» в непригодные для нее сферы профессиональной деятельности, а в формировании здесь особого типа морали? Тогда общество должно беспокоить не столько вопросы соотношения морали и экономики, морали и политики, морали и образования и т.п., сколько проблема *преобразования* морали в тех случаях, когда она *прилагается* к этим сферам. Не в этом ли процессе оформляется такое социальное изобретение, как профессиональная этика?¹¹

Во-вторых, идентификация профессиональной этики предполагает преодоление практики *неразличения феноменов «профессия» и «род занятий, вид деятельности»*. Обратившись к жизни языка, легко обнаружить, что с термином «профессия» могут быть связаны весьма различные значения: поприще, дело, род занятости человека, сфера знаний, специальность, ремесло, противоположность любительству, отрасль мастерства, занятие, которому надо специально учиться, служба как источник заработка, карьера и т.д.

Тем не менее, начиная, вероятно, с А. Флекснера, для различения феноменов «профессия» и «род занятий, вид деятельности» используются разные определения: professions и occupations. В качестве отличия первого из них Оксфордский словарь социологии выделяет тип работы, который включает в себя «регулятивный момент» и «код поведения». Представляется, что пренебрежение смыслом различия

профессии и любого специализированного рода занятий, вида человеческой деятельности, уверенность в «очевидности» содержания понятия «профессия» затрудняют и понимание природы профессиональной этики. Затрудняют уже потому, что за рамками внимания остается существенный признак «морального измерения» профессии — *саморегулирование*: «Главное преимущество, которое общество предоставляет представителям определенных видов деятельности, — это право на значительную долю самоконтроля над их собственными действиями»¹².

Анализ результатов ряда специальных исследований дает возможность выделить и собрать вместе наиболее значимые признаки «морального измерения» профессии: идею профессионального призвания и служения; альтруистическую мотивацию; саморегуляцию, причем в широком смысле слова, который предполагает самоопределение к профессии, свободу и автономию в профессии, создание ассоциаций, этические кодексы.

В-третьих, потенциал профессиональной этики определяется не просто ее *функциональной — регулятивной — ролью, но ориентирующей миссией*. Основной мотив выбора пафосного понятия «предназначение» для идентификации профессиональной этики — критичное отношение к весьма распространенной в литературе абсолютизации роли *функционального* направления поиска ее идентичности. Основным аргументом такого выбора — интерпретация *дуалистичности* морального феномена в целом: мораль не просто *обслуживает* социальные системы, она — институт, *превосходящий функциональность*, ориентирующий на критику заведенного в социуме порядка.

В основе распространения функционального подхода к профессиональной этике лежит абсолютизация лишь одной из сторон *ее собственной* дуалистичности. При, казалось бы, равной вероятности как гиперморальной, так и гиперсоциальной односторонностей в интерпретации дуализма природы профессиональной этики (морали), в реальной практике встречается скорее вторая крайность. Соответственно, акцентирование предназначения профессиональной этики важно потому, что позволяет увидеть последней

элемент, *превосходящий функциональность*, а потому ориентирующий, с одной стороны, на критическое отношение к практикуемым профессиональным *нравам*, а с другой — на постоянное соотнесение требований профессиональной этики с ценностями общества. Поэтому и общество, в свою очередь, держит профессиональную этику под пристальным критическим вниманием, не только спрашивая себя: «Хорошо ли работают те подразумеваемые соглашения, которые оно заключило с профессиональными группами», но и, «если баланс нарушен не в пользу лучших общественных интересов в данной области», задавая себе не риторический вопрос: «Может быть, стоит пересмотреть соглашение?»¹³.

Этика базовых профессий

научно-образовательной деятельности университета

Свое предельное выражение наше понимание университетской этики получает в трактовке ориентируемых и регулируемых ею профессий как *высоких*. И смысл такой трактовки — совсем не в унижении других профессий: у *высокой* профессии — особая миссия.

Во-первых, характеристика «высокая профессия» акцентирует *доминирующую* установку университетской этики на *гуманистическую* ориентацию научно-образовательной деятельности, ее призвание формировать Личность, не исчерпываемую ролью специалиста. Тем более, когда профессионализм редуцируется до такого *продукта* «кузницы кадров», как «*Homo faber*». Научно-образовательная деятельность призвана формировать Личность, *адекватную* ценностям этики гражданского общества.

Во-вторых, характеристика «высокая профессия» акцентирует *доминирующую* установку университетской этики — «служение в профессии». В этой связи напомним, что упомянутый выше А. Флекснер в своей ставшей классической статье «Является ли профессией социальная работа?» (1915) выдвинул тезис о том, что «в строгом употреблении термин “профессия” противоположен бизнесу или ремеслу и служит для обозначения специфического разграничения, скрывающегося за многообразием деятельностей», предложив шесть критериев для отличия профессии от других

видов деятельности. Среди них: профессия мотивируется альтруизмом, профессионалы осознают, что работают на общественное благо¹⁴.

«Служение в профессии», не отменяя стремления к «честному заработку профессионала» (М. Вебер), ограничивает для представителя *высокой* профессии возможность преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как это характерно, например, для бизнесмена и, кстати, оправдывается этикой бизнеса.

В этой связи для высоких профессий неприемлемо пространное «оправдание» роли профессиональной этики как менее ригористичной и более эгоистичной, а потому *минимизирующей* моральное напряжение в деятельности профессионалов и профессиональных групп. Вариант аргументации такого рода — тезис «честность выгодна»: хотя бы тем, что наличие этического кодекса «снизит затраты» на другие способы регуляции профессиональной деятельности, например, на суд. «Милость», оказываемая профессиональной этикой такого рода аргументацией, примитивизирует ее назначение.

Для конкретизации установки университетской этики на «служение в профессии» продуктивна трактовка Э.Ю. Соловьевым *паттерна профессионала*, в котором автор подчеркивает следующие черты: усилия профессионалов, порой «прямо принимающие характер “работы на вечность” и засчитывающиеся в качестве таковых»; «деятельность по модели профессиональной самореализации, достаточно независимой по отношению к насущным экономическим запросам»; ценность достижений профессионалов «не поддается строго стоимостному определению и, в общем-то, всегда остается больше того, что экономика соглашается им выплатить»; «способность сообщить делу наибольшую значимость, целиком посвятить себя делу, любить его, знать, превыше всего ставить его имманентные объективные требования — важнейшая примета профессионала»¹⁵.

Особая значимость идентификации базовых профессий в научно-образовательной сфере деятельности университета в качестве *высоких* становится наглядной при исследовании отечественной профессионально-нравственной ситуации,

в которой условия, подрывающие авторитет профессии преподавателя и научного работника (прежде всего — последствия вхождения страны в рынок), проявляются в обостренной форме, вовлекающей университетских профессионалов в напряженные моральные дилеммы. Высокие профессии должны отступать от своих ценностей во имя прагматической политики университета? Или университет как организация должен корректировать свои интересы во имя этих ценностей? Мы полагаем, что в сложных обстоятельствах, ограничивающих независимость высоких профессий, их миссия *не отменяется*.

Характеристика «высокая профессия» — не изобретение авторов статьи. Эта характеристика изобретена цивилизацией для того, чтобы из безапелляционного тезиса «все профессии обслуживают» сделать необходимое исключение: некоторые из профессий являются особыми, общество намеренно возлагает на них не просто функцию, но миссию. А миссия предполагает избранность. При этом если общество что-то и «даровало» *высокой* профессии, то лишь *сверхнагрузку* (и уже поэтому не обездолило другие профессии).

О конфликте профессиональной и корпоративной этик

Завершение по необходимости эскизной характеристики двух элементов императивно-ценностной системы университета требует концентрации внимания на ситуации их *конфликтности*: ситуации, когда нормы первой требуют пренебречь нормами второй.

Обратим внимание на предлагаемые участниками инициированного НИИ прикладной этики варианты проекта «Экспертиза концептуальной модели этического кодекса университета», опубликованные в 34-м выпуске «Ведомостей НИИ ПЭ». «Представляется несколько надуманным дуализм профессиональной этики и корпоративного самосознания применительно к университету. Именно и особенно на примере высшей школы профессиональная этика и корпоративное самосознание не противостоят, а дополняют и проникают друг в друга... И как мне видится, подобные кодексы как раз и должны формализовать содержание

этой задачи — без искусственных различий и противопоставлений», — полагает Г.Л. Тульчинский.

«Когда организация берется управлять ценностями (value management), ориентируется на экспектации общества, а значит на политику социальной ответственности (corporate social responsibility) и честное (integrity) выполнение своей Миссии в обществе, то традиционный дуализм профессиональной и организационной этик — долга перед профессией и долга перед работодателем — исчезает. Разумеется, не сам по себе, а при целенаправленной, научно обоснованной институционализации профессиональной этики в организации», — считает Н. Васильевене.

Возвращаясь к вопросу Г.Л. Тульчинского «зачем создавать искусственное различие» двух «малых систем», ответим двумя аргументами. Во-первых, этот конфликт существует на самом деле. Так, например, участник проекта экспертизы концептуальной модели кодекса Л.А. Громова говорит: «Работающий в организации обязан подчинить свою профессиональную ответственность корпоративной, так как его профессия служит достижению общей цели организации. Но в профессиональной среде, которая выступает референтной группой, его профессиональная ответственность за совершаемые действия превышает корпоративной ответственности. И если эти два вида ответственности приходят в противоречие друг с другом, перед человеком встает дилемма: уйти из организации или быть подвергнутым остракизму профессиональным сообществом».

Профилактику этой дилеммы автор видит все же в корпоративном этическом кодексе, который «должен помочь гармонизировать интересы профессионала и организации». Но вот характерное продолжение суждения эксперта: «Если организация неэтична, такую организацию нужно оставить и пусть она вымрет сама — в ней не останется профессионалов», — говорит Л.А. Громова.

Реально ли ждать от профессионалов такого решения? Может быть, все же предотвратить неизбежность их ухода (исхода?) моральной поддержкой ценностей профессии и соответствующей коррекцией ценностей организации в университетском кодексе?!

Увы — и это наш второй аргумент, — в стихийной моральной практике и в практике этической институализации университеты, даже не имея концептуально обоснованного образа университетской этики с точки зрения соотношения в нем двух «малых систем», чаще всего ориентируются на приоритет корпоративной этики над этикой профессиональной. А этот приоритет явно или скрыто приводит к подавлению индивидуального морального выбора и верховенству выбора организационно-группового.

В то же время наш вариант соединения в этическом кодексе университета двух «идеологий-форматов» университетских кодексов: «кодекса корпорации-профессии и кодекса корпорации-предприятия», при котором второй подчинен первому, вызвал критические замечания еще одного участника проекта экспертизы — Р.Г. Апресяна. «Таким образом, получается, что корпоративность связывается с деловой активностью, в то время как преподавание (но не предоставление образовательных услуг) — с высокой профессией. Но даже такая, скорректированная “корпоративистская” спецификация академического кодекса и университета меня настораживает».

Разумеется, можно было и не торопиться, подождать, когда будет преодолена констатируемая автором «семантическая неопределенность». Но как быть с реальной практикой кодифицирования, в которой беспрерывно рождаются корпоративные кодексы в духе кодексов бизнес-организаций?

Интеграция двух «малых систем» в Этический кодекс университета не говорит о равенстве их значения. Разумеется, их дуализм создает особое моральное напряжение. И чтобы университет смог распутать сложные отношения цели и средства в ситуации такого рода выбора, ему важно не забыть, что требования корпоративизма (корпорации-организации) здесь — скорее средство, причем средство очень важное, ведь без корпоративной организации базовые профессии научно-образовательной деятельности современных университетов бессильны. Но все же формат корпоративного кодекса — лишь средство, а их цель — нормативно-ценностные ориентиры высокой профессии.

Эта позиция представлена в концептуальной модели.

Проект интеграции профессиональной и корпоративной этик в модели этического кодекса университета

Основания интеграции двух «малых систем» в Этический кодекс университета определяются его форматом нормативно-ценностной декларации, адресованной университетскому профессионалу, профессиональному сообществу, «городу и миру». Это, прежде всего, декларация ценностных ориентиров базовых профессий научно-образовательной деятельности университета, рекомендательный документ, предлагающий профессионалам руководствоваться этими ценностями на основе *самообязательства*, исходящего из доверия общества к нравственному *самоконтролю* профессии. Следование Кодексу – внутреннее решение, свободное решение, но не *частного лица*, а *профессионала*, отвечающего *перед* профессией и *за* профессию, за ее социальную миссию, а потому – решение *ответственное*.

Конкретнее основания интеграции корпоративной и профессиональной этик представлены уже в преамбуле. В ней говорится о намерении: *собрать* «атомизированных индивидов» в университетское сообщество – их могут заново объединить именно общие, согласованные ценности и нормы; подать сигнал о готовности бороться с наглым и циничным попранием профессиональных (и корпоративных) норм; показать скептикам, *небезосновательно* разочаровавшимся в университетских нравах, что кодекс не служит гарантией от нарушений профессиональной и/или корпоративной этики, но что он – своеобразная логия для творческого акта морального выбора в конкретных ситуациях научно-образовательной деятельности. Кодекс – шанс поддержать достоинство *высокой* профессии, выдержать сложные ситуации выбора; сориентировать менеджмент университета на небюрократическое назначение кодекса, на роль кодекса в самопознании, самоопределении и нравственном развитии университета.

Профессиональная этика представлена в модели университетского кодекса тремя разделами. Первый из них – «Служение в профессии» (мировоззренческий ярус). Раздел структурирован следующими рубриками: «Служение в профессии» (метафора в гуманитарном знании не только допу-

стима, но и содержательна); «Университетский профессионал как субъект морального выбора»; «Моральное измерение» профессионализма»; «Профессиональный успех»; «Выбор в ситуациях нравственного конфликта».

Второй раздел – «Нормы высокой профессии» (*нормативный ярус кодекса*). Он структурирован следующими рубриками: «Моральное измерение» профессионализма», «Профессиональная этика преподавателя», «Профессиональная этика исследователя», «Профессиональная этика университетского менеджера», «Патос научно-образовательной практики», «Конфликты профессиональной и организационной этик в университете». Своеобразной конкретизацией двух ярусов этики университетского профессионала служит раздел «Минимальный стандарт», структурированный рубриками: «Метафора “минимальный стандарт” как этосный уровень системы моральных требований (“реально-должное”», «Минимальный стандарт» как способ совместить ригоризм и реалистичность в требованиях кодекса», «Минимальный стандарт» в сфере профессиональной этики»).

Корпоративная этика интегрирована в кодекс в качестве самостоятельного раздела «Императивы корпоративного поведения». Эти императивы рассматриваются в кодексе как *над*профессиональные регуляторы *организационного* поведения субъектов базовых профессий научно-образовательной деятельности университета.

Раздел структурирован следующими рубриками: «Взаимоотношения в организации», «Стиль решения конфликтных ситуаций», «Контрактность взаимных обязательств», «Забота корпорации о своей репутации», «Сочетание ценностей корпоративности с ценностями общественного масштаба», «Этикетные правила как регуляторы формальной стороны корпоративного поведения».

В ситуации нравственных конфликтов, возникающих при столкновении профессиональной и корпоративной морали, необходимо определение *приоритета*. И данная концептуальная модель кодекса исходит из приоритета, выбираемого в соответствии с предпочитаемой университетом идеей-миссией.

Не случайно тема конфликта требований профессиональной и организационной этики в университете представлена в кодексе в рамках разделов, посвященных *профессиональной* этике.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гусейнов А.А. Этика профессора, или исповедь на заданную тему // Новое самоопределение университета. Ведомости. Вып. 33 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. — Тюмень: НИИ ПЭ, 2008.
- ² См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику. — Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006.
- ³ См.: Бакштановский В.И., Богданова М.В., Согомонов Ю.В. Университет как научно-образовательная корпорация: дуализм самоидентификации и выбор приоритета // Философские науки. 2009. № 3.
- ⁴ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. «Дух университета»: проектно-ориентированная институционализация в этическом кодексе научно-образовательной корпорации // Новое самоопределение университета. Ведомости. Вып. 33.
- ⁵ Этический кодекс университета. Ведомости. Вып. 34. — Тюмень, 2009.
- ⁶ См.: journal.spbu.ru/index2006.html.
- ⁷ См.: www.2edu.ru/2edu/2edu.nsf/Display?OpenAgent&PageName=doc.html&root_id=articles&doc_id=235C915.
- ⁸ См.: www.aha.ru/~moscow64/educational_book.
- ⁹ См.: Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. — С. 72.
- ¹⁰ См., например: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: идея, основания, способ существования // Вопросы философии. 2007. № 9.
- ¹¹ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. — Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005.
- ¹² Professional ethics // International encyclopedia of ethics / Ed. J.K. Roth. — London; Chicago: FD, 1995. — P. 703.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Цит. по: Беккер Г. Природа профессионализма // Этика успеха. Вып. 3 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.А. Чурилова. — Тюмень; Москва, 1994. — С. 77.
- ¹⁵ Фрагмент исследования «Реформация и становление новоевропейской цивилизации», осуществляемого при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-00327а. (http://ethicscenter.ru/biblio/sOLOV_1.HTML)

КУРС ФИЛОСОФИИ КАК УРОК СВОБОДЫ

Б.И. ЛИПСКИЙ

Геометрия... Замечательная наука! Нет в мире ничего,
что не поддавалось бы твоим измерениям.
Но если ты такой знаток, измерь человеческую душу!
Скажи, велика она или ничтожна?
Ты знаешь, какая из линий прямая; для чего тебе это,
Если в жизни ты не знаешь прямого пути?

Луций Анней Сенека

Как известно, слово философия происходит из слияния двух древнегреческих слов: *phileo* — любовь и *sophia* — мудрость и означает — любовь (или стремление) к мудрости. Почему философия не сама мудрость, а только стремление к ней? Ведь обычно считают, что философия должна дать ответ на самый фундаментальный вопрос: «Что есть мир в целом, и каково место человека в нем?». Но если философ берется дать такой ответ, он перестает быть философом. Он уже не стремится к мудрости, а убежден, что обладает ею. Претензии на обладание высшей истиной характерны для мифологии, для религии, но не для философии. Задача философа не в том, чтобы сформулировать неизменные и вечные, годные «для всех времен и народов» вечные истины, а в том, чтобы показать стремящемуся к мудрости путь, идя по которому он сможет отыскать *свой собственный* ответ на мучающие его вопросы.

Для «героя нашего времени», которого один из самых популярных философов XX века Мартин Хайдеггер называл «Das Man» — «усредненным человеком», — наиболее характерной особенностью является самоуверенность. Этого человека трудно чем-либо удивить. Он все знает, всех охотно поучает, не ведая ни сомнений, ни боязни ошибиться. Хайдеггеровский «Das Man» — это именно «средний» человек, который полностью разделяет некую «усредненную» мораль своего круга и своей эпохи. Он глубоко убежден, что все люди в глубине души думают как он, ценят то же, что и он, стремятся к тому же, что и он. А кто думает иначе — тот

либо ненормальный, либо мошенник, скрывающий свои истинные мысли из какого-то корыстного расчета. Естественно, что философия, в смысле стремления к поиску собственного ответа на вопросы о цели и ценности человеческой жизни, для такого человека либо не существует вовсе, либо представляется каким-то словоблудием, праздным мудрствованием на пустом месте. Ибо для философии нет почвы там, где все ответы на смысложизненные вопросы даны и приняты заранее, еще до возникновения самих вопросов.

Философия, с самого начала, всегда есть дело не «усредненного», а личного разума. Она возникает, когда отдельный человек начинает сомневаться в безоговорочной истинности верований сообщества, к которому он принадлежит. Авторитетное свидетельство, которое в мифологии или в религии имело силу «решающего аргумента» в философии уже не рассматривается в качестве такового. Как бы ни был высок авторитет говорящего, в философии от него всегда можно потребовать обоснования своих положений. Характерное для философии сомнение в абсолютной непогрешимости даже божественного авторитета священных писаний, стремление «своим умом» убедиться в их истинности для многих философов стало причиной неприязни и преследований не только со стороны властей, но и со стороны безотчетно верующей «усредненной массы». Не случайно один из величайших философов древности – афинянин Сократ был казнен по приговору суда за «непочтение к богам и развращение молодежи».

Философия, как говорил Аристотель, рождается из удивления. Удивительное привлекает внимание человека, заставляя его усомниться в расхожих «истинах» и начать поиск собственного ответа. В разные исторические эпохи это «удивительное» могло быть весьма различным. Соответственно, различной становилась и направленность внимания, определение интересного и неинтересного. Поэтому философские учения разных эпох так отличаются друг от друга, а дискуссии, доходившие порой до вооруженных стычек, по прошествии лет зачастую воспринимаются как крайне бессодержательные и даже нудные.

Предмет философии не обнаруживается, а скорее создается в самом процессе философского размышления. Размышления физика, химика, биолога опираются на эмпирический опыт. Философские размышления касаются не отдельных предметов, а универсальных принципов, благодаря которым в предметный мир вносится определенный порядок: Космос, Природа, Истина, Благо, Мораль, Справедливость, – вот предметы философского размышления. Но ни один из них не может быть представлен в нашем опыте как отдельный чувственно воспринимаемый объект.

Именно отсутствие того, что мы ожидали увидеть и вызывает «удивление», с которого начинается философия. Известный испанский философ Ортега-и-Гассет говорил, что мы замечаем отсутствие фрагмента мозаики по оставшейся на его месте дыре; мы видим не фрагмент, а его отсутствие. Предмет философии, в отличие от предметов эмпирических наук, обнаруживается именно благодаря своему отсутствию. Мы ощущаем его как фантом, подобно тому, как инвалид ощущает свою ампутированную руку или ногу. Философское размышление, как правило, начинается с более или менее ясного предчувствия: «Здесь что-то должно быть!». Эта метафора отсутствующего фрагмента весьма характерна для философии. Ее употребляет экзистенциалист Хосе Ортега-и-Гассет, но ее же использует и основоположник диаметрально противоположной философской традиции – позитивист Огюст Конт.

Жизнь, осмыслением которой является философия, бесконечна в своих проявлениях. Никакая теория никогда не сможет воспроизвести ее исчерпывающим образом. Теория, которая стремилась бы полностью воспроизвести жизнь, должна была бы сама стать ею. Но это невозможно. Теоретическое воспроизведение действительности часто сравнивают с географической картой, точность которой тем выше, чем крупнее ее масштаб. Карта в масштабе 1:1 была бы самым точным отображением реальности, но кому может понадобиться такая карта?

Формирование каждой философской системы есть не более (но и не менее), чем открытие новой неожиданной перспективы, которая позволяет увидеть жизнь в ранее не-

доступном ракурсе. При этом прежняя перспектива уходит и забывается и, скорее всего, нам уже никогда не увидеть мир так, как видел его античный грек или средневековый монах. Поэтому совершенно утопичной является идея создания окончательной универсальной философии, как «общей теории всего», охватывающей своим содержанием все без исключения возможные миры и судьбы.

Открытие новых перспектив и создание новых философских учений всегда связано с конкретной личностью, с человеком, который не подчиняет свое сознание авторитетной традиции, а делает предметом размышления собственный духовный и жизненный опыт. Практически все крупные философские системы являются «авторскими проектами» и непременно несут на себе глубокий отпечаток личности творца. Но для того, чтобы они не остались только «проектами» — любопытными, но бесполезными «экспонатами» в музее творений человеческого духа, — они должны быть созвучны общим умонастроениям эпох и народов. Они должны говорить о том, что вызывало бы *сочувствие*, возбуждало бы «резонанс» в душах множества людей.

Возникновение «духовного резонанса», который способна вызвать та или иная философская доктрина, обычно связывают с общностью *мироощущения*. Под мироощущением понимается некий широкий эмоциональный фон, на основе которого формируются наши представления о мире и отношении к нему. Этот эмоциональный фон может быть открытым, оптимистическим, радостным, но может быть и наоборот замкнутым, пессимистическим, мрачным. Однако, помимо индивидуального, существует также и сверхиндивидуальное мироощущение, характерное для больших человеческих общностей. Это может быть мироощущение людей, принадлежащих к одной культуре, религии, национальности, социальному классу, поколению, исторической эпохе или психологическому типу.

Именно такое сверхличное мироощущение является основой интуитивной симпатии, которая вызывает *духовный резонанс* между самыми утонченными построениями интеллектуалов-философов и обыденным сознанием широких масс. Именно резонанс с общим духом эпохи, нации,

социального класса объясняет способность казалось бы самых абстрактных философских доктрин сначала мгновенно распространяться среди интеллектуальной элиты общества, а затем захватывать и массы людей, быть может никогда вообще не слыхавших о философии. Так в начале XX в. содержащийся в марксистской философии призыв к *социальной справедливости* был услышан и принят российским пролетариатом, а ближе к его середине ницшеанская идея господства *жизненной силы* и властной воли на какое-то время становится доминирующей в умонастроении германской нации. Однако это вовсе не означает, что все, кто принимал идеи марксизма или ницшеанства в качестве жизненных принципов, вполне понимали действительное философское содержание этих систем. Здесь можно говорить именно об интуитивной симпатии любого человека к рассуждениям о том, отсутствие чего переживается им как наиболее болезненное ощущение в его собственной жизни.

Человек, испытывающий страдание от отсутствия социальной справедливости, будет с особым вниманием прислушиваться ко всякому разговору о ней, тогда как страдающий от недостатка жизненной энергии, болезненно переживающий сознание собственной вялости и нерешительности, будет очарован проповедью властной воли. Беда лишь в том, что, как говорил Иешуа — герой романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Эти добрые люди... ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что эта путаница будет продолжаться очень долгое время... ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но однажды я заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил».

Широкое распространение философского учения почти всегда чревато искажением его первоначального «авторского» замысла. И не случайно Маркс, на вопрос о том, к какой философской школе относит он самого себя, ответил, что, во всяком случае, он не марксист. Не исключено, что и Ницше скорее всего отказался бы от причастности к той форме «ницшеанства», которая впоследствии стала официальной идеологией Третьего Рейха.

Мир философии отличается от мира физики или биологии. Изучение курсов естественнонаучных дисциплин знакомит человека с теоретическими моделями *определенных областей* реальности. Основы этих моделей были заложены создателями классической науки, и каждое новое поколение ученых развивало их идеи, внося свой вклад в *совместно* создаваемую *общую* теоретическую конструкцию. Так, например, система физического знания, развиваясь, постоянно обновлялась. Отдельные ее фрагменты либо отбрасывались, как заблуждения прошлого, либо включались в состав новых теорий как их частные случаи. Но актуальной при этом всякий раз становилась самая последняя модель, представляющая «современный уровень» физического знания. Ее-то и изучали в школах и университетах в качестве *Физики* как таковой.

С философским миром дело обстоит совершенно иначе, поскольку *совместное созидание* его общепризнанной теоретической модели в принципе невозможно. Философские вопросы касаются не того или иного *фрагмента* мира, а *всего мира в целом*. Поскольку эти вопросы являются *предельно широкими*, истинность ответов на них не может быть удостоверена ни эмпирическим, ни даже логическим путем. Ведь не существует никакой более широкой области действительности, по отношению к которой могла бы быть однозначно установлена их *общепризнанная* истинность или ложность.

В начале построения любой философской системы лежит акт *свободного выбора* ее предельных оснований. Многие философы, при всех разногласиях между ними, сходятся в том, что философствование как таковое, есть *дело свободного духа*. И в этом отношении всякий человек, *поскольку он свободен*, является потенциальным философом. Профессионализм же проявляется в том, чтобы, на свободно выбранных основаниях, построить *внутренне согласованную (консистентную)* систему взглядов, выражающих *собственную* жизненную позицию. Поэтому в любой философской системе всегда присутствует личность ее создателя. Это всегда философия Платона или Аристотеля, Декарта или Гегеля, Маркса или Хайдеггера. Но из их учений никак не удастся сложить некую целостную *«коллективную»* конструкцию.

Но в таком случае возникает законный вопрос: а можно ли философии научить? В том, что можно научить математике, физике, механике — нет сомнений. В отношении философии иногда такие сомнения высказываются.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно определиться в следующем отношении: в чем состоит специфика именно философского знания? Науке научить можно, и в этом нет сомнений, а вот можно ли научить не науке? По вопросу о том, является ли философия наукой, высказывались самые разнообразные мнения, начиная с того, что философия является не просто наукой, а матерью всех наук, и кончая тем, что она вовсе наукой не является и возможно, пора ее «сбросить с корабля современности», ибо «наука сама себе философия» и вполне может обойтись без последней. Представляется, что в этой дискуссии о научном статусе философии парадоксальным образом правы обе стороны.

А как возможно, чтобы были правы обе стороны? Обе стороны согласны в том, что философия от других наук отличается, вопрос же состоит в том, выводит ли это различие философию за пределы науки или не выводит. Более того, обе стороны согласны в том, каков характер этого отличия. Каждая из других наук является в определенной степени обезличенной, но с философией так дело не обстоит. Философия всегда имеет «подписной» характер. Такой степенью универсальности как, скажем, физика или математика философия не обладает. Разнообразие философских учений объясняется тем, что философ, в отличие от естествоведника, определяет фундаментальные основания своего исследования произвольно и в этом отношении он подобен художнику, который так же сам выбирает основания своей деятельности. В этом отношении правы те, кто не считает философию наукой: ведь основания философского исследования определяются субъективно. Но, произвольно выбрав основоположения собственного исследования, философ берет на себя обязательство построить на их фундаменте консистентную систему, т.е. систему связную, последовательную, строгую. Здесь правы и те, кто утверждает, что философия наука. Таким образом, философия одновременно и наука, и не наука.

Выступая наиболее ранней формой научно-теоретического отношения к миру, философия сама является теоретической системой особого рода. Будучи *консистентной* системой, любая философская доктрина может стать предметом преподавания и изучения. Но человек, изучивший ее, не достигнет того же результата, как, скажем, при изучении физики, потому что он будет знать именно *аристотелевскую* или *гегелевскую* философию. Более того, он не достигнет цели, даже если изучит *все* философские системы, ибо это будет знание не *Философии* как таковой, а лишь *Истории философии*. Поэтому невозможно создать такой учебник по философии, который, подобно учебникам по естественнонаучным дисциплинам, содержал бы только самые современные общепризнанные решения философских проблем, а саму философию нельзя выучить и запомнить так же, как физику или биологию. И все же знакомство с философией следует рассматривать как существенно важный аспект подготовки специалиста-теоретика, поскольку она представляет собой древнейший пласт теоретического мышления, имплицитно содержащий в себе практически все его более поздние формы.

Специфика философских вопросов не ограничивается только неоднозначностью решений. Философские вопросы отличаются еще и своей неустранимостью. Ведь не изучив, скажем, физики или биологии, человек вполне может нормально жить, если его профессиональная деятельность лежит в стороне от этих областей знания. Философские же вопросы — это вопросы, решение которых связано не с реализацией профессиональных устремлений, а со свободным выбором собственной жизненной позиции. Бог — это реальность или фантазия? Действительно ли существуют любовь, дружба, верность, или это не более чем красивые иллюзии? Дают ли наши чувства истинные представления о вещах или обманывают нас? Что является большим жизненным благом: признательность близких или солидный банковский счет?

Кто из нас никогда не ставил перед собой подобных вопросов? Однако внимательно рассмотрев их, можно увидеть, что все они представляют собой частные формы воп-

росов философских: «*Что значит быть?*», «*Что есть истина?*» и «*Что есть благо?*»? Ответы на подобные вопросы определяют не то, какой ты физик, биолог или юрист, а то, *какой ты человек*. Всякая попытка ответить на них — это уже начало философствования, хотя частная форма скрывает философскую природу этих вопросов. Философичность таких вопросов обнаруживается в принципиальной невозможности однозначных ответов на них. Невозможность эта *логически обосновывается* немецким философом Иммануилом Кантом и *практически подтверждается* всей действительной историей философии.

В самом деле, ни бытие, ни небытие Бога не доказываются и не опровергаются никакой логикой и никаким эмпирическим опытом. Считать его существующим или несуществующим — дело свободного выбора человека. Но, сделав выбор в пользу Бога, он займет совершенно иную жизненную позицию, чем в случае атеистического выбора. И то же самое справедливо в отношении вопросов о любви, верности или признательности близких. Таким образом, если мир естествознания содержит вопросы, ответы на которые вполне могут быть общепризнанными, не являясь, в то же время, необходимыми, то мир философии парадоксальным образом содержит вопросы, однозначное решение которых является и *необходимым*, и *невозможным* одновременно.

При этом и необходимость, и невозможность однозначного решения таких вопросов проистекают из одного основания: решение их связано с *самоопределением личности*. Действительно, если человек хочет занять собственную жизненную позицию, он должен совершить акт самоопределения, решившись на *свой собственный*, уникально-неповторимый способ бытия в мире. Каждый человек рано или поздно оказывается перед необходимостью такого выбора.

Возвращаясь к вопросу о том, можно ли научить философии, можно заметить следующее: обучение на философском факультете отличается от обучения на других факультетах. Физики, например, учат физику, понимая под ней последние достижения собственной науки. Ни в одной из классических наук нет такого внимания к собственной ис-

тории как в философии. В этом отношении на философском факультете учат не философии, а философствовать. В определенном смысле, это уроки свободы, уроки свободно выбираемых основоположений. Курс истории философии, занимающий примерно половину времени обучения философа, и призван обучить человека свободе, показав, что можно взять одни основоположения и построить на их основании консистентную систему, а можно другие. Человек становится философом, когда он способен выбирать основоположения произвольно и на основании произвольно выбранных основоположений строить консистентные системы. Исходя из этого можно ставить вопрос о перспективах и ресурсах философии. Если мы понимаем ее как Урок свободы, то перспективы оказываются открытыми. Здесь не скажешь, что философия может закончиться. Такова же задача и того, кто обучает философии, он преподает уроки свободы. Здесь преподавание философии – перспективно. Это своеобразная прививка свободы и эта прививка свободного использования своего сознания является необходимым дополнением любого образования.

Новые технологии

ИНТЕЛЛЕКТ. ДИДАКТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ (Часть I)

Б.И. ФЕДОРОВ

Процесс последовательного развития интеллектуальных способностей учащихся: *знания (узнавания), понимания и интеллектуального умения*, предполагает и соответствующее последовательное освоение ими в процессе обучения элементарных *логических* приемов, условий, правил и операций, определяющих интеллектуальные компетентности как умения практического использования их при работе с учебной информацией. Эта последовательность может быть отражена в следующей таблице.

Феномен исследования	Языковое выражение	Уровни знания	Логический анализ	Логический синтез
Отдельные объекты	Термины	Фактуальное (сенсительное)	<i>Деление термина</i> (рода на виды или целого на части)	<i>Определение термина</i> (качественное, генетическое, конструктивное и т.п.)
Отдельные факты	Высказывания	Фактуальное (сенсительное)	<i>Установление типа отношений</i> между терминами	<i>Формирование высказывания</i> соответствующего типу выявленных отношений между терминами
Связи или отношения отдельного факта с другими фактами	Рассуждения	Концептуальное (интеллектуальное)	<i>Доказательство как логико-информационная процедура выдвижения гипотез</i> , обуславливающих (подтверждающих, объясняющих, обосновывающих или опровергающих) описываемый факт	<i>Вывод следствий из гипотез</i> как логико-информационная процедура получения (нового) знания о будущих событиях

Продолжение. Начало см.: Философские науки. 2009. № 5, 6, 7.

Достижение главной цели или главного результата школьного обучения может осуществляться применением различных средств. Но сам процесс достижения главного результата школьного обучения, как, впрочем, и любых других дидактических целей, может осуществляться эффективным, слабо эффективным и совсем не эффективным образом. В последнем случае на достижение целей уходит, очевидно, настолько много сил и времени, что сама цель становится по существу недостижимой. Во втором случае цель или не реализуется во всей своей полноте, или на ее достижение тратится неоправданно много времени и сил. Поэтому достижение главного результата школьного обучения следует считать *эффективным* лишь в том случае, когда сам результат реализован полностью оптимальными средствами за минимальное количество времени.

Поскольку, согласно идеологии ЛИТО, главной целью школьного образования является развитие интеллектуальных способностей учащихся, то следует обратить внимание на то, что эффективность достижения этой цели зависит не только от разнообразия учебных дисциплин и методик их преподавания. Не в меньшей степени эта эффективность зависит и от соблюдения общих *условий*, своеобразных *критериев логико-информационной корректности*, которым должно удовлетворять использование любых средств обучения и любой учебной информации¹, как знания, представленного с помощью языковых структур в виде терминов и высказываний (описания) или рассуждений (объяснения и прогнозы). К числу этих условий относятся, прежде всего, самые элементарные: требование *ясности* и *полноты* информации, требование *точности* (определенности) информации, требование *последовательности* использования и связи информации, требование *доказательности* используемой в учебном процессе информации. Помимо означенных требований обязательным условием логической корректности выступают также учет *контекста* и учет *целевой установки* при использовании учебной информации.

¹ Под *учебной информацией* здесь и далее понимается информация, используемая для развития интеллектуальных способностей или умений учащихся

Элементарные критерии логико-информационной корректности

Ясность терминов, высказываний, включающих в свой состав отдельные термины, и рассуждений, состоящих из совокупностей или последовательностей высказываний, применительно к образовательному процессу означает в первую очередь то, что обучающий и обучаемый вкладывают в них *один и тот же содержательный смысл*, который знаком и понятен им обоим. Ясность фиксирует также определенный уровень полноты знания на уровне описаний, объяснений или прогнозов, если последние позволяют вполне определенно отвечать на вопросы типа: *что это такое, как это сделать, что означает то или иное следствие и т.п.* Фиксируя определенный уровень полноты знания, ясность в то же время всегда относительна, поскольку связана каждый раз с конкретной познавательной ситуацией, в которую включена не только сопутствующая информация, но и уровень осведомленности участников по поводу исследуемой ситуации. Не существует абсолютной ясности, абстрактной ясности. Ясность всегда конкретна, а вследствие этого и относительна. Неясность тех или иных языковых выражений устраняется различным образом: за счет закрепления вполне определенного значения терминов для конкретной познавательной ситуации, за счет введения определений, толкований, за счет выявления механизма происхождения языкового выражения или принадлежности слов к тому или иному терминологическому тезаурусу и т.п. Возьмем слово «элиминирована». Допустим, Вам оно встретилось впервые, а потому и неясно, о чем идет речь, или Вы сомневаетесь в правильности своего восприятия этого термина. В нашем случае иностранное слово «элиминировать» просто заменяет русское «устранить», «исключить» и употреблено из соображений стилистики (нехорошо, если одно и то же слово слишком часто используется на одной и той же странице). Слова «устранить» и «элиминировать» фиксируют одну и ту же информацию, относятся к одной и той же ситуации, связанной со словом «неясность». То есть, читая текст, можно просто догадаться, о чем идет речь. Если все же сомнение остается, нужно обратиться к словарю и проверить, совпадает ли Ваше толкование с общепризнанным.

Очень часто неясность возникает при чтении специальной литературы из разных областей науки и техники, ибо такого рода тексты насыщены особой терминологией, принятой в данных сферах знания. Нельзя изучить какую-либо науку, не овладев ее специальным языком. Однако вполне оправданный в условиях научно-технического познания, специальный язык в обыденных условиях оказывается труднопреодолимой или вообще непреодолимой преградой. Ясность всегда фиксирует определенный уровень полноты нашего знания. В этом плане ясность, как и неясность, всегда относительна для целей и задач, которые стоят перед создателем или получателем информации. В принципе даже и не важно, идет ли речь о какой-либо обыденной ситуации или о специальном научном исследовании. В каждом таком случае просто будет иметь место ясность (неясность) в рамках именно данных конкретных условий. Фиксация этих условий, ясное представление целей самым непосредственным образом заставляет ограничивать творимую или получаемую информацию, делая ее более *точной*. Видимо не случайно слова «точный» и «точка» достаточно близки. В языке как синонимы рассматриваются такие обороты: «он выражается точно», «попал в самую точку», «точка в точку» и т.п. Речь идет о том, чтобы не растекаться мыслью по древу, не говорить все вокруг да около, не вообще рассуждать, а именно о том, что является предметом беседы и при этом подобрать такие термины, которые в наибольшей степени соответствовали бы выбранной теме.

Точность, или определенность языковых выражений, используемых в описаниях, объяснениях и прогнозах, предполагает возможность установления их информационных *границ*. При этом само уточнение реализуемо лишь тогда, когда прежде выполнено условие ясности. Критерий точности связан с процедурами конкретизации языковых выражений, с привязкой используемой информации к непосредственной теме разговора и одновременным определением самого уровня конкретизации. Не уточненная, а, следовательно, неопределенная информация практически не имеет познавательной ценности и не способствует эффективности использования ее для решения конкретных задач.

Границы информационной точности всегда относительны, подвижны и определяются в первую очередь конкретными условиями и задачами использования информации в тех или иных целях. Не существует абсолютной точности, абстрактной, оторванной от конкретной познавательной ситуации. Точность, как правило, требует «информационной жертвы»: для того, чтобы уточнить, необходимо увеличить количество используемой информации. Уточнение смысла термина, высказывания или формулировки отдельной проблемы связано с процедурами логического ограничения или конкретизации, которые осуществляются за счет привлечения дополнительных (уточняющих) свойств обсуждаемых объектов или проблем.

Рассмотрим пример, приводимый как подтверждение роста качества жизни: «доходы населения за истекший период выросли на 12% по сравнению с таким же периодом прошлого года». Можно ли назвать такую информацию точной? — Да, если ограничиться рассмотрением только доходов. Само слово «доход», как поясняет В. Даль, есть то, «что доходит до рук ... денежная выручка...» и в таком ключе фиксирует только одну сторону дела. Другая же, непосредственно с ней связанная, это расходы, по крайней мере те, без которых просто не обойтись. И если такие расходы (цены на продукты питания, жилье, одежду, общественный транспорт и т.п.) выросли за тот же период, скажем, на 20%, то вряд ли нас обрадуют такие вот, с позволения сказать, «доходы». В данном случае фиксация одних только доходов, демонстрация роста их в процентном отношении и не принятие во внимание расходов, вряд ли может быть названа точной информацией для оценки качества жизни граждан. Это пример «лукавых цифр».

Последовательность. Не меньше трудностей возникает и в реализации нашего желания быть *последовательными* в передаче информации. Само слово «последовательность» или «последовательный» трактуется как «непрерывно следующий за другим» (Ожегов). Может быть несколько филологически вольно, но в этом слове как бы фиксируется движение по следам уже сказанного, когда предыдущее подготавливает некоторую новую информацию. Или, как говорит Платон, это не «какие-то фразы, умышленно подогнанные друг к другу, а положения, вытекающие ... само собой одно из другого» (Т. 3. — С. 279). Вот это «само собой одно из другого» представляется нам вполне самоочевид-

ным, поражает своей легкостью и доступностью, но только поначалу, пока не столкнешься с реалиями языковой передачи информации.

Вообще последовательность в описании, пространственном соположении различных предметов, явлений задается точкой зрения автора, это он так видит и здесь, наверное, трудно задать некий стандарт в последовательности. Иное дело, скажем, последовательность в учебном процессе. Здесь она предстает как переход от простого к сложному, базируется на уже имеющихся знаниях. Бессмысленно предлагать школьнику написать сочинение, если он не знает даже алфавита. Учебная программа школы или вуза создается исходя из конечных целей образования как по количеству (объему) информации, так и по ее содержанию для каждого класса или курса. И реализуется она последовательно, т.е. каждая предыдущая ступень обучения создает необходимые предпосылки для последующей. Легче быть последовательным, когда известны цели и пути их достижения, но порядок шагов предстает в виде проблемы. Другое дело, если перед тобой неизвестная или слабо исследованная область. Одно дело, скажем, последовательность действий при решении школьных математических задач, когда каждое последующее действие оказывается невозможным, если не выполнено предыдущее и совсем другое, если далеко не очевиден самый первый шаг, во многом определяющий все остальные.

Нарушение последовательности или смысловой связи перехода легко заметить, если предыдущая информация никак не подготавливает вопрос, который должен базироваться на этой информации. Как в известной шутливой задаче: «Из пункта А в пункт В вышел поезд, состоящий из 15 пассажирских вагонов, среди которых 2 вагона СВ, 4 мягких, 6 купейных, а остальные плацкартные. Средняя скорость поезда равнялась 70 км/час. Спрашивается, сколько лет было теще машиниста Ивана Петровича, если в пункт В поезд прибыл через 10 часов?» Ответить на этот вопрос невозможно, ибо информация условий задачи содержательно никак не связана с поставленным вопросом.

Последовательность языковых сообщений как формы представления знаний предполагает такой порядок их использования в учебном процессе, при котором каждый законченный информационный фрагмент является необходи-

мым, а в отдельных случаях и достаточным условием ясного и точного восприятия или понимания непосредственно следующего за ним фрагмента. Этот критерий предполагает расположение учебного материала по принципу «от простого к сложному» или по принципу «от общего к частному» при изложении учебного материала, но по принципу «от сложного к простому» при контроле усвоенных знаний. При этом под *простым* знанием следует иметь в виду такое, которое для своего уяснения или понимания не требует привлечения дополнительной информации, а под *сложным* такое, которое требует привлечения дополнительной информации для своего уяснения или понимания. Критерий последовательности информации в педагогической практике означает также ее *неперестановочность*. В учебно-методическом комплексе не должны меняться местами ни главы, ни параграфы, ни абзацы текстов. В этом случае можно рассчитывать на логически корректный учебный материал, который будет осваиваться учащимися более эффективным образом. Следует заметить, что последовательность, как и первые два критерия, всегда относительна и зависит от конкретного содержания той или иной учебной дисциплины.

Текст будет непоследовательным, если фразы можно переставить местами, связывать их произвольно, нарочито, надуманно, когда отсутствует принудительность перехода от информации одной фразы к информации другой. К примеру, неважно как мы выразимся: «В огороде бузина, а в Киеве дядька» или «В Киеве дядька, а в огороде бузина». Последовательно же построенные тексты таких операций не выдерживают без кардинальной утраты смысла.

Попробуйте поменять местами или заменить фразы в следующем тексте: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». Можно быть атеистом, можно не соглашаться с толкованием отдельных слов и фраз в данном фрагменте, но трудно обвинить создателей этого текста в непоследовательности. Каждая законченная фраза в приведенном фрагменте предполагает предыдущую фразу и, по существу, оказывается без нее неясной.

Доказательность. Это требование не применимо по отношению к отдельным терминам или фразам, а также к процедурам простой передачи информации с целями узнавания типа рассказа, повествования, описания каких-либо событий. Оно актуально в ситуациях дискуссий, споров, деловых бесед, переговоров и тому подобных обстоятельств, когда стоит задача убедить собеседника в правильности выбранного решения, способа действий и т.д. Доказательство, по авторитетному мнению Платона, одна из труднейших задач. Действительно, сколько разнообразных способов, зачастую весьма экстравагантных, находит человек, чтобы убедить другого или других в предпочтительности своего мнения, образа действий или рекламируемого товара. Сколько нужно ухищрений, чтобы подобно одному из героев О. Генри, продавать фермерам «комбинацию из валька для отбивания бифштексов, рожка для ботинок, щипцов для завивки, пилки для ногтей, машинки для растирания картофеля, коловорота и камертона».

Стоит задуматься над тем, как соотносятся термины «доказательство» и «убеждение». Что скрывается за словами типа «Я убежден в этом», «Я могу это доказать» или «Я убежден в этом, ибо могу это доказать», или «Я могу это доказать, так как убежден в этом»? Нередко «убедить» и «доказать» воспринимаются и толкуются как синонимы — «доказать, то есть убедить, а убедить, то есть доказать». Иначе говоря, в данном случае полагают, что если человеку привести ряд строгих доказательств, то он будет убежден в том, что вы ему доказали, превратится в вашего сторонника и последователя. Однако часто бывает и так, что человек, хотя и не может возразить приведенным доказательствам, но убежден-то он как раз в противоположном, и любые доводы «против» просто не могут достучаться до него, поколебать его принципы, его веру. Присмотритесь, к примеру, к иным политическим дискуссиям. Каждая из сторон приводит в свою пользу массу, как им представляется, ясных и бесспорных положений. Эти стороны могут даже согласиться, что обсуждаемая проблема крайне важна, требует всестороннего обсуждения, нельзя откладывать ее решение в долгий ящик и т.д. Но как только разговор касается глубинных мо-

ментов концепций, так взаимные доводы «против» натываются на глухую стену их убеждений и просто не воспринимаются, а то и укрепляют их позиции. «Раз Вы, уважаемый оппонент, тратите столько сил, дабы разбить мою позицию, значит, она не столь уж и беспочвенна, ибо зачем же ломиться в открытую дверь и доказывать очевидное?! И чем более неожиданные и хитрые ходы в своих речах Вы предпринимаете, тем сильнее, как Вам это ни покажется странным, я буду убежден в своей правоте!» — примерно так может молчаливо рассуждать каждый из собеседников (политических противников).

Другое толкование — «доказать, чтобы попытаться убедить», представляется менее претенциозным, не претендует на всемогущество одних только логически корректно построенных доводов. В самом деле, логика ведь не может претендовать, да и не претендует на роль единственного и всеобъемлющего критерия человеческих рассуждений. Она всего лишь инструмент в наших руках, одна из важнейших составляющих культуры мышления, но не тождественна ей и не исчерпывает всю ее. Наши убеждения, конечно же, формируются под воздействием и строгих доказательств, но не менее важны и иные доводы — традиции, ценности, психологические воздействия, примеры из жизни почитаемых личностей и т.д. и т.п.

В науке, несомненно, превалирует строгое доказательство в виде определенной последовательности формул или тысячекратно проведенных экспериментов. В сфере религии эти способы вообще не работают, и акцент делается на опыте личного духовного переживания божественного присутствия, которым можно поделиться с другими, но не доказать другим. Нечто подобное мы встречаем и в искусстве.

Однако вовсе не всегда и в науке можно доказать свою точку зрения в качестве единственно приемлемой. Возьмем такой больной для нас вопрос о путях развития России. Легко было бы доказать, что следует предпринимать именно такие действия, если бы законы и цели истории были доподлинно известны, бесспорны, а пути достижения целей четко разделены по нечеткому критерию добра и зла, а не по критерию рационально (эффективно) и нерационально (неэффективно). Но, увы, все гораздо сложнее и, строго

говоря, даже исторический опыт других (называемых ныне передовыми) стран не может быть краеугольным камнем в доказательстве предпочтительности их пути. Ведь сегодняшнее их относительное благополучие, так завораживающе на нас действующее, не является гарантом их благополучия завтрашнего. История не только не прочитанная, но и ненаписанная книга и никто в точности не знает, что там, в следующей главе. Потому и предлагаются разные программы, потому и ломаются копья не только в научных спорах, но и в политической борьбе за голоса избирателей, дабы заручиться мнениями миллионов неспециалистов и проводить в жизнь свои теоретические концепции, чтобы на деле доказать правоту своих воззрений. Иных путей демократия не приемлет. Так обстоят дела со времен античности, когда в борьбе мнений граждане отдавали предпочтение тому или иному оратору и, соответственно, тому или иному образу действий. Далеко не случайно, что именно в древней Греции так много внимания уделялось искусству красноречия и умению воздействовать на аудиторию системой доказательств. Именно там и в те времена появились и первые учителя риторики как умения владеть словом, и это античность подарила нам первые работы по логике, не утратившие и сегодня своей новизны и привлекательности. Кстати, в эти же времена было осознано, что вовсе не одно и то же — быть убедительным и уметь доказать истинность выдвигаемых положений, что между ними существует как постоянный конфликт, так и постоянный контакт. Несомненно, что обе эти установки являются необходимыми моментами культуры мышления. Следует отметить также, что доказательство не сработает, если термины и составленные из них высказывания будут неясны вашему собеседнику, если вы не договорились о точности этих выражений и, конечно же, если ваши доводы будут непоследовательны.

Доказательность как критерий информационно-логической корректности реализуется в практике обучения, прежде всего, за счет строгого соблюдения правил обоснования (аргументации или доказательства) и правил логического вывода. Особое внимание здесь необходимо обращать на предпосылочное знание (аргументы). Необходимо стро-

го следить за тем, чтобы их функцию выполняли лишь научно проверенные положения, в истинности которых сомневаться не приходится. При этом следует учитывать, что существует различие между видами доказательства в гуманитарном и естественнонаучном знании. Общим моментом для разных видов доказательства и вывода в учебной практике должно стать стремление *убедить*, а не только продемонстрировать правильность или неправильность отдельных утверждений или процедур. Доказательством не достигнуть поставленной цели, если используемые в нем отдельные языковые выражения не удовлетворяют критериям ясности, точности и последовательности. Доказательность предполагает прежде выполнение первых трех условий логико-информационной корректности. Как и они, доказательность всегда относительна и привязана к конкретным целям и задачам того процесса, в котором она должна быть реализована.

Контекстуальная обусловленность информации. Слова или составленные из них фразы нельзя истолковать ясно и точно, если эти языковые образования не включены в некоторое целое — коммуникативный акт, в который входят источник информации, ее получатель и то окружение, в котором эта информация существует. Вот это целое, в самом общем плане, и принято называть словом «контекст». В специальной литературе выделяются самые различные виды контекстов, но суть дела может быть сведена к двум их толкованиям: первое, более широкое, включает в себя все возможное разнообразие факторов, сопутствующих словесной коммуникации. Сюда входят культурные, научные, психологические, экономические, политические, ситуативные и тому подобные условия. Второе, более узкое, когда имеется в виду только непосредственное словесное окружение того или иного слова или фразы. Понятно, что четко отграничить каждый из них весьма не просто и не всегда удается. Чаще всего акцентируется внимание на том или ином виде контекста, а остальные моменты, хотя и наличествуют, но просто опускаются, не рассматриваются. К примеру, идет обсуждение экономических проблем. Оговаривают, что их успешное решение самым непосредственным образом за-

висит от стабильности политических условий. Далее принимают их за достаточно стабильные и ведут анализ только с точки зрения экономики.

В более узком смысле под контекстом имеют в виду непосредственное словесное окружение основного термина или фразы, способствующее ясному и точному их осмыслению. Термины или фразы, которые взяты отдельно, вне контекста, допускают самые разные, далеко не однозначные толкования. Интерпретировать языковые выражения, используемые в учебном процессе, ясно и точно оказывается возможным лишь в том случае, когда они приведены в соответствие с контекстом, который устраняет или, по крайней мере, значительно снижает меру их неопределенного толкования. Не трудно заметить, что соблюдение указанного требования в реальном педагогическом процессе может значительно снизить затраты времени на решение конкретной учебной задачи. Таким образом, мы можем интерпретировать фразы ясно и точно только с того момента, когда установим, в каком контексте она создана. Только после этого мы можем установить, что же имеется в виду, каков смысл каждого слова и, соответственно, всей фразы.

Контекст играет роль своеобразного преобразователя стандарта, дает возможность различным прочтениям, поэтому каждый информационный фрагмент получает свое звучание в новом стилистическом ракурсе. Не бывает информации безотносительной к контексту, всякая информация порождается, транслируется и воспринимается в определенном контексте.

Можно сделать вывод, что контекст, как правило, устраняет или снижает энтропию (уровень неопределенности информации) слова, фразы, текста. Мы не случайно употребили выражение «как правило», ибо бывают случаи, когда контекст служит для создания некоторой неопределенной, проблемной ситуации. Например, в учебных целях при формулировании условий задачи некоторые компоненты знания нарочито остаются невыясненными, и обучаемому самому предлагается устранить эту неопределенность, решить, скажем, математическую задачу. Однако, и это важно отметить, в любом случае контекст фиксирует отноше-

ние данной информации к иной и призван описывать (устанавливать) это отношение ясно и точно.

Целевая установка. Большое значение при передаче и приеме учебной информации в аспекте выполнения условий ее логико-информационной корректности имеет также учет *целевой установки или целевой обусловленности* тех, кто участвует в коммуникативном акте. В учебном процессе целевая установка должна формулироваться (задаваться) учителем и быть тесно связана с конечной целью решаемой учебной задачи. Формирование целевой установки позволяет учителю сосредоточить внимание учащихся на самых важных моментах в учебной информации, позволяет направлять в нужном русле их действия, экономно расходовать время обучения. Ее необходимо постоянно учитывать в учебном процессе при решении различного рода образовательных задач, связанных с освоением любой учебной темы. Целевая установка должна отражать:

- современный взгляд на проблемы, обсуждаемые в учебной теме;
- главные направления или аспекты, в рамках которых осуществляется поиск ответов или решений по обсуждаемой учебной теме;
- трактовку уровня «глубины» знания и понимания обсуждаемых проблем;
- теоретическую и/или практическую значимость решения обсуждаемых проблем для освоения всего предметного содержания школьной дисциплины или связанных с нею учебных тем.

Таким образом, сами признаки «целевой установки» оказываются тесно связанными с достижением главной цели школьного обучения, поскольку способствуют отбору содержания образования для последовательного формирования фактологического, критического и научного типов мышления учащихся.

То, с какой целью мы нечто высказываем или пишем, слушаем или читаем, самым непосредственным образом сказывается на том, какие слова и языковые обороты мы будем использовать, какую форму связи отдельных компонентов текста мы предпочтем, что из прослушанной или прочитан-

ной информации представляет для нас особый интерес, а что мы можем опустить. Например, если у нас крайне мало времени, то мы не будем начинать строить сообщение «издалека», а предпочтем телеграфный стиль, постараемся отыскать самые информационно емкие слова, изложить только суть дела, опуская всяческие мелкие подробности. Иное дело, если мы выступаем с научным докладом или пишем статью. В данном случае нам важно показать проблему с разных сторон, проанализировать прежние и современные точки зрения, сформулировать особенности своего подхода, привести аргументацию своей позиции и т.д. Примерно также мы поступаем и в случае восприятия информации, к примеру, при чтении газеты. Один начнет (а может быть и закончит) с программы телевидения, другого интересуют финансовые новости, третий читает в газете только аналитические статьи политологов, да к тому же отдает предпочтение двум-трем авторам, а четвертый открывает газету с целью обнаружить новый кроссворд и только. Или у нас в руках новая книга по интересующей нас научной проблематике. Если наша цель просто познакомиться с ней, мы начнем с аннотации или оглавления, можем бегло полистать ее и составим впечатление о том, стоит или нет знакомиться с ней более тщательно. Если же книга рекомендована учителем или относится к разряду базовых при изучении данного предмета, то и чтение ее будет существенно иным. Мы будем внимательны к каждому слову и фразе, текст читать будем, скорее всего, неоднократно и не раз возвратимся к ранее прочитанным страницам. Будем подчеркивать наиболее важные фрагменты (если это наша книга) или конспектировать эту работу. И тут возникает достаточно непростой вопрос – а как наиболее эффективно воспринимать информацию, как отделить важное, существенное от того, что можно опустить или хотя бы сократить без искажения исходного текста? Прежде чем ответить на эти вопросы, уясним ряд специфических моментов при порождении и восприятии информации. Исследователи отмечают, что для коммуникаций с помощью естественного языка характерны две разнонаправленные тенденции – стремление к избыточности при порождении информации и стремление к экономии речевых

средств, сворачиванию или минимизации информации при ее восприятии. Возьмем, к примеру, ситуацию порождения информации в учебном процессе. Произносимый учителем текст содержит и ранее известный материал, и повторения, и излишние подробности, и примеры. Иногда, увы, в этот текст попадают не очень удачные словесные обороты или неправильно поставленные ударения. Учащийся же стремится зафиксировать в памяти или на бумаге только наиболее существенное. То же самое происходит и при чтении любой учебной или научной литературы. Таким образом, получаемая информация, в самом общем плане, может быть поделена на «полезную» и на «помехи». В полезную информацию принято включать новую информацию, часть избыточной, которая служит для связи с ранее известной и шум, который в строгом смысле не может быть назван полезной информацией и является элементом помех, но нередко сопровождает и новую информацию. Новая информация – это то, ради чего, собственно, и создается текст. Шум – это вольно или невольно попавшие в текст ошибки (в расчетах, обобщениях, выводах, рекомендациях и т.п.). Поскольку такого рода ошибки могут привести к разнообразным негативным последствиям, понятно, что шум – самая опасная и нежелательная составляющая текста. К избыточной информации относятся известные сведения, повторения, излишние подробности, неуместные отвлечения и т.п. Та часть избыточной информации, которая создает помехоустойчивость текста, а также обеспечивает восприятие и усвоение новой информации, входит в полезную информацию. Но избыточная информация может и создавать помехи в восприятии текста за счет обширных отвлечений от обсуждаемой темы, мелких подробностей и повторений, которые, в конечном счете, не соответствуют целевой установке получателя информации. Эта часть избыточной информации попадает в раздел помех, которые кроме нее включает в себя шум и искажения. К искажениям принято относить стилистические и орфографические ошибки, неясные и неточные формулировки, ошибки в цитировании и т.п.

Продолжение следует

ОТ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ ДО ЛУЖКОВА, ИЛИ ШКОЛУ – ДЕТЯМ!

Я.С. ТУРБОВСКОЙ

Правительство Москвы обязало
Департамент образования Москвы:

**«Начать с 1 сентября 2005 года экспериментальную
отработку модели 6-летней начальной школы, определив
для этого по одному образовательному учреждению
в каждом административном округе».**

Непосвященному в проблемы школьного образования трудно определить из контекста Постановления всю методологическую и организационную уникальность этого документа и, соответственно, оценить историческую актуальность и сущностную значимость деятельности, необходимой для ее реализации.

Обратим внимание, что прямая ответственность за осуществление эксперимента непосредственно была возложена на исполнительные органы московской власти именно мэром Ю.М. Лужковым, что изначально придавало самой проблеме принципиально другой статус и выводило ее решение на уровень, избавляющий от множества бюрократических проволочек. Никогда ранее у нас в стране не было примеров, когда **властные структуры не только выступали инициаторами создания методических учебных моделей, но и брали на себя ответственность за эффективность ее реализации.**

Вот уже в течение многих десятилетий всех – и науку, и практику, и учителей, и родителей – волнует «проблема 5-ого класса», в котором с невероятной остротой проявляется огромный клубок вопросов требующих осмысления и принятия соответствующих решений. Здесь и потеря интереса к учению, и резкое снижение качества образования, и многочисленные конфликты, и психологическая угнетенность ребенка, и возникновение резких стрессовых состояний, и т.д. Как же можно изменить ситуацию? Ведь необходимо учесть огромное количество факторов: ухудшающееся состояние здоровья, нарастающую эмоциональную тревожность, исчезающую познавательную активность – а список

возникающих в 5-м классе бед, о которых, повторюсь, всем хорошо было известно в течение не то что лет, а десятилетий, можно продолжить.

В поиск их устранения активно включились и педагоги-методологи, и психологи, и методисты, и теоретики-дидакты и, естественно, сами учителя. Так что в нежелании решать «проблему 5-го» класса никого обвинить нельзя. Правда, неизвестно, как скоро будут найдены столь необходимые решения, и каждой из дающих о себе знать проблем, в отдельности, и всех их, вместе взятых. Причем это хоть и слабое утешение, но многие требующие решения проблемы в одинаковой степени касаются не только отечественного образования, но и всех национальных систем образования в мире. Ведь всем уже понятно или становится все более понятным, что в число проблем, от которых, несомненно, зависит качество образования, требуемый уровень его конкурентоспособности входит и содержание образования, и качество программ и учебников, адресованных школе, и качество подготовки и переподготовки педагогических кадров, и все, что связано со средствами и методами повышения эффективности учебно-воспитательного процесса. И не менее понятно, что их эффективное решение позволит надеяться и рассчитывать, что будут решены не только «проблема 5-го класса», но и образования в целом.

И также понятно, что рассчитывать на возможность научного решения фундаментальных проблем познания закономерностей учебно-воспитательного процесса «в одной отдельно взятой стране», значит и себя, и других вводить в заблуждение, значит, не понимать специфики мира образования и значимости каждой из выявленных и при этом достаточно автономных в своей специфичности проблем.

Не на все вопросы может в данный момент ответить наука, не во всем она может придти на помощь массовой практике, подсказав единственно правильное и нужное решение. И, кажется, с этим выводом, особенно после многих радикальных реформаторских новаций, навязанных органам управления массовой практикой, педагогические коллективы и широкая общественность все больше и больше свыкаются и соглашаются.

Итак, должна была быть разработана и создана модель «6-летней школы» как средство решения проблемы 5 класса. Как отмечалось, именно актуальность этой проблемы в течение многих лет фиксировалась и теоретиками, и практиками, именно в ней с невероятной убедительностью проявился разрыв между начальной и средней школой. И именно она является недопустимым проявлением деформирующих недостатков учебно-воспитательного процесса. И именно поэтому из года в год провозглашалась необходимость устранения этих многочисленных недостатков и прилагались огромные усилия для их устранения. Но, несмотря на принимаемые меры, проблема 5 класса, какой была, если иметь в виду массовую школу, такой и оставалась. И вот, из всей совокупности возникающих в 5 классе проблем была вычленена только одна проблема — *возникновение резких стрессовых состояний ребенка, возникновение чувства проживаемой неуспешности и недопустимо высокой эмоциональной тревожности.*

Именно осознание недопустимости такого положения, в которое попадает ученик начальной школы, необходимости придти на помощь ребенку, находящемуся в таком эмоциональном и душевном состоянии, и проистекающая из этого обязательность незамедлительного, радикального изменения такой ситуации, подсказали реальное и единственно возможное решение проблемы. И суть его именно в целостности понимания жизни вообще и человеческих отношений в особенности. Если ребенок в 5 классе из-за резкой смены условий обучения, предъявляемых методов и форм обучения испытывает эмоциональную тревожность, неуверенность в себе, то его ни в коем случае нельзя оставлять наедине со всеми этими навалившимся на него трудностями. Не так ли?

И кто, как не человек, которому он доверяет, к которому он тянулся все годы обучения в начальной школе, может помочь ему в этот сложный жизненный период? Это — учитель начальной школы, 4 года сопровождавший своих подопечных, и ставший навсегда для каждого из них **первым** учителем.

В принятом Правительством Москвы постановлении отстаивается необходимость разработки модели, основанной на переводе учителя начальной школы вместе со своим классом в 5-й. И тогда по целевой предназначенности этой

модели с каждым пятиклассником рядом окажется человек, *который поддержит, поможет в трудную минуту объяснить, что делать, как поступить.* Человек, на которого можно положиться и который ни за что не оставит наедине с возникающими трудностями.

Я уже отмечал, что не знаю ни одного государственного правительственного постановления, связываемого с необходимостью создания *учебной* модели. Но тем приятнее и то, что в данном случае учтено самое главное условие, обусловленное фундаментальными особенностями мира образования. В этом постановлении предусмотрена необходимость тщательной предварительной отработки модели в **экспериментальных** условиях, что, к сожалению, не всегда осуществляется даже теми, кто, казалось бы, обязан был перед массовым распространением новации проверить ее эффективность именно в эксперименте. И эксперимент в том же намеченном 2005 г. был начат.

Департамент образования г. Москвы издал соответствующий приказ, административные округа выделили по одной — две школы и началось целенаправленное осуществление лужковского решения. Это, насколько я могу судить, *первый эксперимент, начатый в условиях бесконечно реформируемого и модернизируемого образования, который был активно поддержан педагогическими коллективами школ и родителями учеников, оказавшихся в экспериментальных классах.*

А за строками официального постановления Правительства Москвы о необходимости создания и экспериментальной отработке модели «6-летней начальной школы», к сожалению, оказалась невыявленной для широкой общественности **социальная значительность факта** принятого столь нужного нашим детям и всей системе отечественного образования решения.

Не буду перечислять действительно огромное количество затруднений, не только лишаящих, но и просто не допускающих даже возможность осуществления этого проекта. Но среди них есть такие, о которых просто нельзя сказать. И первое из них состоит в том, что не каждого учителя начальной школы, в течение 4 лет учившего своих учеников, можно и нужно — именно нужно! — переводить с ними в 5 класс. Ведь есть одно обязательное условие, без соблюдения которого

этот перевод не только бесполезен и бессмыслен, но даже вреден. И условие это — *отношение самих учеников к этому учителю*, степень его духовной и душевной близости с ними, их откровенное стремление продолжать общение с ним, находиться с ним рядом, видеть в нем друга и нравственную опору. Ведь есть, к сожалению, и в начальной школе, учителя, с которыми дети просто мечтают расстаться. И ничего хорошего от перевода такого учителя ожидать не приходится. А как быть в случаях, когда учитель не имеет юридически формального права работать в среднем звене школы? А как решать проблему учебной нагрузки учителя, переходящего вместе с учениками в 5 класс и оплаты его труда? Да и что ему преподавать в этом самом 5-м?

И таким образом найденное, казалось бы, всех устраивающее и действительно «простое» решение, оказывается в реальных жизненных условиях не таким уж и простым и трудно реализуемым.

И только благодаря совпадению замысла и реальной готовности людей искать пути его осуществления, искомая модель — ведь сейчас 2009 год! — была не только создана, о чем уже можно утверждать, но и доказала реальную практическую эффективность, сняв, по сути, с повестки дня извечную «проблему 5 класса».

Вот он, конкретный учитель начальных классов, и определить, подходит он для роли пролонгированного и нужного детям наставника или нет, удалось ему за годы 4-х летнего общения сохранить и упрочить свои отношения с детьми или нет — руководителям школы. Если «да» — один ответ, если «нет» — очевидно, другой.

Ведь речь шла не об одном учителе и не только для одного года. Модель создавалась не для разового действия, а для непрерывного, циклично растягиваемого по длительности с 4-х летней начальной школы уже не на 4, а на 6 лет. И, следовательно, таких учителей, переходящих со своим классом в 5-й уже нужно было не 4, а, как минимум, 6. И каждый из них должен был быть желанной для детей кандидатурой и для каждого из них, о чем уже говорилось, нужно было создать жизненно необходимые условия. Но — о чем так же уже говорилось — поставленная задача всеми осоз-

навалась как действительно неотложная необходимость, и отсюда естественно проистекает активное отношение педагогов к ее практическому воплощению в жизнь.

Но многофакторная зависимость возникающей ситуации в 5 классе изначально не могла системно решаться одним фактом перевода учителя вместе с классом. Это решение, по определению, несомненно, смягчая остроту ситуации, не решало проблемы и не было рассчитано на ее полное решение.

Там, где возникает психологический дискомфорт, там, где человек начинает испытывать эмоциональную напряженность, чисто человеческая поддержка и проявленное в нужную минуту внимание не последнее по своей реальной значимости средство. Помочь таким образом ребенку, предоставить ему возможность в новых непривычных условиях чувствовать близость уважаемого человека, значит сделать его эмоционально защищенным. Однако самой проблемы 5 класса просто пониманием не решить, ибо сама проблема **являлась следствием** каких-то других причин и факторов, которых один лишь перевод учителя не устранял, и устранить, по определению, не мог. И, следовательно, по-настоящему эффективной модель могла стать только в случае выявления и устранения этих самых факторов и причин, столь гнетуще действующих на ученика 5 класса.

Таким образом, модель, которую предстояло теоретически обосновать и экспериментально отработать, в действительности произрастала из заботы об эмоциональном состоянии ребенка и, тем самым, не только определяла отбор и выбор необходимых решений, но и логику их поиска и формулирования вида задач, подлежащих экспериментальной проверке.

Благодаря системно осуществленному анализу были выявлены и выделены из большого числа недостатков именно те, которые и приводят к возникновению такой разрушительной ситуации и, следовательно, **устранение которых способно коренным образом ее изменить.**

Системный анализ проблем, проявляющихся в 5 классе, позволил вычленить те из них, которые так негативно сказываются на учениках и, которые, в конечном итоге, приводят к возникновению стрессовых состояний, наносящих вред

их здоровью и, следовательно, требующих особого внимания. Поэтому вычленились только те проблемы, которые возникали и проявлялись в 5 классе, приводя к стрессам и эмоциональному дискомфорту. А это — откровенная **потеря интереса к учению**, личностная **неготовность к изменяющимся формам обучения**, **резкое падение успеваемости**. Поиски путей их устранения — вот та самая целевая задача, которая была поставлена перед школой Ю.М. Лужковым.

И решение, которое было им для этого предложено, никак не связывалось с неисчерпаемым набором проблем, стоящих перед теорией и практикой образования, а **изначально находилось в пределах зависимости от людской целенаправленно проявленной воли** и сопутствующих ей требований. И требования эти напрямую увязались — и в этом принципиальная значимость предложенного решения! — с опытом руководителя, его профессиональной готовностью осуществить правильный выбор. А директивное предписание, адресованное руководителям, было не только конкретным и понятным, но и, что самое главное, изначально **реализуемым непосредственно в любой школе**. Не вдаваясь в фундаментальные глубины проблемы качества обучения в 5 классе, в предписании предлагалось каждому руководителю школы **перевести вместе с учениками в 5 класс и их классного руководителя**. А далее — проверить ее эффективность в экспериментальных условиях. Просто, понятно, конкретно.

Поскольку, если нет научного решения проблемы, от которой страдают дети, то каждый из нас должен сделать все от него зависящее. И истинно **историческое величие такой методологии и состоит в том, что на ней основана человеческая жизнь, да и само существование человеческой жизни без нее невозможно**. Но реальная жизненная значимость таких решений отличается от административного произвола только в тех случаях, когда они изначально не наносят и не могут нанести вреда и не осуществляются вопреки желаниям людей, а приходят им на помощь особенно в тех случаях, когда бездействовать дальше нельзя.

Таким образом, принятое Ю.М. Лужковым решение породило сугубо научную проблемную ситуацию, когда, с одной стороны, наличествовала требующая необходимого

решения проблема 5 класса и было предложено ее организационное решение, а с другой, появилась возможность выявления определенной совокупности недостатков, поиск устранения которых принципиально **позволял создать необходимую массовой практике экспериментальную модель 6-летней начальной школы**.

Связав решение проблемы с переводом классного руководителя, принятое московским правительством постановление сразу же ответило на самые главные вопросы: «кому» и «что» надлежит сделать. Но решение этих вопросов выдвинуло перед руководителями учебных учреждений определенную совокупность других вопросов, требующих ответов, без которых не только нельзя добиться нужного результата, но и не осознать объективной сложности подлежащей решению задач. Ибо, чтобы классного руководителя вместе с учениками перевести в 5-й класс, надо понять:

— Каков характер взаимоотношений **этого** учителя с учениками, насколько **они и их родители** заинтересованы в его переходе?

— Каким уровнем профессионализма и какими личностными особенностями обладает и характеризуется и должен, в принципе, характеризоваться этот учитель, чтобы у руководства были основания для его перевода?

— Как юридически обосновать перевод учителя начальной школы в среднюю, обеспечив в органическом единстве интересы учеников и непосредственно самого учителя, включая материальные?

Неотступная обязательность ответов на эти вопросы сразу же стала содержательной основой для программного создания требуемой модели. Методологическая значимость и реальная эффективность такого рода решений, как и всякой осуществляемой в конкретном деле задачи, состоит в **изначально обеспечиваемой оптимальности**, когда раскрыта комплексная совокупность необходимых условий, когда даны ответы на «почему необходимо так действовать?», «кто это должен делать?», «кто отвечает за результаты?».

Поэтому постановление Правительства Москвы о преобразовании 4-х летней начальной школы в 6-летнюю, будучи реализацией единства **социальной потребности и чело-**

веческой ответственности, вносит принципиальные изменения не только в школьную структурную организацию, но и прямо и непосредственно в методологию и теорию педагогики и всего комплекса проблем, связанных с исследовательской и экспериментальной работой.

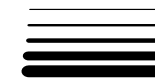
Если учесть нынешние масштабы административного реформаторского произвола, игнорирующего, по сути, закономерные особенности системы образования, то эту степень предусмотрительности, выраженную в постановлении Правительства Москвы, трудно переоценить. Но в самом факте такого постановления убедительно заявили о себе и другие особенности, теоретическая и методологическая значимость которых не может не сказаться на качестве отечественного образования в условиях глобализации, требующего радикального повышения конкурентоспособности системы в целом и каждого ее выпускника.

Ставя во главу угла заботу о ребенке, его эмоциональном самочувствии, постановление Правительства Москвы вносит принципиальные изменения в фундаментальные идеологические соотношения между школой и ребенком. Ибо впервые на место традиционной логики адаптивной подготовки ребенка к предстоящим изменениям, на место требуемого уровня готовности учиться в следующем классе, т.е. на место всего того, что признавалось основным, к чему ребенок должен быть готов и что изначально определяло приоритетность значения школы по отношению к ребенку, предлагается принципиально другая логика, с позиций которой приоритетность между учреждением и ребенком коренным образом изменяются. Не школа, а ребенок становится и с каждым днем все больше должен становиться приоритетной ценностью не только для своей семьи, но и для общества и государства. И эта цель не должна оставаться голословным, беспомощным в своей реальной сути призывом. ***Решение о переводе учителя вместе с учениками и является неопровержимым доказательством социального и государственного осознания необходимости признания ребенка самой значимой для социума ценностью.***

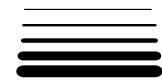
Продолжение следует

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Философское измерение

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ КРЕАТИВНОСТИ

М.В. ЛЕБЕДЕВ

Одна из центральных проблем философии языка связана с противоречием между конечностью числа языковых элементов, которые мы способны выучить и которые в действительности выучиваем, и бесконечностью числа языковых выражений различной степени сложности, которые мы способны понимать и порождать. В статье я рассматриваю связь этой проблемы с когнитивной теорией и с различными аспектами общей аналитической теории познания, в том числе с условие-истинностной концепцией языкового значения.

Эту проблему в философии языка часто называют проблемой креативности (далее используем сокращение – ПК), и в нее не следует, строго говоря, включать психологическое понятие креативности. Последнее, как принято считать, подразумевает следующие предпосылки:

1. Креативность – это способность адаптивно реагировать на необходимость в новых подходах и новых продуктах. Данная способность позволяет также осознавать новое в бытии, хотя сам процесс порождения нового может носить как сознательный, так и бессознательный характер.

2. Создание нового творческого продукта во многом зависит от личности творца и силы его внутренней мотивации.

3. Специфическими свойствами креативного процесса, продукта и личности являются их оригинальность, состоятельность, валидность, адекватность задаче и еще одно свойство, которое может быть названо пригодностью – эстетической, экологической, оптимальной формой, правильной и оригинальной на данный момент.

4. Креативные продукты могут быть очень различны по природе: новое решение проблемы в математике, открытие химического процесса, создание музыкального произведения, картины или поэмы, новой философской или религиозной системы, инновация в юриспруденции, свежее решение социальных проблем и др.¹

Эти аспекты рассмотрения направлены прежде всего на то, чтобы установить, самостоятелен ли процесс креативности, или же креативность — это сумма других психических процессов? Такой вопрос, как мы видим, не вполне идентичен нашей исходной проблеме, хотя и может быть рассмотрен как одна из стратегий ее решения.

Однако психологический подход представляет собой важную преамбулу к трактовке ПК в философии языка. С точки зрения психологии, одно из двух радикально полярных пониманий креативности состоит в том, что она представляет собой необычные проявления ординарных процессов. С точки зрения философии языка, один из аргументов в пользу такого подхода предлагает когнитивная теория «врожденных структур». Так, Н. Хомский утверждает, что языковая компетентность основывается на врожденных структурах человеческого языка, Дж. Фодор — что такие структуры лежат в основе всех форм человеческого интеллекта и когнитивных функций, включая не только абстрактные формы, подобно математическому и музыкальному интеллекту, но и конкретный предметно-ориентированный интеллект. Предпосылка здесь состоит в том, что все уже некоторым образом содержится в потенциале, нельзя создать что-то из ничего, т.е. помимо существующих структур. Противоположное психологическое понимание процесса креативности, при котором он признается самостоятельным, следует связать в философии языка, видимо, с подходом в духе позднего Витгенштейна.

ПК в философии языка может быть сформулирована так:

(ПК): Как можно объяснить тот факт, что, исходя из знания конечного числа грамматически правильно построенных высказываний (элементов языка), которое мы получаем при обучении языку, мы можем производить и пони-

мать потенциально бесконечное число незнакомых высказываний?

Рассуждая рационально, мы, скорее всего, скажем, что механизм состоит в следующем: на основе предъявленных образцов, обобщая их, мы усваиваем некоторые закономерности комбинирования элементов, и именно знание этих закономерностей далее реализуется в алгоритмах, с помощью которых мы строим и распознаем новые высказывания.

В таком рассуждении задействовано минимум одно допущение, характерное для рационализма (классического рационализма, или рационализма как такового) — это принцип ассоциативности: сложные ментальные конструкции созданы из комбинаций, ассоциаций простых идей; при этом закономерности, которые определяют природу этих ассоциаций, доступны рациональному постижению. Ассоциативность, в свою очередь, предполагает обратный принцип — аналитический редукционизм: сложные мысли, абстрактные построения могут быть сведены к элементарным идеям и образам.

Решение в этом духе, представленное Хомским, на сегодняшний день является чрезвычайно влиятельным. Хомский так формулирует ПК:

«Наиболее поразительный аспект лингвистической компетентности состоит в том, что можно назвать творческим потенциалом языка, т.е. в способности говорящего производить новые предложения, которые немедленно понимаются другими носителями этого языка, хотя эти новые предложения не имеют никакого физического сходства с теми предложениями, которые им знакомы ... Фундаментальная важность этого творческого аспекта языка была признана, начиная с XVII столетия»².

Подход Хомского к ПК носит характер эмпирической гипотезы и основан на том, что анализ предпосылок использования языка должен основываться на допущении о существовании некоторой языковой способности или языкового процессора, т.е. самостоятельной когнитивной способности, которая делает возможным лингвистическое понимание, порождая знание данного конкретного языка. Эта

когнитивная способность универсальна, как минимум, в двух отношениях.

1. Она является у людей генетически обусловленной. Здесь мы видим, как из уже принятых рационалистических допущений вытекает еще одно, прямо картезианское – о наличии врожденных идей.

2. Она независима от структуры: каждый индивидуум в этом отношении представляет собой систему, которая при вводе в нее выражения на определенном языке порождает на выходе грамматику этого языка (частный случай реализации этой грамматики).

Такое решение ПК представляет собой философскую основу того, что Хомский называет «картезианской лингвистикой»; в свою очередь, оно основано на использовании рекурсивных процедур и носит менталистский характер. Когнитивные лингвистические теории подобного рода пытаются описывать действия релевантных ментальных механизмов (трансформации на уровне «глубинных структур» и т.п.); если это описание правильно, то оно ясно дает понять, как фактически возможно явление креативности языка:

(1) грамматика – это теория компетентности;

(2) она пытается объяснить способность говорящего понять произвольное предложение его языка;

(3) лингвистическая грамматика стремится обнаружить и показать механизмы, которые делают такое понимание возможным.

Подобные представления не вызывают принципиальных возражений в лингвистике и получают поддержку в некоторых направлениях философии языка – например, у М. Дамита:

«Тот факт, что любой человек, владеющий любым данным языком, способен понять бесконечное количество предложений этого языка, состоящее по преимуществу из предложений, которых он никогда не слышал прежде... едва ли может объясняться иначе, чем тем, что каждый говорящий неявно схватывает множество общих принципов, управляющих использованием слов языка в предложениях»³.

Аналогичный подход влиятелен и в современной философии сознания, где он представлен, например, в теории искусственного интеллекта П. Черчленда.

«Правила [арифметики] мы уже знаем... поэтому мы уже сознательно владеем одной формальной системой. И учитывая, что мы вообще способны думать, мы также владеем (по крайней мере, некоторым неявным образом) также общей логикой пропозиций, которая является еще одной формальной системой. Более же интересно то, что вообще любая формальная система может быть автоматизирована»⁴.

При ознакомлении с такой – достаточно принципиальной – позицией возникает вопрос: почему Черчленд считает, что неосознанное знание формальной математической системы является предварительным условием сознательного размышления? В защиту этого предположения у Черчленда не приводится никаких собственных аргументов, хотя оно далеко от самоочевидности. Вместо этого он защищает свою позицию апелляцией к Хомскому:

Искусственные языки [Бейсик, ПАСКАЛЬ и т.д.] намного более просты по структуре и содержанию, чем человеческий естественный язык, но различия могут быть лишь различиями в степени... Теоретическая работа Ноама Хомского и подход порождающей грамматики в лингвистике многое сделали для объяснения человеческой способности использовать язык в терминах, которые допускают компьютерное моделирование⁵.

Таким образом, здесь постулируется отсутствие принципиального различия между естественными языками и определенными искусственными языками: предполагается, что различие имеет скорее количественный характер. Обращаясь к Хомскому, Черчленд исходит, прежде всего, из допущения о лингвистичности мышления. Если мы принимаем такое допущение, то аргумент выглядит следующим образом:

(1) учитывая, что мыслить значит всегда мыслить на языке, и что

(2) овладение языком возможно только в силу чего-то подобного правилам Хомского, которые мы знаем врожденно,

(3) тогда, если у нас нет таких врожденных знаний, то язык и, следовательно, мышление будут невозможны.

Аргументы такой формы содержатся и у самого Хомского: «Языковая способность Джонса имеет “начальное состояние”, установленное генетическим наследием... Системы употребления (performance systems) полностью определены начальным состоянием... Любые изменения состояния управляются внутренне... Назовем состояние когнитивной системы языковой способности Джонса “языком” или “Я-языком”, где “я” должно подчеркнуть его “внутренний”, “индивидуальный” характер»⁶.

Итак, сторонники этого подхода не просто постулируют существование индивидуального языка: эта идея является здесь, по сути, центральной. Оказывается, на ней основана вся концепция, которая на первый взгляд может выглядеть нейтральной и которая, в итоге, допускает интерпретацию в физикалистских терминах «алгоритмов». Таким образом, под вопросом здесь оказывается сама концепция «значение как употребление», согласно которой значение слова можно показать только его применением на протяжении длительного (или, во всяком случае, так или иначе определенного) промежутка времени. Ее центральным аргументом является именно доказательство невозможности индивидуального языка⁷.

Считается, что аргумент индивидуального языка лишает ощущения и восприятия статуса сугубо индивидуальных и вследствие этого недостижимых ментальных сущностей, которые не обуславливаются никакими физическими событиями⁸. Аргумент работает на концепцию «значение как употребление», направленную против таких теорий значения, согласно которым значение есть определенный предмет (образ в сознании; абстрактная сущность). В основе подобных теорий лежат следующие допущения:

- 1) каждому фрагменту языка соответствует некоторая внеязыковая сущность, и
- 2) эта сущность имеет ментальную природу.

Эти допущения в полной мере проявляются в «алгоритмическом» подходе в духе Хомского. Противостоящая им аргументация концепции «значение как употребление» в традиции, восходящей к Райлу и Витгенштейну, направлена на раскрытие следующих тезисов:

1) нет такой системы языковых правил, которая была бы полной и недвусмысленной, и

2) нет такого правила, которое независимо от нашей практики его применения определяло бы, правильно или неправильно используется выражение.

С этой точки зрения, любое правило, которому некто (наблюдаемый нами) следует, может применяться им на некоторой стадии таким образом, который будет одновременно и совместим с прошлым применением, и отличен от того, что мы имели в виду. Если некто внезапно делает что-то, что кажется нам ненормативным применением правила, то у него может иметься такая интерпретация полученных им инструкций, которая объясняет и использование рассматриваемых терминов, совпадавшее вплоть до данного момента с предполагавшимся (автором инструкций и/или внешним наблюдателем) использованием, и также дальнейшее ненормативное использование. Мы предположим, что такой человек извратил наши инструкции, что он следовал правилу, отличному от того, которое мы предназначали. Но, очевидно, возможно также, что *ничто* из того, что мы говорим или делаем, не заставит такого человека следовать правилу так, как мы хотим. Как бы много правил мы ни дали ему, он может иметь свое правило, которое обосновывает его применение наших правил: т.е. он дает такую интерпретацию того, что ему сказали делать, при которой может быть признано, что он действительно это делает.

Витгенштейн выдвигает требование, согласно которому у нас нет возможности окончательно удостовериться в том, что мы разделяем наше понимание некоторого выражения с кем-то еще, что в некотором будущем случае соответствующие использования нами этого выражения не будут различаться настолько радикально, что нам придется расценивать те значения, которые мы приписываем этому употреблению, как различные. А раз так, то мы неявно принимаем ту гипотезу, согласно которой ситуация употребления языковых выражений имеет форму ситуации существования соглашения об их употреблении. Предметом такого соглашения был бы способ, которым говорящие на языке понимают некоторое выражение как эквивалент некоторо-

му открытому множеству утверждений об их поведении в фактических и гипотетических обстоятельствах. С этой точки зрения, разговор об определенном способе понимания выражения допустим только в том случае, если мы обладаем некоторыми средствами проверки того, как именно оно понимается. Если мы не имеем таких средств, то у нас нет оснований говорить о факте понимания выражения некоторым определенным способом, в некотором определенном отношении. По мнению Витгенштейна, у нас этих средств и, следовательно, оснований действительно нет. Возможна другая точка зрения: например, отталкиваясь от этого соображения, Даммит строит свою теорию значения, подразумевающую возможность обнаружения таких средств. Однако и для отрицательной, и для утвердительной гипотезы важен не столько тот факт, что теория строится для открытого множества утверждений, сколько то, что такая теория предусматривает *процедуры* конструирования и деконструирования (допустим, прибавления единиц к конечному множеству). Именно знание (пусть неявное) процедуры (или о процедуре, о возможных способах существования подобных процедур) необходимо нам для того, чтобы утром быть уверенными, что днем все будет также.

Эта проблема может быть сформулирована как проблема *стабильности* языкового значения⁹ (в определенном смысле наследующая проблемы индивидуального языка и следования правилу): какие факторы обеспечивают неизменность употребления языковых знаков в одном и том же значении? Откуда я могу знать, что в следующий раз, когда я произнесу слово «снег», мой собеседник будет знать, что я имею в виду мелкие кристаллы H₂O? В силу чего у нас есть основания полагать, что в следующий раз, когда мы произнесем то или иное слово, оно будет обозначать свой предмет тем же способом, что и в прошлый раз?

Возможны два наиболее общих ответа:

1. Так говорят все. И я, и другие люди много раз употребляли слово «снег» для обозначения мелких кристаллов H₂O, и отсюда я делаю вывод, что так будет и дальше.

2. Слово «снег» означает в русском языке мелкие кристаллы H₂O.

Второй ответ ассоциировался бы для позднего Витгенштейна с «августинианскими» теориями значения, которые он отбрасывает вместе с репрезентационизмом «Логико-философского трактата». (Точнее, такой ответ ассоциируется вообще с любыми абсолютистскими теориями значения, а не только идеационными.) Но и первый ответ не был бы для Витгенштейна удовлетворительным, из чего и возникает обсуждение проблемы следования правилу. А потому для этого обсуждения оказывается не столь важным, конечное или бесконечное множество утверждений вовлечены в рассуждение – его целью является скорее уточнение понятия процедуры, роли и содержания процедур, в отличие от статичных понятий.

Это приводит к замещению семантического вопроса «Трактата» – «В каком случае данное предложение может быть истинным?» – двумя другими:

1. При каких условиях это языковое выражение может соответствующим образом утверждаться (или отрицаться)?

2. Каковы в нашей жизненной практике роль и применение утверждения (или отрицания) языкового выражения при этих условиях?

Все, что необходимо для легитимации утверждений о том, что некто имеет в виду нечто – это наличие конкретных обстоятельств, при которых эти утверждения легитимно утверждаемы, и то обстоятельство, что игра в высказывание таких утверждений при этих условиях имеет место в нашей жизни (жизни языкового сообщества). Никакого предположения, что этим утверждениям «соответствуют факты», не нужно. Тогда мы должны будем отбросить предпосылку о том, что осмысленные декларативные предложения должны иметь целью (подразумевать) соответствие фактам. Если наши рассуждения основаны на этом, то мы можем только заключить, что предложения, приписывающие значение и интенцию другим, сами бессмысленны.

Отсюда возможна обширная аргументация против решения ПК в духе Хомского. Радикальная позиция будет состоять в том, чтобы показать, что ПК является псевдопроблемой. Так, Н. Малкольм утверждает, что вопрос «Как Вы выучили свой родной язык?» просто невозможен или бессодержателен:

«Если кто-то объясняет свое владение английским, сообщая нам, что он вырос в говорящем на английском языке сообществе, то это — не “поверхностное” объяснение. Нет никакого “более глубокого” объяснения. Это — пример того, как объяснение исчерпывает тему»¹⁰.

Однако Хомский вполне согласен с тем, что жизнь в говорящем на английском языке сообществе является фактором объяснения того, почему человек понимает английский язык¹¹. Для понимания языка языковой процессор требует ввода лингвистической информации в определенной структуре, т.е. уже опосредованной опытом, а, следовательно, и социокультурными факторами, и т.п. Но почему объяснение понимания языка должно на этом остановиться? Без уточнения критериев «исчерпания темы» — т.е. где вообще должно заканчиваться объяснение — предложенное ограничение Малкольма кажется достаточно произвольным.

Аналогичным образом Дж. Бейкер и П. Хакер утверждают, что ПК неверно описывает лингвистическое понимание¹². С их точки зрения, некорректной является сама та идея, что ребенок понимает бесконечное (потенциально или актуально) количество новых высказываний. На самом деле ребенок понимает множество слов и предложений, но всегда остается множество других, которых он не понимает — тех слов, которые он еще не знает, и предложений, которые ему не вполне понятны. Вопрос тогда будет заключаться в следующем: меняется ли когда-либо эта ситуация, т.е. достигает ли говорящий когда-либо полного понимания языка? Согласно таким представлениям, возрастание понимания адекватно описывается с помощью «традиционной теории изучения», согласно которой овладение языком должным образом объясняется скорее в терминах изучения, чем в терминах «роста» или «развития»; поэтому неправильно думать, что говорящие в действительности при каких-либо обстоятельствах понимают бесконечное количество новых высказываний. С такой точки зрения, ПК — это, на самом деле, псевдопроблема.

Однако на это критическое утверждение Бейкера и Хакера возможен следующий контраргумент. «Картезианское» решение ПК устанавливает когнитивную способность, ко-

торая из конечных состояний с определенной структурой на входе порождает в индивидууме полную грамматику языка. Лингвистическое понимание состоит во владении полной грамматикой, т.е. формальными средствами производства синтаксических структур. Поэтому отсюда не следует, что языковой субъект, порождающий высказывания в соответствии с этим принципом, действительно понимает бесконечное или даже неопределенно большое количество предложений. Аргумент Бейкера и Хакера отпадает, если мы разводим формальную грамматику и реально функционирующий язык — иными словами (усиливая эту позицию), если мы пользуемся Соссюровой дистинкцией между языком и речью.

Более умеренные и убедительные, чем у Малкольма и Бейкера — Хакера, аргументы в этой связи приводит К. Райт¹³. Он выделяет в (предполагаемой) витгенштейнианской позиции четыре ключевых тезиса:

- 1) понимание не может превосходить объяснение по содержанию;
- 2) следование правилу не является вопросом интуитивного знания какого бы то ни было независимого требования;
- 3) оно также не является вопросом интерпретации;
- 4) язык основан на примитивных диспозициях согласия в суждении и действии.

Поскольку конвенция релевантного типа здесь не зависит ни от интуиции, ни от интерпретации, постольку, с точки зрения Райтовой реконструкции Витгенштейна, нет и не может быть никакой внутренней эпистемологии следования правилу. Согласие в суждении не является результатом какого бы то ни было когнитивного процесса. Следовательно, если ПК — это корректно построенный вопрос, то когнитивная лингвистика предлагает ответ совершенно неправильного рода.

Отвечая Райту, Хомский сравнивает двух носителей языка — обычного человека Питера, и марсианина *М*. Допустим, что теория *T* объясняет лингвистическое поведение обоих. В отличие от Питера, *М* знает *T*, т.е. сознательно пользуется *T*. В таком случае внутренняя эпистемология *М* разъясняет его «привилегированный доступ» к собственным

ментальным состояниям, тогда как у человека это остается загадкой. С точки зрения Хомского, Питер следует правилам *T*, потому что такова его человеческая природа; мы знаем, почему Питер следует правилам, даже если мы не знаем, как он это делает. Кроме того, *T* дает такую теорию поведения обоих, которая является адекватной не только с точки зрения обыденного здравого смысла, но и с научной точки зрения.

«Некоторая теория, включающая *T*, которую можно предложить сегодня, не делает тайны из “власти первого лица” (first-person authority), хотя оставляет загадку и в отношении *M*, и в отношении Питера. Для обоих мы имеем теорию, которая выполняет научные условия... но нам недостает понимания природы сознания»¹⁴.

Точнее, видимо, было бы говорить не о «недостаче понимания», но об обнаруживающейся в этой связи неудовлетворительности определенных элементов картезианской концепции сознания».

«Власть первого лица», обладание перспективой первого лица признается в аналитической эпистемологии существенным свойством личности, отличающим ее от биологического организма и вообще каких бы то ни было существ иных родов. Аргументы, которые в связи с этим можно построить, будут направлены против отождествления субъекта сознания с какой бы то ни было субстанцией — субстанциализма физического, спиритуалистского или дуалистического. Картезианский дуализм утверждает двухчастную структуру человеческой личности: душа, являющаяся мыслящей субстанцией, способна существовать отдельно от тела, но, тем не менее, она интимным образом соединена с телом, образуя с ним единое целое, которое и есть человеческая личность. Аналитическое возражение здесь будет состоять в том, что личность представляет собой референт местоимения первого лица единственного числа, тогда как мыслящая субстанция — это то, чему приписывается обладание определенными ментальными способностями. Следовательно, *Я* — это то, что мыслит или желает, а мыслящая субстанция — это то, что объясняет, благодаря чему я что-то мыслю или желаю. Однако такой ответ нельзя признать

удовлетворительным, поскольку «*Я*» — это индексный термин, референт которого зависит от того, кто или что его употребляет. Например, если на мониторе моего компьютера появляется надпись «*Я* готов к работе», то я понимаю, что референтом «*Я*» является мой компьютер, но при этом вовсе не склонен считать его наделенным сознанием. «*Я*» скорее само нуждается в адекватном объяснении, чем может быть использовано для объяснения того, что значит быть субъектом сознания.

Применительно же к скептической перспективе, которая оказывается такой важной при обсуждении проблемы следования правилу, картезианский аргумент «первого лица» чаще всего интерпретируется как «проблема доступа». Она выглядит так: доступ субъекта познания к своей собственной системе убеждений весьма проблематичен в двух отношениях.

- Если такой доступ достигнут, то возникает проблема эпистемологического статуса его результата, который должно представлять собой рефлексивное мета-убеждение, описывающее полное содержание системы. Такое мета-убеждение было бы очевидно контингентным и эмпирическим — что противоречит его предполагаемому статусу ментального состояния (причем «второго порядка»).
- Второй аспект проблемы доступа таков: обладают ли обычные субъекты познания когда-либо фактически (или могут ли обладать) чем-либо подобным рефлексивному схватыванию полного содержания своих систем убеждений? Здесь, вероятно, более правдоподобно было бы предположить, что обычно имеет место лишь приближение — и возможно, довольно отдаленное — к идеальной репрезентации, изображаемой теорией.

Таким образом, в контексте обсуждения ПК обсуждение проблемы доступа не просто ставит под вопрос возможность менталистского объяснения неограниченного порождения/понимания значимых языковых выражений, как это происходит при всех проявлениях витгенштейнианского подхода, но в то же время и демонстрирует, как это показы-

вает построенный Хомским аргумент, что при обсуждении креативности невозможно обойти обсуждение проблем сознания. Более конкретно, неустраним тот аспект анализа субъективности, где предусматривается возможность и/или необходимость трансцензуса — аспект, который может быть определен как выявление специфической познавательной установки, связанной с постоянным стремлением к выходу за пределы данного.

Что общего у хомскианского и витгенштейнианского подходов?

В сущности, обе стратегии в своих радикальных вариантах пытаются показать, что ПК является псевдопроблемой. Однако они делают это по разным основаниям: витгенштейнианский подход носит конструктивистский, динамический характер, тогда как хомскианский — репрезентационистский, в картезианском духе. Такое методологическое противопоставление часто описывается как дистинкция «алгоритм vs. модель», или «инструкция vs. образец». Одна из стратегий снятия этого противопоставления носит характер онтологического конструктивизма: описание интендирует некоторую онтологию. С такой точки зрения, разумеется, признается различие между миром и его версиями, но отрицается наличие независимых от описаний свойств мира, т.е., по сути, отрицается различие в онтологических требованиях, которые мы можем предъявлять к мирам и к их описаниям.

Здесь содержится сильное онтологическое требование о том, в каком отношении можно говорить, что мы создаем вещи в мире, описывая этот мир. Отличаясь друг от друга, мир и его описание имеют вместе с тем онтологический коррелят, наличие которого вытекает из того, что между ними нельзя провести четкой и постоянной границы. Согласно известному аргументу Н. Гудмена, мы создаем звезды — в том отношении, что мы употребляем язык, содержащий термин «звезда», и тем самым делаем референт этого термина единицей, релевантной для нашего восприятия, для нашей символической деятельности и для любого возможного приложения нашего опыта¹⁵. При таком подходе сам избранный для каждой знаковой системы способ иденти-

фикации индивидов порождает тот факт, что индивиды имеются в наличии, и определяет, каких и сколько индивидов мы обнаруживаем.

Такая интерпретация описания мира подразумевает холистическую концепцию лингвистического понимания. Согласно последней, теория значения для языка является теорией, которая позволит дать для каждого действительного и потенциального предложения рассматриваемого языка теорему, определяющую то, что каждое предложение означает. Наша теория языка должна быть такой систематической теорией конечной структуры языка, которая позволяет понять любое и каждое его предложение. Поскольку число потенциальных предложений на любом естественном языке бесконечно, теория значения для языка, который употребляется существами с конечными возможностями — такими, как мы сами, — должна быть теорией, которая может производить бесконечное количество теорем (одну для каждого предложения) на основе конечного множества аксиом. В самом деле, любой язык, который может быть усвоен нами, должен обладать структурой, пригодной к такому подходу: семантическая теория должна дать нам значение каждого независимого значащего выражения. Поскольку каждый язык имеет конечное число элементов, слов и типов фраз, мы используем связи этих повторяющихся элементов — как в аксиомах, так и в теоремах — для того, чтобы дать значение бесконечно большому числу предложений, которые содержатся в языке. Тогда онтологическая корреляция, о которой идет речь, подразумевает трансцендентность истинности этих предложений.

Определение условий, при которых предложение является истинным — это также и способ определения значения предложения¹⁶. Отвлекаясь от собственно определения истинности, такая теория воплощает нашу интуицию о том, как должно использоваться понятие истины применительно к языковым выражениям. С такой точки зрения, знать семантическое понятие истины для языка значит знать, что такое для предложения — любого предложения — быть истинным, а это равносильно пониманию языка. Требование

трансцендентности истины в теориях такой формы обычно не учитывается, что связано с общим теоретико-познавательным и историко-философским контекстом его возникновения и использования. Это в первую очередь схоластическое требование. Фома Аквинский, принимая (как и сторонники семантической теории истины) классическое определение, данное Аристотелем — «Бытие» и «есть» означают, что нечто истинно, а «небытие» — оно не истинно, а ложно...»¹⁷ — стремится радикализовать его и дать такое определение истинности, которое было бы применимо не только к высказываниям, но и к самим вещам, *veritas in rebus*¹⁸. Это более сильное требование, нежели простое разграничение модальностей *de dicto* и *de re*.

Фома определяет истинность вещей следующим образом: объект вида F является «истинным F», если он отвечает некоторому предварительному понятию (*praekonceptio*), наличествующему в сознании субъекта. Таким образом, если мысль не соответствует своему предмету, то причина этого может корениться как в мысли, так и в самом предмете. Либо то, либо другое выступает «мерой и правилом» (*mensura et regula*, где последнее — первый аналог *rule* Витгенштейна) — либо предметы задают правила нашего мышления, либо правила мышления определяют, находится ли предмет в соответствии с наличествующим понятием о нем¹⁹.

Понятие соответствия лежит в основе корреспондентной теории истины, на которую опирается концепция языкового значения как условий истинности. Наиболее прямой (и наиболее распространенный) ход здесь — признать так понимаемое соответствие отношением *sui generis*, далее нередуцируемым ни к каким другим понятиям. Это простое и сильное решение выражает достаточно ясные эмпирические интуиции, когнитивную ценность которых нет смысла оспаривать. С другой стороны, введение дополнительного понятия снижает объяснительную силу теории и ее конкурентоспособность по сравнению с другими теориями истины. Наконец, такой ход создает и дополнительные проблемы. Например, предположение, что *A* соответствует *B*, может подразумевать два типа отношений:

- А удовлетворяет некоторым требованиям В или находится с ними в согласии (модель «ключ — замок»), или
- А коррелирует с В (модель «генерал — адмирал»), т.е. заявленная нередуцируемость все же не достигается полностью.

Требование трансцендентности предполагает несколько иной подход. Из него следует, что, хотя соответствие является симметричным отношением, оно может иметь разные направления. Дж.Серль дает следующий пример: если Золушка покупает туфельки, то размер ее ноги является данностью, которой туфельки должны соответствовать, но если принц ищет Золушку, то данностью, требующей соответствия («мерой и правилом»), выступает уже, наоборот, туфелька²⁰.

Понятие *veritas in rebus* подверглось чрезвычайно суровой критике в философии Нового времени — как со стороны рационализма (Декарт, Лейбниц, Спиноза), так и со стороны эмпиризма (Гоббс, Локк). Итог подвел Кант, заключив, что схоластическое использование предиката «истинный» по отношению к вещам является ошибочным²¹. Именно этот период стал чрезвычайно важным для формирования современных представлений о пропозициональной истинности. Приведенная аргументация призвана свидетельствовать о том, что в нынешних дискуссиях фактически востребовано переосмысление понятия трансцендентности истинности, но уже по основаниям, весьма отличающимся от схоластических — в том числе по основаниям аналитической эпистемологии и феноменологии языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Торшина К.А. Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1998. № 4.

² Chomsky N. Topics in the Theory of Generative Grammar // Searle J.R. (ed.) The Philosophy of Language. Oxford Readings in Philosophy. — Oxford: Oxford University Press, 1974. — P. 74.

³ Dummett M. Truth and Other Enigmas. — London, 1978. — P. 451.

⁴ Churchland P. Matter and Consciousness. — Cambridge (Mass): MIT Press, 1984. — P. 100.

- ⁵ Ibid. — P. 16.
- ⁶ Chomsky N. Language and Nature // Mind. Vol. 104. №. 416. 1995. — P. 13.
- ⁷ См., например: Лебедев М.В. Эпистемологические основания условие-истинностной концепции значения. — М.: РУДН. 2001. § 1.1.
- ⁸ См.: Stroud B. Wittgenstein's philosophy of mind // Contemporary philosophy. Vol. 3. — The Hague. 1983. — P. 329.
- ⁹ Лебедев М.В. Стабильность языкового значения. 2-е изд. — М., 2008.
- ¹⁰ Malcolm N. Wittgenstein, A Religious Point of View? — London: Routledge, 1993. — P. 57.
- ¹¹ Chomsky N. Language and Nature. — P. 13.
- ¹² Baker G.P., Hacker P.M.S. Language, Sense and Nonsense. A Critical Investigation into Modern Theories of Language. — Oxford: Basil Blackwell, 1984. — P. 345 — 356.
- ¹³ Wright C. «Wittgenstein's Rule-Following Considerations and the Central Project of Theoretical Linguistics' // George A. (ed.). Reflections on Chomsky. — New York: Blackwell, 1989. — P. 223 — 264.
- ¹⁴ Chomsky N. Language and Nature. — P. 36.
- ¹⁵ См.: Гудмен Н. О создании звезд // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. — М.: ИФРАН; Прогресс-традиция. 2004.
- ¹⁶ См.: Дэвидсон Д. В защиту конвенции Т. // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. — М., 2003. — С. 108 — 121.
- ¹⁷ Met. 1017a 31. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Собр. соч. В 4 т. Т.3. — М.: ИФАН, 1976. — С. 156).
- ¹⁸ Summa theol. Ia, q. 16, a. 1 (Aquinas. Summa theologiae Ia. Turin: Marietti, 1950 [C. 1266 — 1268]; Summa theologiae. Vol. 4: Knowledge in God. — London: Eyre and Spottiswoode, 1964).
- ¹⁹ Summa theol. Ia, q. 16, a. 1; q. 21, a. 2.
- ²⁰ Searle J. Intentionality. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — P. 8.
- ²¹ Критика чистого разума. В 113 — 114 // Кант И. Собр. соч. В 8 т. Т. 3. — М.: Чоро, 1994. — С. 115.

СУБЪЕКТНОСТЬ И ИСЧИСЛИТЕЛЬНОСТЬ В ОБЪЯСНЕНИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

Н.В. МАЛЬЧУКОВА

С середины XX века исследования в области философии языка обнаруживают тяготение к такой общей ориентации, в основе которой лежит обращение к явлениям сознания, призванным объяснить как реальные, так и перспективные реализации языка¹. Многолетнее неприятие концептуализма, согласно которому в основе объяснения функционирования языка лежат мыслительные процессы, сейчас все явственнее сменяется признанием того, что без обращения к явлениям сознания и мыслительным процессам вряд ли возможно адекватное объяснение природы языка и его многообразных реализаций.

Как шаг на пути к преодолению тавтологического понимания языкового употребления (когда значение выражений объясняется их употреблением, а употребление — самим конкретным употреблением² это явление заслуживает положительной оценки. Однако сразу же обнаруживается, что необходимо удовлетворительное объяснение оснований функции сознания и мыслительных процессов. Известные же на сегодня теории, стремящиеся раскрыть сущность функционирования языка через обращение к явлениям сознания, такого объяснения не дают. В теории интенциональности Дж. Серля³, например, порождение конкретных высказываний объясняется как инициируемое состоянием убежденности, желательности, ощущения. Но говорить о желаниях, ощущениях, а тем более убеждениях и намерениях применительно к человеку, считая их чем-то принципиально внеязыковым, недопустимо. А если это так, то в случае Серля языковое поведение объясняется сознательно-языковыми факторами и состояниями. Но тогда, чтобы избежать новой тавтологии, необходим дополнительный анализ лингвистического статуса этих состояний и механизмов их взаимосвязи с конкретными речевыми актами. По мнению автора данной статьи, основой такого анализа может стать представление об исчислительно-субъектной при-

роде языка и сознания. При этом объяснение становления субъектности во взаимосвязи с исчислительностью, как и важности этой взаимосвязи для понимания процессов функционирования языка и сознания, обязательно требует прояснения смысла самих понятий субъектности и исчислительности.

Определение субъектности и исчислительности

Следует заметить, что прояснить смысл понятия субъектности невозможно без обращения к содержанию понятия субъективного. Как правило, в философии под субъективным понимается то, что свойственно субъекту или производно от его деятельности (зависимо от него), в отличие от объективного, т.е. того, что принадлежит объекту, не зависит от субъекта, существует вне и независимо от сознания человека. Именно такое представление о субъективном и объективном развивается в марксистской философской традиции, где мысли, чувственные образы, внутренние побуждения субъекта понимаются как реальность субъективная, т.е. как то, что существует «во мне», в отличие от того, что существует «вне меня» и понимается как объективная реальность (реальность материального мира)⁴. Необходимо иметь в виду при этом, что понятие субъективного может также выступать как характеристика знания, выражающая те моменты, в которых знание не вполне точно и всесторонне воспроизводит свой объект (вплоть до полного его искажения). При таком понимании субъективного проявляется гносеологический аспект проблемы соотношения субъективной реальности и объективной реальности (в отличие от онтологического аспекта, фиксирующего необходимость выявления природы и сущности этих реальностей), когда реализуется стремление уже в самом знании, являющемся субъективной реальностью, выделить субъективные и объективные стороны.

Интересно то, что в отечественной философской литературе уже указывалось, что при анализе явлений субъективной реальности (а именно ценности и оценки) недостаточно использовать только понятия «субъективное» и «объективное», а необходимо также использовать понятия

«субъектный» и «объектный». При этом если субъективное понимается как зависимое от субъекта, то субъектное — как соотносящееся с субъектом, связанное с ним, проявляющееся при обязательном участии субъекта, существуя в определенной степени независимо от него⁵. Совершенно очевидно, что язык есть явление субъективной реальности, т.е. что он произведен от субъекта, зависим от него, вне него не существует и в этом смысле он субъективен и противопоставлен реальности объективной. Язык субъективен также и в том смысле, что он не вполне точно и всесторонне воспроизводит свой объект (вплоть до полного его искажения). И в то же время язык субъектен, причем субъектен не только в том смысле, что его свойства проявляются при обязательном участии субъекта, но и в том смысле, что свойства субъекта раскрываются в языке: становление и развитие языка связано со становящейся и развивающейся в нем субъектностью. Понятие субъектности в данном случае определяется как волевая и интеллектуальная свобода субъекта в сфере языка.

Теперь необходимо остановиться на понятии исчислительности, которая может быть определена как такой способ представления действительности, когда ее объектам и явлениям ставятся в соответствие материальные конфигурации/знаки (нейронные соединения, звуки, буквы, слова, цифры, и т.д.), с которыми затем по принятым в системе (в центральной нервной системе, в системе вербального языка и т.д.) правилам (правилам вывода) производятся операции, необходимые для решения поставленной задачи. Очевидно, что для живых систем, каковой является и человек, предельно обобщенной первоочередной задачей является задача выживания, которая в процессе эволюции человека и человеческого общества приобретает определенную спецификацию. Что же касается правил вывода, являющихся важной характеристикой исчислительных процессов, то необходимо заметить, что они не ограничиваются в данном случае правилами формальной логики и исчислительность, таким образом, предстает как множественность логических принципов и их дополнительность.

Здесь, конечно, необходимо сделать некоторые уточнения, касающиеся соотношения употребляемого понятия

исчислительности с вычислительными подходами к анализу человеческого разума, которые во второй половине XX в. были активизированы развитием компьютерной техники и становлением такого научного направления, как искусственный интеллект. Определенные успехи в моделировании искусственного интеллекта привели к тому, что естественный интеллект начал рассматриваться по аналогии с машинным своим вариантом. Сегодня, когда данная установка серьезно критикуется⁶, возникает вопрос: насколько действительно применим категориально-методологический аппарат (и в частности, понятия вычисления, вычисляющего мышления), сложившийся в рамках парадигмы «разум как машина», к анализу естественного интеллекта?

Следует иметь в виду, что развитие теории и практики искусственного интеллекта во многом было инициировано логико-математическим анализом естественного языка, целью которого было создание языка точного, непротиворечивого. Первоначально, таким образом, понятийная сетка, выражающая в данное время специфику искусственного интеллекта, характеризовала языки логики и математики, которые являются продуктом функционирования человеческого разума. Именно поэтому вычислительно-кодовые, алгоритмические характеристики не могут рассматриваться как чуждые природе естественного интеллекта. Однако вопрос в том, какое именно место они в ней занимают и в чем специфичность их проявления по отношению к интеллекту искусственному?

Сегодня, благодаря достижениям в разных науках, таких как психология, лингвистика, нейрофизиология и др., очевидно, что интеллектуальные возможности человека не ограничиваются языками формальной логики и математики, которым свойственны четкость, заданность, выводимость и которые выступают одной из форм действительного проявления этих интеллектуальных возможностей. Вместе с тем этот факт не отрицает вычислительной природы мышления как таковой, а приводит к необходимости более широкого ее толкования. Следует иметь в виду при этом, что операции с числами не могут восприниматься как что-то простое, ведь как в филогенезе, так и в онтогенезе чело-

века умение оперировать с числами — определенный и далеко не первичный этап развития мышления, подразумевающий сложность познавательных и логических операций. Эти количественные (числовые) вычисления (результат развития абстрагирующей способности человеческого мышления) не могут появиться без опоры на предыдущие качественно иные формы вычисления. Дело в том, что вычисление (как это будет показано далее) лежит в основе не только языка формальной логики и математики, но и в основе языка сенсорного воспроизведения действительности, естественного языка, языка диалектической логики, языка науки, вплоть до языка литературы и искусства. Однако в каждом случае оно проявляется специфически (следует заметить, что и в рамках самой математики вычисление процедурно весьма разнообразно и в конечном счете не реализуется в каких-то абсолютно алгоритмизированных формах)⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что в нашем случае понятие вычисления, трактуемое широко, т. е. не отождествляемое исключительно с числовыми и формально-логическими операциями, с одной стороны, может рассматриваться как синоним исчислительных процессов, а с другой — может обозначать конкретные случаи проявления исчислительности (включая числовые и формально-логические операции).

Язык как исчислительный механизм.

Базисная субъектность и суперсубъектность

Естественный язык — важнейший исчислительный механизм, возникший на основе эволюционного совершенствования исчислительных возможностей исходного языка высшей нервной деятельности, унаследованного предками человека от непосредственных своих животных предшественников — человекообразных приматов⁸. Становление этого языка с его новой исчислительностью знаменовало собой возникновение и совершенствование субъектности. Таким образом, исчислительность и субъектность — две необходимо связанные стороны лингво-интеллектуального процесса в его эволюционном совершенствовании, а имен-

но: простая аддитивность исчислительности на уровне животных систем в этом своем качестве хотя и не могла быть основой субъектности, но полезно послужила «эволюционной находке» сложных переменных форм исчислительности. И сложность «наработки» этих новых приемов исчислительности отчасти зафиксирована в исторических формах языка.

Согласно теории языковых переходов, разработка которой принадлежит одному из выдающихся лингвистов школы Н.Я. Марра — И.И. Мещанинову⁹, в целой серии языков, сохраняющих реликтовые синтаксические образования, прослеживается, хотя и по-разному, некоторая тенденция продвижения глоттогонического процесса к так называемому номинативному строю, особенно характерному для индоевропейских языков. При этом именно номинативное состояние языка наиболее органично реализует смысловые отношения субъекта предложения с другими словами в предложении, вследствие чего синтаксис становится расчлененным, а морфология слова (система словоизменения) — достаточно гибкой. Наиболее архаичной формой языка выступает такая форма, в которой ни слово, ни предложение не выражены, т.е. каждое предложение является сложнооднословным. Первым шагом на пути к номинативной форме языка, а следовательно к субъектности, стала постановка группы субъекта впереди предиката в таких предложениях. Последующим переходом в развитии языка в данном направлении стали посессивность и эргативность. Под давлением таких факторов бытия еще древних обществ, как усложнение социальности и практики, мышление человека постепенно преодолело сложность и неподвижность конструкций слов-предложений, наследующих логику аддитивности и вышло на уровень небывалой свободы смыслообразования, а следовательно, — творчества. Основой его стали новые типы исчислительности, обеспечивающие свободу сравнений и абстрагирования. Эти типы стали выразителями базисной, фундаментальной формы субъектности.

Базисный уровень субъектности, построенный на основе номинативной формы языка и переменной исчислительности, означает максимальную степень саморазличен-

ности состояний субъекта в природной и социальной среде, когда в то же время с полной определенностью выявляются ординарные деятельностные, аффективные и интенциональные отношения субъекта к объекту и субъекта к субъекту. Благодаря этому уровню субъектности, обеспечивается очень гибкое, вариативное индивидуальное и коллективное поведение субъекта, прежде всего, в рамках повседневности. Здесь сняты также все ограничения для формирования новой формы субъектности, которая и возникает, поначалу реализуя возможности словосложения, т.е. следы бывшей аддитивности. Таковы, например, сложные слова «паровоз», «охотовед» и т.п. Кроме того, исторические примеры словообразования также говорят о реализации аддитивных форм. Например, в древнерусском языке конь черной масти назывался «ворон конь». Впоследствии первая часть «ворон» преобразуется в прилагательное (определение) «вороной» (более широкообъемный предикат).

Говоря о самоопределяемости субъекта посредством новой формы языка и новых нормативов мышления, надо отметить и следующее обстоятельство. При выявленном носителе действия в новом языке имеются имена — выражители места и времени, т.е. соотношенные с пространственно-временными отношениями. Это так называемая деиктическая лексика, имеющая неопределенные, весьма общие значения («здесь», «там», «сейчас», «потом»)¹⁰. Такие слова выражают нефиксированные свойства реальных пространства и времени и в то же время указывают, с одной стороны, на генетическую общую концептуальную наработку представлений о пространстве и времени, с другой — на субъективную относительность пространственно-временных идентификаций объекта. Говоря иными словами, один и тот же предмет, индивид бывают в бесчисленных ситуациях «здесь» и «там», «сейчас» и «потом», которые не нуждаются в применении стандартной меры, но в то же время при необходимости могут быть измерены. Это — уже не определенная запрограммированная аддитивность, а всякий раз по-новому оцениваемая пространственно-временная определенность. Такая богатая сетка категорий и отношений (времени, рода, падежности и т.д.) означает становление

субъектности, т.е. индивидуальных предпочтений и выбора. Однако данная «технология предпочтений и выбора» снова реализует исчислительный механизм теперь уже более высокого порядка, включающий исчисление подчиненного уровня. Подобная возможность разнообразных определений места и времени объекта неизбежно предполагает наличие инстанции, осуществляющей эти определения. Эта инстанция и есть «Я», т.е. субъект, сознание с его способностью находить сопоставления за счет обогащенного исчислительного механизма языка. И это еще не все. Можно предположить, что такая новая переменная исчислительность, требующая более сложных познавательных операций (еще более усложняющихся в научной реализации сознания) — один из существенных путей формирования отношения ценности и операций оценки¹¹. Возникшие новые отношения ценности и оценки, будучи принципиально важным компонентом сознания универсального значения, получают и специфическую сферу своего функционирования в этике и эстетике и соответствующих им языках.

Итак, исчислительность в реагировании есть свойство высшей нервной деятельности живых систем, обретших в результате миллионы раз повторявшегося взаимодействия со средой способ повышенного адекватного ответа на ее воздействия, и завершается она гранью развитой сенсорики и возникновением вербального языка, хотя и более совершенного, но все-таки поначалу недостаточно различного (синтетический язык), который и стал основой для развития языка выраженной базисной субъектности. Это стало возможным благодаря оформлению глагола как части речи, что с грамматической точки зрения привело к развитой синтаксической системности языка, а с семантической точки зрения — к выявлению субъекта в его обогащенной структуре. В структуре субъекта произошло подразделение языково-кодовых средств на два вида: язык сенсорного воспроизведения действительности и абстрактно-логический (вербальный) язык, субстратными носителями которых выступили соответственно правая сторона коры головного мозга (более древняя) и левая (молодая), эволюционно приобретенная и развитая гораздо позже.

Трансязыковой характер исчислительности обусловил становление своеобразного уровня субъектности, который можно было бы назвать суперсубъектным, имея в виду такой ее существенный признак, что в ней осуществляется мысленное метаотношение. В нем полагается своеобразное интеллектуальное и чувственное состояние субъекта, которое как бы «надстраивается» над состояниями и действиями субъекта в качестве некоего независимого носителя действия или мысли. Реально суперсубъектность проявляется поначалу в формировании страдательного залога (*мне чувствуется* или реликтовая форма — *мне хочу*), а также в конструировании иллюзорного субъекта, что в конечном счете повлекло формирование мифологических и религиозных знаково-символических систем и языков. Согласно К. Ухленбеку, североамериканский индеец считает себя не действующим лицом, а виновником действия, его исполнителем. Строй речи индейца должен был отразить это его миропонимание¹².

Имея это в виду, целесообразно указать некоторые градации, касающиеся специфики статуса этого «действителя», т.е. субъекта. Древний субъект в выражении «дождь падает» у Гомера выражается как «Зевс дождал»¹³. По этому поводу Н.Я. Марр писал, что все так называемые безличные глаголы — русский «меня лихорадит», французский «*il pleut*», немецкий «*es regnet*» — на самом деле личные, так как субъект в данном случае («он», «она» или «оно») — некогда производственный тотем¹⁴. Ирреальный, пережиточный субъект в виде мифологической персонификации или сохранившихся форм безличных глаголов, невзирая на свою архаичность, свидетельствует о знаменательных мыслительных перестройках и переходах, а именно: мистико-мифологическое и тотемное, а также «безличное» восприятие субъекта действия означало движение сознания по пути все большего обобщения и абстрагирования, при котором субъект понимается не просто как конкретное лицо, границы и пространство которого вполне определимы (как это характерно для обычных глаголов), а как «повсеместный субъект» — носитель неограниченных сил и произвола. Такое осмысление субъекта, несомненно, происходило при

участии сенсорно-эмоциональных состояний древнего человека, что означало взаимодействие рациональных и чувственных кодовых структур, результатом чего и стало это первоначальное становление суперсубъектности. Впоследствии эти архаические формы суперсубъектности отпали или были заменены, однако механизм их порождения оказался действенным и продуктивным и к настоящему времени.

Иное проявление суперсубъектности демонстрирует Аристотель, обосновывая содержание философских терминов. Выводя, например, понятие необходимости, он останавливался на трех значениях слова «необходимость»: «...условие, без которого невозможна жизнь или благо...»; «...насильственное принуждение, идущее наперерез естественному влечению»; «...о необходимом говорится по отношению к тому, что не может обстоять иначе, чем как оно обстоит в действительности»¹⁵. Это последнее значение, по Аристотелю, — главное значение необходимости. Принципиальное значение имеет понимание Аристотелем отношения этого последнего значения необходимости к первым двум. «Эта “невозможность быть иначе”, — говорит он, — составляет существо необходимости и в двух первых указанных значениях необходимого»¹⁶.

Данный прием получения значения философских категорий, постоянно используемый в философском анализе, раскрывает действие суперсубъектности в языке с несколько иной стороны: здесь мы имеем дело с направленной рациональной процедурой установления семантических инвариантов. А сходная объемная работа по выведению логических форм надежных рассуждений, реализующая принцип суперсубъектности, была проведена опять-таки Аристотелем при создании им силлогистики. Здесь уже учитывалось единство исчислительности в естественном языке с таковой в строгом рассуждении, в том числе в математическом выводе.

Суперсубъектность не может пониматься как некое интеллектуально-лингвистическое явление, вынесенное за пределы индивидуального субъекта, личности. Суперсубъектность — это внутрисубъектное достояние, хотя и сугубо

социального происхождения и социально артикулированного функционирования. Конечно, имеются довольно рельефные философские традиции (трансцендентализм немецкой классической философии, психоанализ), отличающиеся выраженной интенцией на выделение независимой от субъекта суперсубъектности, но одни из них мистифицируют суперсубъектность (трансцендентализм), другие акцентируют подавляющее личностное влияние обезличенной внешней суперсубъектности (психоанализ). Эти традиции, правда, по-своему выражают и подтверждают лингво-интеллектуальную тенденцию формирования суперсубъектности, но обосновываемое нами представление о суперсубъектности является более универсальным и естественным. Оно со всей определенностью утверждает за каждым нормально развитым субъектом способность быть носителем суперсубъектности и эта последняя есть его лингво-интеллектуальное достояние и состояние, выполняющее наряду с другими психическими компонентами активную функцию в порождении высказываний, особенно высказываний значимых. Под этими значимыми высказываниями надо понимать те, которые выражают конструктивно-реконструктивные, т.е. творческие, возможности субъекта.

Суперсубъектность, исходя из сказанного, осуществляется как в режиме интеллектуально-волевого управления со стороны субъекта, так и в режиме «автономной» работы центральной нервной системы субъекта, в его отдыхающем, но в то же время активизированном в направлении решения интеллектуальной задачи состоянии. Но как в том, так и в другом случае суперсубъектность выражает предельный уровень лингво-интеллектуальной свободы субъекта, и примечательно то, что в последнем «неволевом» варианте она может восприниматься как «неожиданное обретение». В то же время ситуации такой свободы свидетельствуют об информационном управлении и самоуправлении в сфере интеллектуальной деятельности субъекта. В режиме «автономии» — ситуации инсайта, интуиции, вдохновения, озарения — суперсубъектность может обеспечить максимальный творческий эффект, хотя таковой, разумеется, не все-

гда обязателен.

Исчислительность и субъектность в процессе порождения высказываний

Подытоживая сказанное об исчислительности трансязыковых отношений как основе взаимосвязи базисной субъектности и суперсубъектности в получении, обработке и переработке информации человеком, отметим, что очерченный подход позволяет, на наш взгляд, реализовать важные методологические принципы, позволяющие естественным и адекватным образом подойти к объяснению процессов порождения высказываний, а также их понимания. Очертим эти принципы. Прежде всего таким принципом выступает принцип общности и единства информационно-языкового «аппарата» производства высказываний. Средства разной языковой природы, воплощающие различающуюся по качеству информацию (язык сенсорики, базисная субъектность языка, язык суперсубъектности) выступают в производстве высказываний в единстве, хотя это единство подвижно относительно ситуации порождения высказывания. Оно допускает локальную свободу и главенство того или другого компонента, что оборачивается нередко снятием неопределенности и возникновением новой структуры (целостности) интеллектуально-языкового порядка. Тем самым возникают «пункты» антиэнтропийности и осуществляются синергетические эффекты в рамках интеллектуальной деятельности, стимулированной социокультурными факторами и ситуациями.

В связи с этим реализуется и принцип системности в интерпретации связи «блоков» продуцирования высказывания. Внутренний «контур» системы образуют базисная субъектность языка и взаимосвязи различных отношений и форм суперсубъектности: суперпрограмм, верований, убеждений, ментальностей. Внешний же «контур» представлен соответствующей организацией социокультурных экстралингвистических «стимулов». Внутренний контур филогенетически является (в субстратном отношении) структурным совершенствованием центральной нервной системы становящегося человека, что и получает в конечном счете выражение как межполушарное разделение коры головно-

го мозга. А функционально сформировавшиеся на базе этого подразделения типы лингво-мыслительной субъектности сделали возможными, с одной стороны, волевое управление и контроль субъективного интеллектуального процесса, а с другой — частичное и локальное самоуправление мысле- и речепорождающего процесса.

Выраженные во внешнем языке базисная субъектность и суперсубъектность имеют свое мозговое представительство в том, что может быть названо эго-системой головного мозга, которая, будучи структурно и функционально его подсистемой, образует высший уровень мозговой самоорганизации и управления¹⁷. При этом ясно, что образование и преобразование информации в коре головного мозга, протекающее в интерференциально-кооперативном кодовом режиме, реализует также и конкурентные отношения, вне которых неосуществимы перестройка и донастройка суперпрограмм. Принцип «возможен лучший выбор», будучи сам вычислением, вновь и вновь предпринимает вычисления, с поправками либо на реальный контекст, либо на возможные обстоятельства. Кроме того, как для внешнего состояния языка, так и для его «внутрикодовых» воплощений и преобразований остается верной и фундаментальной его характеристика как совершенно особой, видоспецифичной вычислительной способности мозга¹⁸. И эта способность, как нами было показано, нарабатывалась в ходе эволюции человека, через наследование общих для живых систем исчислительных процессов высшей нервной деятельности и их дальнейшего совершенствования в ходе антропосоциогенеза.

Возвращаясь в свете приведенных соображений к оценке, например, ранее упомянутой теории интенциональных состояний Дж. Серля, придется сказать, что утверждение верований и убеждений в качестве порождающей высказывание инстанции выглядит весьма неестественно. Дело в том, что такого рода интенции представляют собой уровень суперсубъектности, который не является фундаментальным и сам формируется на основе базисного уровня субъектности, а кроме того, если иметь в виду упомянутый внешний контур, в котором производится основная инициация воз-

никновения высказывания, то он как бы вычитается в данной концепции. К тому же надо иметь в виду, что весьма конкретные содержательные высказывания организуются «семиотическим ансамблем» (системой) сенсорики, базисной субъектности и суперсубъектности (в том числе в форме перестраивающихся суперпрограмм).

Попыткой обозначить абсолютный уровень мыслеформления выступает также «модульная» (и близкая к интенциональной) концепция мыслепорождения Дж. Фодора. Теория Дж. Фодора близка к интенциональной потому, что в ней также утверждается некий преимущественный на все случаи речемыслительной деятельности уровень («модуль») обработки и формирования информации (языково-дискурсивный), в результате функционирования которого врожденные синтаксические структуры «насыщаются» семантическим содержанием, и благодаря этому осуществляется информационный «выход», т.е. речемыслительный результат. Согласно же обосновываему в данной статье подходу, не только более реалистичной, но и более результативной представляется другая методологическая ориентация. В ее основе лежит представление о том, что обработка информации в рече-мыслительных процессах «идет как интегральное взаимодействие различных видов информации, между которыми не проводится жестких границ. При этом прагматическая и семантическая информация может привлекаться для разрешения проблем на синтаксическом уровне и наоборот»¹⁹.

Итак, исчислительность — универсальный и неоднопорядковый механизм, обеспечивающий субъектность и в то же время стимулируемый субъектностью. В таком своем качестве исчислительность характеризует только вербальную форму языка, являющуюся эволюционно приобретенным состоянием человека. Данный взгляд согласуется с естественноисторической картиной становления сознания и языка и способен служить дополнительным теоретико-объяснительным компонентом этой картины. Разумеется, дальнейшая позитивная реализация характеризуемых результатов возможна при продолжении разработок в области исчислительных механизмов языка и форм субъектнос-

ти. Здесь важными будут определенные экспериментальные разработки и ориентации. Последующее их теоретическое освоение должно идти по линии определения границ и специфики тех или иных форм их возможного и действительного контакта. Положения, касающиеся простой аддитивной исчислительности и сложных, переменных ее форм, могут считаться пока необходимой отправной точкой для продолжения анализа. Как раз область сложных форм исчислительности нуждается в дальнейшей конкретизации. Причем эта работа обязательно будет носить междисциплинарный характер (ближайшим образом в ней, конечно, будут задействованы физиология высшей нервной деятельности, нейролингвистика, математика и лингвистика).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹См.: *Серль Дж.* Природа интенциональных состояний // *Философия. Логика. Язык* / Под ред. Д. П. Горского, В.В. Петрова. — М., 1987. — С. 96 — 126; *Fodor J.A.* The modularity of mind. Cambridge (Mass.), 1983; *Fodor J.* The language of thought. — Hassoks, 1976.
- ²Такое понимание языкового употребления проявляется в концепции языковых игр Л. Витгенштейна, который в объяснении феномена языка придерживался антиконцептуалистской позиции.
- ³См.: *Серль Дж.* Природа интенциональных состояний.
- ⁴См.: *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. — М., 2002. — С. 25; *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. — М., 1972.
- ⁵См.: *Кислов Б.А.* Проблема оценки в марксистско-ленинской философии (вопросы теории и методологии). — Иркутск, 1985. — С. 36.
- ⁶См.: *Пенроуз Р.* Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. — М., 2003; *Пенроуз Р.* Тени разума: в поисках науки о сознании. — М.; Ижевск, 2003. Ч. I; *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. — М., 2004.
- ⁷Показательной в связи с этим является позиция Дж. Лакоффа, который, отмечая, что не существует единого вычислительного направления в изучении разума, свою критику направляет на подходы, отождествляющие функционирование разума и машины (см.: *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. — С. 439 — 440). Сопоставительный анализ вычислительных направлений представлен также в статье: *Casey G., Moran A.* The Computational Metaphor and Cognitive Psychology. <http://www.ucd.ie/philosophy/staff/casey/CompMeta.pdf>.
- ⁸О начатках логического мышления и способностей к абстрагирова-

нию у высших животных см., в частности: *Брунер Дж.* Психология познания. — М., 1977; *Прибрам К.* Языки мозга. — М., 1975; *Зорина З.А., Смирнова А.А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны (Способны ли высшие животные к оперированию символами?). — М., 2006.

⁹См.: *Мещанинов И.И.* Новое учение о языке. — Л., 1933; *Мещанинов И.И.* Проблемы классификации // Советская этнография. 1933. № 2. — С. 74 — 84; *Мещанинов И.И.* Проблемы развития языка. — Л., 1975.

¹⁰См.: *Tugendhat E.* Vorlesungen zur Einfuhrung in die Sprachanalytische Philosophie. — Frankfurt/M., 1976.

¹¹См.: *Ивин А.А.* Логико-философское исследование ценностей // Исследования по неклассическим логикам. — М., 1989. — С. 259 — 278.

¹²См.: *Мещанинов И.И.* Новое учение о языке. — С. 465; *Мещанинов И.И.* Проблемы классификации. — С. 75.

¹³См.: *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. — М.; Л., 1938. — С. 256.

¹⁴См.: *Марр Н.Я.* Язык и мышление // Избр. работы. В 5 т. Т. 3. — М.; Л., 1933 — 1937. — С. 91 — 92. Наличие семантического субъекта в так называемых безличных предложениях подчеркивают также: *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982; *Павлов В.М.* Субъект в безличных предложениях // Теория функциональной грамматики: Субъектность/Объектность. — СПб., 1992; *Тарланов З.К.* Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия // Филологические науки. 1998. № 5 — 6. — С. 65 — 75.

¹⁵*Аристотель.* Метафизика. — М.; Л., 1934. — С. 83.

¹⁶Там же. — С. 83 — 84.

¹⁷См.: *Дубровский Д.И.* Сознание, мозг, искусственный интеллект // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / Под ред. Д.И. Дубровского, В.А. Лекторского. — М., 2006. — С. 79 — 80.

¹⁸См.: *Черниговская Т.В.* Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. — С. 133.

¹⁹*Петров В.В.* Джерри Фодор: когнитивное измерение мышления // Концептуализация и смысл. — Новосибирск, 1990. — С. 232.

К 80-летию со дня рождения
академика Ивана Тимофеевича ФРОЛОВА

ОТ ФИЛОСОФИИ БИОЛОГИИ К ФИЛОСОФИИ НАУЧНОГО ГУМАНИЗМА

С.А. ПАСТУШНЫЙ

Академик И.Т. Фролов — выдающийся советский и русский философ второй половины XX века, внесший крупный вклад и оказавший серьезное влияние на развитие современной философии. К его заслугам следует отнести, прежде всего, создание нового направления и советской школы философии биологии. И.Т. Фролов проанализировал отношения случайности и необходимости, динамических и статистических закономерностей, причинности, детерминизма и телеологии. Им была развита оригинальная диалектико-материалистическая концепция органического детерминизма.

Неоценимым вкладом ученого в развитие философии биологии является разработка методологии биологического исследования. Вряд ли можно найти другую науку, которая имела бы настолько детально исследованную систему методов. Эта работа была впервые проделана И.Т. Фроловым в книге «Очерки методологии биологического исследования. Система методов биологии» (М., 1965). Положив в основу диалектический метод исследования, он проанализировал все общебиологические методы в историческом и логическом единстве; логические формы биологического исследования; а также поставил новые проблемы методологии и логики научного познания при наступлении биологического этапа научно-технической революции или, как писал И.Т. Фролов, «века биологии».

Главным вкладом И.Т. Фролова, который еще долго будет оказывать значительное влияние на развитие философии, является, несомненно, разработанная им концепция единой, комплексной науки о человеке, базирующаяся на синтезе новейших достижений естественных и общественных наук. Он исходил из перспективы развития человека от

«века биологии» к «веку антропологии», когда человек станет не только могущественным, но еще и разумным и гуманным. И.Т. Фролов оставил обширную программу дальнейшего исследования проблемы человека, включающую в себя целый комплекс вопросов: глобальные проблемы, новое мышление и новый гуманизм; приоритет общечеловеческих ценностей.

Философия биологии и загадка жизни

В этой сфере его творчества мы находим всеохватывающую программу исследования философии биологии, начиная с истоков биологического познания и завершая современной биологией, становящейся лидером современного естествознания. Широта анализа философских проблем биологии определяется не только рассмотрением философских оснований данной науки, но и изучением мировоззренческих, социально-этических и гуманистических выводов (особенно в «век биологии»).

Он предложил оригинальную философскую трактовку качественной оценки биологического объекта, общей стратегии и цели в познании сущности живого. При этом специфика биологического объекта усматривалась в совокупности атрибутивных свойств, характеризующих особенности строения, функционирования, развития и взаимодействия живой системы с внешней средой, что отличает органическую систему, с одной стороны, от неживых, а с другой — от социальных систем.

Однако найти непротиворечивое единство всех атрибутивных свойств оказалось невозможно ни в одном из вариантов теоретической биологии, представленных Э. Бауэром, Н. Рашевским или Л. Берталанфи. В качестве выхода из кризисного состояния при разработке теоретической биологии И.Т. Фроловым было предложено использовать высокие эвристические возможности диалектики как общей методологии, теории и метода биологического познания. Прделана была огромная работа по изучению содержания методологических принципов научного поиска и системы методов биологического исследования. Он убедительно показал, что принцип органической целостности, истолкован-

ный с позиций диалектики, снимает ложность дилеммы: либо механицизм, либо витализм. Принцип «качественной несводимости» преодолевает противоречивость и несовместимость редукционизма и целостного подхода. На этом же пути органично объединяются системный подход и принцип развития.

Особое место в философском творчестве философа занимают исследования принципа органического детерминизма и принципа целесообразности, которым посвящена монография «О причинности и целесообразности в живой природе». В ней решен целый комплекс сложнейших проблем о соотношении случайности и необходимости в эволюционном и мутационном процессах; динамических и статистических закономерностей; причинности и целесообразности с учетом онто- и филогенеза и иерархии структурных уровней организации живого; здесь же показаны гносеологические возможности и раскрыт мировоззренческий смысл целевого подхода. Одновременно выявлена и научная несостоятельность механистического детерминизма и «органического индетерминизма», телеологии и финализма.

Большим достижением в области философии науки можно считать разработанную И.Т. Фроловым систему методов исследования, которую он сам рассматривал в качестве «гносеологической адаптации» принципов материалистической диалектики к методологии биологического познания. Все это представлено в форме логического и исторического единства методов в их системе, обусловленной процессами субординации и доминирования, взаимовлияния и зависимости от целого.

Большой вклад И.Т. Фролов внес в изучение логических оснований биологического познания: в раскрытии диалектического единства индукции и дедукции, анализа и синтеза, в выявлении роли гипотезы и аксиоматизации, в обнаружении диалектического единства теории и практики, проблемы доказательности и критериев истины в науке о жизни. Закономерен вывод, к которому он приходит: процессы теоретизации и диалектизации современной биологии неразрывно связаны между собой.

Отметим способность И.Т. Фролова заглянуть в завтрашний день биологического этапа НТР и предложить его научно обоснованный прогноз. С этой целью И.Т. Фролов ввел понятие «век биологии», которое помогло ему наметить программу формирования нового типа науки о жизни, где существенным признаком является «соединение» биологии с человеком, что позволило бы через познание биосоциальной природы человека осуществить интеграцию естественных, общественных и гуманитарных наук.

Действительно, рассмотрение под этим углом зрения не только субстратных характеристик человека, но и его деятельностной основы, будет способствовать соединению чисто исследовательских и ценностных подходов. Тем самым социальные цели практики и гуманистические идеалы будут обозначены в качестве регулятивов прогресса нового типа науки о жизни. В «век биологии» новый тип науки о жизни видится И.Т. Фролову в единстве теории, социологии и этики биологического познания, о которых он писал в заключении своей книги «Жизнь и познание»¹: «...вот те новые компоненты, диалектическое взаимодействие и развитие которых, проникающее в самое “тело науки” и становящееся необходимым атрибутом “биологического мышления”, во многом определяют продвижение вперед биологического познания в новых и неведомых пока направлениях»².

Вместе с тем без знания законов наследственности и изменчивости нельзя разгадать загадку жизни. Вот почему генетика на долгие годы стала объектом философского интереса. Однако, как свидетельствует сам И.Т. Фролов, к генетике он обратился не сразу. На нее он вышел, когда анализировал проблему причинности и целесообразности в живой природе, столкнувшись с неоднозначной теоретической интерпретацией мутационной изменчивости. Им была предложена оригинальная концепция тематической направленности мутационного процесса, на что обратили внимание академики А.Л. Тахтаджян, И.И. Шмальгаузен и Б.Л. Астауров, которые вступили с ним в дискуссию. Poleмика потребовала от него более глубоких знаний о природе наследственности. Вот тогда и начался поиск истинной генетики.

Ответ не лежал на поверхности. Нужно было обратиться к зарождению генетики как науки, рассмотреть специфику становления генетики в России, проанализировать острейшие дискуссии 1936, 1939 и 1948 гг. Трудность состояла в том, что полемика о природе наследственности не носила только конкретно-научный характер. В ней использовались и аргументы от экономики, политики, идеологии, острой была и мировоззренческая интерпретация, где высшим критерием истинности часто объявлялись философские построения. В конечном счете, все спорящие стороны утверждали, что они говорят от имени диалектического материализма, хотя занимали, по существу, прямо противоположные позиции.

И.Т. Фролову впервые удалось убедительно показать, что теоретические взгляды Лысенко в биологии представляют собой шаг назад от дарвинизма к ламаркизму, а в мировоззренческой интерпретации они не идут дальше примитивного механистического материализма, ничего общего не имеющего с диалектикой, кроме фразеологии. Так взгляды Лысенко получили название феномена лжедиалектики.

На примере истории советской генетики была показана живая жизнь науки как социального института во всей противоречивости и уродливых формах взаимоотношений с идеологией и политикой, существенным условием преодоления которых является развитие органического единства всех форм общественного сознания и в первую очередь творческого союза между наукой и философией.

Потребность в такого рода союзе кроется в возрастании объективной необходимости диалектики по мере усложнения процесса теоретизации, развития системы методов и осознания мировоззренческого значения фундаментальных открытий в познании природы наследственности и изменчивости. С появлением работ И.Т. Фролова стало ясно, что чем острее генетика ощущала потребность в теории, тем эвристичнее было использование идей диалектики и очевиднее оказывались ее преимущества перед любыми другими философско-методологическими подходами. Степень диалектизации генетики усиливается по мере того, как происходят качественные изменения генетического познания на пути перехода от инвариантности субстратно-

структурного подхода к динамичности функционального и от него к историческому пониманию природы и сущности наследственности и изменчивости. Можно смело сказать, что это единственный в своем роде опыт в области философии и методологии биологического познания второй половины XX в., полностью сохранивший свое значение в наши дни.

Предметом исторических исследований И.Т. Фролова стала одна из самых сложных и запутанных проблем — исторический опыт взаимодействия генетики и диалектики. Свою главную задачу И.Т. Фролов видел в изучении позитивного опыта взаимодействия генетики и диалектики, в раскрытии эвристического потенциала диалектики, ее преимуществ по сравнению с другими философскими подходами. И здесь в полной мере обнаруживается его многогранный талант историка, ученого-теоретика, творчески мыслящего философа.

В книге «Генетика и диалектика» представлен огромный опыт по планированию, проведению и подведению итогов дискуссий в естествознании и философии, накопленный И.Т. Фроловым за многие годы. Автор блестяще использовал его, когда после выхода этой книги он был назначен главным редактором журнала «Вопросы философии». И.Т. Фролов дал замечательный образец творческих дискуссий, где обсуждение острейших вопросов направлялось на поиск истины, создавались максимально возможные в то время условия для свободного делового обсуждения.

В определенном смысле можно считать, что в «круглых столах» журнала «Вопросы философии» получили дальнейшее развитие основные идеи, сформулированные в книге «Генетика и диалектика». На передний план дискуссии выдвинулись мировоззренческие, социально-этические и гуманистические проблемы генетики человека. Их анализ, представленный в книге «Философия и история генетики», позволил И.Т. Фролову поставить вопрос о перспективах человечества. Постоянная гуманистическая оценка науки при гармонии научных и социальных целей и средств создает в науке особую аксиологическую компоненту, способствующую предотвращению опасности негативных последствий бесконтрольного развития науки и стимулирующую ее развитие на благо человека и человечества. В полной мере эта

тенденция может реализоваться в перспективе перехода от «века биологии» к «веку человека».

Если говорить коротко, то логику развития фундаментальных идей И.Т. Фролова можно представить следующим образом. Анализ природы научно-технической революции и в первую очередь ее биологического этапа обнаружил недостаточность лозунга классической науки: «Ничего, кроме объективной истины». Для понимания вектора развития современной науки необходимо было сменить приоритеты: не менее существенными оказались социальные и аксиологические параметры, осмысление которых привело к пониманию науки как социального института, подчиняющегося в своем функционировании и развитии общественным целям. Ибо «подлинный смысл наука приобретает лишь в связи с другими формами человеческой деятельности, образующими материальную и духовную культуру человечества»³. А чтобы научно-технический прогресс был контролируемым и служил на благо человека, он должен приобрести «человеческое измерение».

Та же логика присутствует и при осмыслении сущности глобальных проблем современности, истолкованных в духе отрицательных последствий НТР. Их преодоление требует нового мышления, в основе которого должны быть гуманистические ценности, утверждающие человека и его будущее в качестве высшей цели научного и социального развития.

Острая потребность в создании единой науки, органично соединяющей в себе естественные и технические, общественные и гуманитарные науки, требует обращения к человеку и его будущему.

Философия научного гуманизма

В философском творчестве академика И.Т. Фролова можно найти ответы на острейшие социально-этические и нравственно-гуманистические вопросы современности. Он заглянул далеко в будущее человека разумного и гуманного.

Непреходящее значение его фундаментальных трудов по комплексной и систематической разработке концепции нового, реального гуманизма состоит в том, что принципы

гуманизма рассматриваются им как нравственная основа научной философии человека.

В книге И.Т. Фролова «О человеке и гуманизме» представлена широкая панорама становления нового гуманизма, утверждающего идеал всестороннего развития целостной гармоничной личности в качестве самоцели социальной практики. Автор определил необходимые социальные условия превращения гуманизма из утопии в науку, преобразующую природу, общество и самого человека по меркам человечности. Если говорить коротко, то именно в этом заключается актуальность его идей для XXI века.

Академик Фролов предпринял успешную попытку ответить на вызовы нашей эпохи со стороны науки и философии, предложив концепцию нового гуманизма. Новый гуманизм рассматривается им в качестве центрального понятия философии, науки, культуры, отражающих запросы современной жизни человека и перспектив его развития.

Очень важен историко-философский анализ длительного духовного и социального пути, которым прошел гуманизм. «Мои взгляды, — замечает по этому поводу И.Т. Фролов, — я могу определить как “философию нового (реального) гуманизма”. Основной и отправной точкой этой философии являются взгляды Маркса, в особенности молодого, и, конечно, вся гуманистическая традиция, которая была в истории философии и современной философии. В особенности мне близки Эрих Фромм, Хаксли и традиции русской классической литературы и философии — Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, В. Соловьев и др.»⁴ Практический смысл гуманизма И.Т. Фролов, как общественный и государственный деятель, усматривает в принципах нового политического мышления, ориентирующих на гуманное, демократическое общество с приоритетом общечеловеческих ценностей и решение глобальных проблем.

Заслугой И.Т. Фролова является тот факт, что, сопоставляя свою позицию творческого марксизма с традициями западной и русской философии, он предложил обширную программу содержательного обсуждения конкретно-исторической природы гуманизма, возможностей и границ гуманистического мышления, нового синтеза с наукой и

общественной практикой в решении глобальных проблем в настоящее время и в перспективе.

Историко-философский ракурс анализа гуманизма у И.Т. Фролова органически сочетается с социально-практическим подходом к гуманизму в форме политического принципа. Заслуживает пристального внимания перевод рассмотрения вопроса о гуманизме с философского уровня абстрактно-теоретического идеала на практические рельсы реализации его принципов в политике.

Будучи лидером в области философии науки, И.Т. Фролов внимательно следил за новейшими достижениями в области естествознания и особенно биологии, поставив массу новых социально-этических и нравственно-гуманистических проблем. Стало ясно, что от их решения может напрямую зависеть осмысление глобальных проблем и перспектив человечества.

И.Т. Фролов исходит из того, что «гуманистическую и социальную постановку проблем, с которыми столкнулось на исходе XX столетия человечество, в большой мере стимулирует наука, хотя человечество переживает и большое разочарование в ней. В этом — одна из важнейших особенностей развития гуманизма в нашем веке и один из главных вызовов ему»⁵.

Этот вывод находит свое подтверждение в том факте, что пробуждению социально-этического и гуманистического сознания естествоиспытателей во многом способствовали фундаментальные открытия ученых в области ядерной физики и техники их использования при создании атомной бомбы с последующим испытанием этого варварского оружия массового уничтожения людей на мирных жителях городов Хиросимы и Нагасаки.

Нравственная оценка новой ситуации, сложившейся в естествознании, и использование его достижений военно-промышленным комплексом против человека хорошо известна из знаменитого «Манифеста» Б. Рассела и А. Эйнштейна. Подчеркивая выдающееся значение этого документа, И.Т. Фролов писал: «Вот где — истинные истоки нового мышления и нового гуманизма в ядерный и генноинженерный век»⁶.

Отметим, что еще раньше ядерной физики в начале XX столетия в такой отрасли естествознания, как евгеника ес-

тествоиспытатели столкнулись с целым комплексом мировоззренческих, социально-этических и гуманистических проблем, когда с биологизаторских позиций пытались решить вопрос об улучшении человеческого рода, о будущем человека и о евгеническом идеале нового человека. Блестящую критику антигуманного характера неоевгеники и научной несостоятельности современного социал-биологизма, а также проектов «выведения» чисто биологическим (генетическим) путем каких-то во всех отношениях приспособленных, «идеальных людей» мы находим в программной статье И.Т. Фролова «Перспективы человека»⁷.

Без открытий в естествознании и прежде всего в физике, химии, биологии, психологии, медицине нельзя разработать полную и развернутую концепцию гуманизма, так как именно эти науки развивают наши представления о природе человека и естественной среде его обитания. В определенном смысле можно считать, что естествознание является отправной точкой в осмыслении гармоничных отношений человека с природой, понимании диалектики биологического и социального в человеке, природы и общества, в осознании целостности человека в единстве его индивидуальных и личностных свойств. Естествознание дает возможность точнее описать мир основных потребностей и интересов, лежащих в фундаменте активной деятельности человека, направленной не только на адаптацию к внешним природным и социальным условиям среды, но и на активное практическое преобразование среды обитания с целью приспособления ее к своей человеческой сущности.

Велика роль естествознания в оптимизации системы «природа – человек – общество». Поэтому мировоззренческая оценка событий естественнонаучного прогресса часто принимает форму социально-этических и гуманистических проблем. И.Т. Фролов привлек внимание широкой научной и философской общественности к этой проблематике, показал ее специфику, актуальное состояние и перспективу в общем контексте развития философских (социально-этических и гуманистических) оснований современной науки.

Тем самым академик Фролов заложил фундамент нового направления этики науки, особенно биоэтики, став

общепризнанным лидером в данной области философского знания. Действительно, сегодня остро обсуждается вопрос о допустимости разных видов биомедицинского эксперимента на человеке, об этических основаниях генетического контроля, о социальных регулятивах генноинженерных работ, юридических принципах психофизиологических исследований (психохирургия и психофармакология). Идет сложный процесс разработки новых этических и юридических кодексов, регулирующих научное познание жизни и человека в таких экспериментах, где кроется опасность нанести вред здоровью человека и среде его обитания, где есть возможность угрозы манипулирования личностью и покушения на ее неотъемлемые права и свободы.

Перед естествознанием, наукой открываются сегодня поистине невиданные возможности в познании тайн жизни и смерти человека и его природно-биологического существования, но одновременно появляется масса социально-этических и гуманистических проблем и вопросов, ответов на которые современная культура пока не знает.

Выход из создавшейся неопределенной ситуации был предложен И.Т. Фроловым: он может быть найден в более широком контексте отношений биологии как науки с духовными ценностями культуры. Современная наука все больше поворачивается к человеку и делает его главным объектом приложения могучего арсенала своих познавательных средств. По И.Т. Фролову, таким образом зарождается наука нового типа.

Еще более очевидно проявляются естественнонаучные истоки становления концепции нового гуманизма И.Т. Фролова в приоритетном для него направлении философии глобальных проблем. Здесь естествознанию отводится большое место в понимании закономерностей структуры, функции и развития природы, эволюционно-генетических отношений человека с природой и общества с природой. Без обращения к естествознанию нельзя понять главного во всем комплексе глобальных проблем – вопроса о биологическом существовании человека в условиях НТР, о приспособлении биоритмов человека к возрастающим темпам НТП, о соотношении здоровья и патологии человека как критерии степени гуманности различных социальных систем.

В этой связи И.Т. Фролов совершенно справедливо критикует технократический подход, приводящий к негативным последствиям в процессе практического преобразования природы, который не только наносит ей невосполнимый ущерб, но и через технологию вторгается в жизнь человека, зачастую нанося вред его здоровью. Решение глобальных проблем, поставивших цивилизацию на край пропасти физического уничтожения, И.Т. Фролов видит в гуманизации прогресса науки и техники и развитии этического самосознания ученых.

В русле решения глобальных проблем и требований науки нового типа находится установка на то, чтобы ни один научно-технический проект не рассматривался в изоляции от социальных и человеческих условий его реализации. Таким образом, наука гуманизируется, а гуманизм становится научным. В этом единстве гуманизма и научного познания гуманизму отводится определяющая роль, которая проявляется в подчинении развития науки и техники целям человека и общества. Достижения науки здесь выверяются человеческой мерой добра, разума, справедливости.

С этой целью необходима гуманизация общественного прогресса в форме достижения «высокого соприкосновения» человека с научно-техническим прогрессом. Это обстоятельство позволило И.Т. Фролову вывести закономерность: «...чем выше уровень технологии производства и всей человеческой деятельности, тем выше должна быть и ступень развития общества, самого человека в их взаимодействии с природой, новая цивилизация и новая гуманистическая культура, исходящая из того, что человек – самоцель общественного развития»⁸. И.Т. Фролов идет еще дальше, настаивая на том, что если наука и техника будут развиваться в арифметической прогрессии, то для того, чтобы все шло в благоприятном для человека направлении, этическое самосознание науки и ученых должно развиваться в геометрической прогрессии⁹. Гарантацией соблюдения этих пропорций может выступить лишь одно обстоятельство: совпадение гуманистических целей науки и общественного развития.

Особо остро этическая проблематика стоит, как показал И.Т. Фролов, в биомедицине, когда человек становится

объектом ее научного познания, при исследовании его ресурсов, в том числе психофизиологических, при обращении к проблеме экспериментирования на человеке. Тут явно недостаточными и узкими выглядят императивы этоса науки Р. Мертона, сосредоточенные в основном на проблеме чистого поиска истины. В отличие от Р. Мертона И.Т. Фролов рассматривает науку нового типа прежде всего как социальный институт современного общества и исходит из требования соединения социальных и социально-этических факторов с «чистым» познанием. Это обстоятельство позволяет И.Т. Фролову сделать радикальный вывод о необходимости разработки нового этоса науки, соответствующего новому, более высокому ее уровню, отвечающему потребности в гуманизации НТР и решении глобальных проблем.

Опасности бесконтрольного развития НТР в условиях обострения глобальных проблем можно избежать на пути поиска гармоничных отношений между устремлениями науки, интересами общества и благом человека. Именно отсюда, из этой триады и вытекает потребность комплексной программы познания человека в его целостности. Следует подчеркнуть, что И.Т. Фролов и созданный им Институт человека по ряду принципиальных положений были первопроходцами. Теоретическим фундаментом данной программы стала разработанная И.Т. Фроловым концепция науки нового типа, обосновывающая необходимость нового синтеза науки и гуманизма, *преодоление разрыва* между исследовательскими и ценностными подходами.

Эвристичность комплексного подхода позволяет более точно и конкретно определить место, функцию и значение природно-биологической компоненты в жизнедеятельности человека, а также возможности в познании его тайн. Более того, сама биология человека, система его фундаментальных потребностей, генетические задатки, биологическая предрасположенность к той или иной общественной деятельности могут быть использованы в качестве критерия в оценке меры гуманности различных социальных систем, которые в разной степени или препятствуют (если вступают в противоречие с биологической природой человека), или способствуют (если находятся в гармонии и являются

комплементарными природно-биологической основе человека) свободному и всестороннему развитию человека.

В этой связи закономерен вывод И.Т. Фролова о том, что идеалом науки будущего станет лишь та наука о человеке, которая, превращаясь в «человеческое естествознание» (К. Маркс), трансформируется из науки о человеке в науку для человека. Вот почему свой подлинно гуманный смысл наука приобретает только в связи с другими формами человеческой деятельности, образующими материальную и духовную культуру человечества. «Истинная гуманистическая ориентация, – по мнению И.Т. Фролова, – которая должна вдохновлять ученых всего мира»¹⁰, как раз и состоит в том, чтобы наука служила на благо человеку и человечеству.

Таким образом, концепцию нового гуманизма академика И.Т. Фролова отличает от всех других ее многочисленных современных вариантов то, что его гуманизм социально конкретен, реален и самое главное – научен. Это блестящий образец творческого марксизма, его ответ на запросы глобальных проблем ракетно-ядерной и биотехнологической эпохи XXI в.

Академик И.Т. Фролов много сделал для того, чтобы усилить востребованность философии. Он раздвинул границы возможностей влияния философии на нашу духовную культуру, продемонстрировав высокую интегративную и особенно прогностическую функцию философии. Своим многогранным творчеством он приближал приход «звездного часа» философии, сделал человека мерой всех наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фролов И.Т. Жизнь и познание. О диалектике в современной биологии. Изд. 2-е. – М.: УРСС, 2008. – С. 272–273.

² Фролов И.Т. Избранные труды. Т.1. – М.: Наука, 2002. – С. 447.

³ Фролов И.Т. Избранные труды. Т. 3. – М.: Наука, 2000. – С. 767–768.

⁴ Фролов И.Т. Избранные труды. Т. 3. – М.: Наука, 2003. – С. 672.

⁵ Там же. – С. 702–703.

⁶ Там же. – С. 704.

⁷ Вопросы философии. 1975. № 7 – 8.

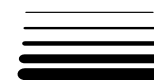
⁸ Фролов И.Т. Избранные труды. Т. 3. – С. 750.

⁹ Там же. – С. 696.

¹⁰ Там же. – С. 685.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Из истории конгрессов

XIX ВСЕМИРНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС (Москва, 1993 г.) В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

С.Н. КОРСАКОВ

На Московском Конгрессе

Конгресс состоялся в комплексе зданий Российской академии управления (ныне – Российская академия государственной службы при Президенте РФ) в районе станции метро «Юго-Западная». В нем приняло участие более 1000 делегатов из 60 стран мира. Причем, по крайней мере, половина участников – из-за рубежа. Организаторы даже были удивлены тем, что количество приехавших иностранных делегатов превзошло их первоначальные ожидания. Благодаря авторитету И.Т. Фролова на Конгрессе присутствовали многие видные общественные деятели; среди них был М.С. Горбачев. С письменным приветствием к участникам Конгресса обратился Президент РФ, правда, сделано это было с запозданием, 24 августа 1993 г., когда Конгресс уже работал.

Конгресс приветствовал Генеральный директор ЮНЕСКО. Надо сказать, что ЮНЕСКО сыграла благородную роль в судьбе Конгресса. 26-я сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО поручила Генеральному директору Ф. Майору изыскать возможности оказания содействия в проведении Конгресса в Москве. С 9 по 13 сентября 1991 г. по приглашению советского Оргкомитета в Москве находился директор Отдела философии и гуманитарных наук ЮНЕСКО М.А. Синасер, обсуждавший с советской стороной формы и размеры помощи, которую ЮНЕСКО сможет оказать для подготовки и проведения Конгресса. В мае 1992 г. И.Т. Фролов выезжал в Париж для решения в штаб-квартире ЮНЕСКО вопросов, связанных с проведением Конгресса. ЮНЕСКО выделила на проведение Конгресса 15 тыс. долларов.

Конгресс стал полем диалога философов разных стран. Беспрецедентно большое количество представителей нашей страны было включено в научную Программу Конгресса в качестве приглашен-

ных докладчиков на пленарных заседаниях, симпозиумах и коллоквиумах. Был обеспечен синхронный перевод докладов иностранных участников на пленарных заседаниях. Конференц-зал РАУ был заполнен на протяжении всех дней заседаний Конгресса.

И.Т. Фролов добился того, чтобы на заседания Конгресса в здание Российской академии управления можно было проходить по студенческим билетам. Этим воспользовались многие студенты философского факультета МГУ. Это Иван Тимофеевич считал очень важным. О предстоящем Конгрессе он рассказывал на своих лекциях в МГУ еще весной 1993 г. и приглашал молодых людей принять участие в Конгрессе.

Конгресс открылся 22 августа. В президиуме Конгресса находились председатель МФФО Э. Агацци, председатель Оргкомитета Конгресса И.Т. Фролов, экс-президент СССР М.С. Горбачев, ректор РАУ Р.Е. Тихонов, вице-президент РАН В.Н. Кудрявцев, ученый секретарь Оргкомитета Конгресса В.Н. Игнатъев. С речами выступили Э. Агацци, Р.Е. Тихонов, представитель ЮНЕСКО С. Лазарев. Присутствовал митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (К.В. Нечаев). И.Т. Фролов пригласил его по своему обыкновению, так как считал, что философские проблемы нельзя обсуждать без участия представителей церкви.

Слово было предоставлено М.С. Горбачеву как создателю концепции нового мышления и руководителю страны, давшему в 1988 г. согласие на проведение XIX Всемирного философского конгресса в Москве. Горбачев сказал, что для него предложение выступить на открытии Конгресса является приятной неожиданностью, и произнес речь, занявшую около 20 минут. Он сказал, что импульс обновления был задан в России еще в начале XX века, и этот импульс все еще действует. Однако, ошибочной оказалась установка на насилие как «повивальную бабу историю». «Очень жаль, — подытожил Горбачев, — что мы сорвали, сбили страну благодаря августовскому путчу 1991 года». Остановившись на современной ситуации в России, Горбачев назвал в качестве существенных ошибок российского руководства наличие «нищих интеллектуалов» и недостаток внимания к армии. Он также говорил об ошибках российских реформаторов, не учитывавших различия ментальности народов, составлявших СССР. Горбачев вспомнил свои недавние беседы в Париже в узком кругу интеллектуалов, где ему, в частности, было сказано: «Запад прошел свою высшую точку развития. Мы не можем дать ориентиров на будущее; сегодня мы ждем эти ориентиры от России».

Выступление митрополита Питирима Э. Агацци предварил словами о том, что присутствие здесь священнослужителя — свидетельство новых веяний и возможностей в современной России. Питирим говорил о необходимости синтеза, включающего науку

(которая дошла до пределов аналитического, разлагающего подхода к миру, подлежащего замене новым, креативным подходом), философию и религию (как выражения человеческого духа). Неожиданно выступление Питирима вызвало резкую реакцию со стороны главы турецкой делегации, видного функционера МФФО Й. Кучуради, которая заявила, что тогда необходимо приглашать на Конгресс и муллу. И.Т. Фролов расценил реакцию турецких участников как неуважение к русской философской традиции.

В своей вступительной лекции на Конгрессе И.Т. Фролов говорил о важности обращения к антропологической проблематике, особенно в условиях, когда новые технологии вторгаются непосредственно в повседневную жизнь человека, угрожая человеку при их неразумном использовании «кризисом идентичности», опасностью утраты человеческой индивидуальности. Он подчеркивал, что современный ученый должен стать мудрым, чтобы он, работая с природным и человеческим материалом, руководствовался не частными и узкокорыстными интересами, а исходил из позиции человечества в целом, чувствовал ответственность за человека, человечность, человечество. То же должно относиться и к современному политику, хотя он еще меньше, чем ученый, соответствует сегодня этим императивам. Чтобы подобное отношение становилось реальностью, необходим диалог культур, облагораживающий человека не только интеллектуально, но и нравственно, и не совместимый с чувством какого бы то ни было социального или национального превосходства. И.Т. Фролов оставляет вопрос о перспективах человечества открытым: «Будущее не предопределено с фатальной неизбежностью. Оно создается самим человеком, приводящим в движение колоссальные материальные силы, огромный духовный потенциал, заключенный в его культуре и, в частности, в науке. По каким путям пойдет реализация материальных и духовных возможностей человеческого развития — это в значительной степени зависит от правильного выбора общей стратегии социального и научно-технического прогресса человеческой цивилизации, его гуманистической направленности»¹.

Первая часть торжественного открытия Конгресса была завершена небольшим концертом лауреата Международного конкурса им. П.И. Чайковского пианиста А. Мордасова.

После церемонии официального открытия в рамках работы Конгресса состоялись заседания философских обществ и ассоциаций: Российского философского общества, Международного института философии, Общества Карла Ясперса, Сартровского общества Северной Америки, Ассоциации «Философы мира за предотвращение ядерной войны», Американского гегелевского общества, Общества содействия американской философии, Общества философии твор-

чества, Международного общества изучения ценностей, Ассоциации герменевтики и логического анализа, Американского общества франкоязычных философов, Конференции философских обществ, Общества марксистских философских исследований, Радикальной философской ассоциации, Международного общества исследований неоплатонизма, Международного конгресса Веданты, Международного общества этики окружающей среды, Китайской философской ассоциации (Тайвань), Международного общества китайской философии, Японского общества изучения материализма, Международного института содействия феноменологическим исследованиям, Общества Чарльза Пирса и др. Заседаниям обществ и ассоциаций был также отведен весь день 25 августа.

В ходе работы Конгресса прошло четыре пленарных заседания, два симпозиума, три коллоквиума. Работало 34 секции и свыше 20 «круглых столов». В работе Конгресса приняли участие такие выдающиеся философы, как П. Рикер (Франция) и К.-О. Аппель (ФРГ).

О темах пленарных заседаний и докладчиках

Заседание 23 августа

Тема «Философия и образ будущего». Председатель – В.С. Степин (Россия). Докладчики – Р. Рорти (США), А. Такечи (Япония).

В докладе «Философия и образы будущего» В.С. Степин изложил свою концепцию человека, культуры и цивилизации. Человеческая практика, социальная жизнь включает в свой состав «вторую природу» – совокупность «искусственных органов» «неорганического тела цивилизации», совокупность социальных отношений и совокупность программ деятельности, обеспечивающих воспроизводство различных ее видов. Социокультурные программы транслируются в виде образцов, норм, ценностей, моделей деятельности, составляя культуру общества. Целостность того или иного типа культуры обеспечивается взаимосвязанной совокупностью основных мировоззренческих универсалий, «категорий культуры»: понимание мира, человека, пространства, времени, общества, добра, зла, справедливости и пр. Система мировоззренческих универсалий образует категориальный строй сознания людей соответствующей эпохи и определяет характер культурной трансляции, создает целостный образ жизненного мира эпохи. Философия же осуществляет рефлексию над этими основаниями культуры, проявляет, обосновывает и систематизирует их, выступает как самосознание культуры. В науке философские идеи, которые ранее могли быть маргинальными в культуре, «срабатывают» в периоды кризисов, вызванных освоением принципиально новых типов объектов, служат источником формирования новых типов научной рациональности в условиях научных революций.

Проделанный В.С. Степиным анализ универсалий культуры позволил ему сформулировать концепцию типов цивилизационного развития. Система универсалий культуры, совокупность программ деятельности поведения и общения, обеспечивает воспроизводство определенного типа общества, выступает как взаимосвязанный набор социокодов, составляющих геном социальной жизни. Мутации этого «генома», появление новых мировоззренческих смыслов оказываются важным условием возникновения новых видов обществ. С этих теоретических позиций В.С. Степин проанализировал присущие традиционалистскому и техногенному типам цивилизационного развития системы универсалий культуры и ценностные приоритеты (отношение к инновациям, к природе, к научному знанию, понимание личности, власти), а также имевшие место в истории мутации традиционных типов культурной трансляции, формы взаимодействия традиционных и техногенных обществ. В.С. Степин выдвинул идею о новом, третьем типе цивилизационного развития, который позволил бы снять ограниченности техногенного типа цивилизации, препятствующие устойчивому развитию человечества. Необходимый тип цивилизационного развития должен включать подход к биосфере как к целостной системе, в которую органически включен человек, приоритет несиловых воздействий применительно к сложным саморазвивающимся системам, интеграцию когнитивных и ценностных измерений в отношении к сложным человеко-размерным системам. По мнению В.С. Степина современная эпоха как никогда ранее нуждается в новых мировоззренческих идеях, в стратегии цивилизационного развития, ориентированной на будущее и ответственной перед будущими поколениями.

Р. Рорти в докладе «Философия и будущее» говорил о том, что вектор времени стал значимым только для новоевропейской философии, оставившей проблематику вечности. Наибольший импульс устремленности мысли в будущее придали Гегель и Дарвин. Теперь философы ищут ответ на вопрос «Кем мы должны пытаться стать?». Их призвание – обеспечивать социокультурную приемлемость инноваций, не замыкаясь в профессиональной скорлупе, но и не впадая в революционный авангардизм. В современном мире философы должны найти формы адаптации традиционных культур к ценностям демократии.

Заседание 24 августа

Тема «Судьбы технологической цивилизации: цена прогресса». Председатель – Х. Ленк (ФРГ). Докладчики – М. Бунге (Канада), М.А. Кинтанилья (Испания).

М. Бунге выдвинул концепт «интегральной технодемократии» в качестве альтернативы как бывшему реальному социализму, так

и капитализму. Обе эти социальные системы не могут считаться, по мнению Бунге, морально оправданными, поскольку и в той и в другой имеет место подавление личности и истощение окружающей среды. Интегральная же технократия предполагает кооперативную собственность, самоуправление, политическую демократию, техническую экспертизу и контролируемый рынок. Путь к новому типу общества он видел в мирном и эволюционном раздроблении мегакорпораций. Сам Бунге признал в завершение доклада, что, возможно, все это не более, чем очередная утопия.

Заседание 26 августа

Тема «Современный гуманизм: идеалы и реальность». Председатель – Л. Виллоро (Мексика). Докладчики – В.А. Лекторский (Россия), Ж. Ладриер (Бельгия).

В.А. Лекторский говорил о соотношении гуманистических идеалов и реальности. Он подробно остановился на популярных ныне атаках на саму идеологию гуманизма, наиболее радикальной из которых является нигилистическое отношение не просто к современным формам гуманизма, но ко всей гуманистической традиции начиная с эпохи Возрождения. Докладчик выразил убеждение в том, что несмотря на эту критику идеалы гуманизма неустранимы из человеческой деятельности, ибо придают ей смысл. Однако произошедшие в конце XX века социальные катаклизмы требуют переосмысления гуманизма и корректировки тех его принципов, которые были заложены на заре Нового времени. Первый из этих принципов: признание самоценности человеческой индивидуальности. Ныне индивидуальность должна пониматься не как Эго, исходящее исключительно из себя, но как такое Я, которое обнаруживает себя в диалоге с другим Я. Этот диалог и служит для Я удостоверением собственной реальности. Вторым принципом новоевропейского гуманизма: овладение природной и социальной реальностью как условие свободы человека. Негативные последствия этого господства, понятого в качестве условия свободы, вполне очевидны. Насущной докладчик назвал изменение модели отношений действующего человека со средой в духе принципа партнерства, коэволюции человека и природы.

Заседание 27 августа

Тема «Новое мышление: традиции и инновации». Председатель – А. Ндиайе (Сенегал). Докладчики – Хао Ванг (США), Э. Берти (Италия).

Послеобеденное время было отведено для работы секций и «круглых столов». Вечернее – для симпозиумов и коллоквиумов.

22 августа работал симпозиум «Философия ненасилия».

Его вел К.С. Мурти (Индия). Докладчиками были А.А. Гусейнов (Россия), Д. Собервилья (Перу), М. Оливетти (Италия).

В докладе А.А. Гусейнова был проделан тонкий анализ понятий насилия и ненасилия. Насилие было определено как узурпация свободной воли, принуждение вопреки воле. Ненасилие же предполагает признание самоценности каждого человека и одновременно взаимной связи всех людей. В человеческих усилиях, направленных на борьбу за социальную справедливость, докладчик выделил две ступени по степени моральной зрелости: ответственное насилие и активное ненасилие. При этом в мировом историческом процессе ненасилие было превалирующей над насилием тенденцией, о чем свидетельствует постепенная гуманизация межлических отношений. Но это превалирование не гарантировано. Когда сегодня человечество вступило в полосу глобальных опасностей, сделал вывод А.А. Гусейнов, проявление единичной злой воли способно приобретать глобально непоправимые последствия. Самое слабое, уязвимое место современной цивилизации, по его оценке – несоответствие между универсальностью созданных человечеством производительных сил и ограниченностью мировоззрения современных людей сохраняющимися национальными, религиозными и социальными перегородками. Только отказ от взаимного насилия может дать человечеству шанс на выживание.

23 августа прошел симпозиум на тему «Возможна ли единая философия?». Председателем был В. Клюксен (ФРГ). Выступали Ю. Ким (Республика Корея), Ф. Жакес (Франция), Н.В. Мотрошилова (Россия) и П. Хунтонджи (Бенин).

24 августа был проведен коллоквиум «Проблема единства человечества в русской философии». Председатель – Э. Юбер (Италия). Докладчики: П.П. Гайденко (Россия), Г.Л. Клайн (США), Л. Мюллер (Германия).

В докладе Г.Л. Клайна, посвященном вкладу классической русской философии в развитие человеческого общества, затрагивались воззрения Вл.С. Соловьева, Л.Н. Толстого, С.Н. Булгакова, А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского.

В докладе П.П. Гайденко «Человек и человечество в учении В.С. Соловьева» на основе анализа целого ряда текстов русского мыслителя реконструирована его концепция человечества как единого живого организма, подлинной субстанции – сверхличности. Слабым местом концепции Соловьева докладчик назвала недооценку значимости отдельного человека.

Один из зарубежных участников Конгресса пренебрежительно высказался на коллоквиуме в отношении русской философии. И.Т. Фролов резко отреагировал на это, сказав, что в Брайтоне наши зарубежные «друзья» такой наглости себе не позволяли. Он подготовил по этому поводу специальное заявление от имени Российского философского общества. На съезде РФО, состоявшем-

ся в рамках работы Конгресса, И.Т. Фролов заявил: «На этом Конгрессе, по общему мнению, русская философия по уровню превосходила доклады иностранцев».

Второй коллоквиум – «Человек и природа» состоялся 26 августа.

Председателем его был *Р. Де Джордж* (США). Выступали *Р. Баласубраманиан* (Индия), *Р.Г. Милликан* (США), *К. Виреду* (Гана).

27 августа прошел коллоквиум «Познание и понимание».

Председатель – *Я. Хинтиikka* (Финляндия). Докладчики: *И. Ким* (США), *Д.П. Чатонадхайя* (Индия), *К. Пикокк* (Великобритания). По завершении этого коллоквиума с лекцией на тему «Парадоксы толерантности», посвященной Маймониду, выступил *Ж. Херш* (Швейцария).

Надо сказать, то тема толерантности не сходила с уст докладчиков и на пленарных заседаниях. В условиях, когда в стране-организаторе Конгресса происходило стремительное и катастрофическое социальное расслоение, сопровождавшееся всеми возможными эксцессами и в сфере политики, и в сфере права, и в сфере морали, советы западных делегатов «быть толерантными» невольно воспринимались скорее как лицемерие, либо же – как непонимание реальных процессов, происходивших и в России, и в мире.

Программа Конгресса включала в себя следующие секции:

1. *Метафизика.*
2. *Онтология.*
3. *Теория познания.*
4. *Логика и философия логики.*
5. *Этика.*
6. *Биоэтика.*
7. *Философия ценностей.*
8. *Эстетика и философия искусства.*
9. *Философия науки.*
10. *Философия математики.*
11. *Философия техники.*
12. *Философия языка.*
13. *Философия деятельности.*
14. *Философия, антропология и психология.*
15. *Философия религии.*
16. *Философия истории.*
17. *Социальная, политическая и правовая философия.*
18. *Философия культуры.*
19. *Различные модели рациональности.*
20. *Личность и отчуждение.*
21. *Философские проблемы искусственного интеллекта.*
22. *Философское понимание прав и ответственности человека.*
23. *Женщины и философия.*

24. *Экология и будущее жизни на Земле.*
25. *Время в физике и истории.*
26. *Азиатская философия.*
27. *Африканская философия.*
28. *Философия в Латинской Америке.*
29. *Философские традиции и направления в Советском Союзе и СНГ.*
30. *Сравнительная философия.*
31. *История античной философии.*
32. *История средневековой философии.*
33. *История философии Нового времени.*
34. *История современной философии.*

Среди «круглых столов» можно назвать следующие:

- *Этические проблемы конфликта Севера и Юга.*
- *Аристотелева теория противоречия и современная диалектика. Противоречивость, паранепротиворечивость, диалектическая непротиворечивость.*
- *Китайская философия в конце XX столетия.*
- *Разнообразие определений истины.*
- *Масс-медиа и философия.*
- *К возрождению метафизики жизни, смерти, человеческой судьбы в междисциплинарной перспективе.*
- *Философия и освобождение (Латинская Америка).*
- *Перспективы демократического социализма.*
- *Латиноамериканская философия: от истоков до настоящего времени.*
- *Экологическая этика и сохранение природы.*
- *Столетие Вивекананды: влияние Вивекананды в Индии и на Западе.*
- *Формализация социальных исследований. Применение формализации в математике и роль компьютеров.*
- *Философия и современная физика.*
- *Как заниматься философией с помощью компьютера.*
- *Условия человеческого: постоянство и различия.*
- *Ценности в динамике.*
- *Роль культурных различий: политические и этические аспекты.*
- *Философия естествознания: источник культурных инноваций.*
- *Аргументация: ее сущность и структура.*
- *Соотношение философии и теологии на современном этапе.*
- *Возрождение философии в меняющемся мире.*
- *Образы смерти в истории культуры.*
- *Евразия – Иbero-Америка: традиции и модернизации.*
- *Будущее «третьего мира» в век глобальных проблем.*

Целый ряд секций и «круглых столов» возглавляли представители нашей страны: В.С. Степин, В.А. Смирнов, А.А. Гусейнов, Б.Г. Юдин, К.Х. Делокаров.

Дискуссия вокруг практически любой темы, включенной в программу Конгресса, так или иначе выводила философов на проблему человека. По словам П.С. Гуревича, «участники дискуссий сошлись во мнении, что техногенная цивилизация исчерпала себя. Культурно-цивилизационный уклад будущего определяется как антропогенная цивилизация... Обсуждение проблем человека на Конгрессе было разносторонним. Речь шла о том, чтобы возродить в нашей стране философско-антропологическое мышление, восстановить утраченные традиции, двинуться дальше в постижении человеческой природы и человеческой уникальности»².

Большой интерес вызвала работа «круглого стола» «Образы смерти в истории культуры». Она проходила в переполненном зале. Вел работу «круглого стола» руководитель группы виталогических и танатологических исследований Института человека РАН В.Л. Рабинович. В работе «круглого стола» принял участие и выступил И.Т. Фролов.

Впервые в Программу Конгрессов была включена секция биоэтики. Работало две секции биоэтики. Одну из них возглавлял Б.Г. Юдин. В работе секции приняли участие С.М. Малков, Е.И. Ярославцева, А.Н. Кочергин и др.

Международным Программным комитетом в научную Программу Конгресса помимо традиционных для таких форумов тем, были включены вопросы, касающиеся вклада отечественной философской мысли в развитие мировой науки. Вспоминается работа секции, посвященной традициям и направлениям в философской мысли в СССР и СНГ, которую вел В.Ж. Келле. Один из выступавших рассказывал делегатам Конгресса об Э.В. Ильенкове как о необычайно творческом человеке, «разбрасывавшем» вокруг гениальные идеи.

Причины, по которым И.Т. Фролов настоял на проведении Всемирного философского конгресса в Москве, очень точно сформулировала О.В. Гаман. Они не сводились просто к воплощению организационной идеи. «Дело в том, что И.Т. Фролов, будучи настоящим философом по призванию, видел глубинный исторический смысл в проведении Всемирного философского конгресса в России, иначе говоря, видел подлинную *историческую перспективу* этого события, что еще раз показывает глобальный масштаб мышления и деятельности этого человека»³. На Конгрессе и после него И.Т. Фролов с болью говорил о судьбе России, о том, что она еще должна сохраниться в качестве особого культурно-исто-

рического образования и найти свое место в мировых интеграционных процессах, и сумеет сделать это, лишь если соберет воедино весь свой исторический опыт. Если этого не произойдет — она растворится в мировых общецивилизационных процессах, как исчезали многие великие цивилизации прошлого. Но если Россия сумеет повлиять на мировые события, возможно становление новой гуманистической цивилизации не задержится долго на стадии, как выразился И.Т. Фролов «демократической диктатуры», когда торжествуют насильственные методы глобализации.

Участникам Конгресса была предложена культурная программа. Она включала экскурсии в Кремль, Третьяковскую галерею, Музей изобразительных искусств имени Пушкина, Музей-усадьбу «Кусково», обозрение панорамы Москвы с Воробьевых гор, посещение Новодевичьего кладбища, поездки в Ясную Поляну, Сергиев Посад. После завершения Конгресса желающие могли совершить тур в Санкт-Петербург.

25 августа время в прочие дни работы Конгресса занятое пленарными заседаниями было отведено для организационного заседания Генеральной ассамблеи МФФО. Состоялись выборы нового руководства МФФО. Новым президентом МФФО был избран Ф. Миро Кесада (Перу), вице-президентами Я. Хинтиikka (Финляндия), К.С. Мурти (Индия), В.А. Лекторский (Россия). Было определено место следующего конгресса — г. Бостон (США).

28 августа состоялась церемония официального закрытия Конгресса. Была проведена презентация документа ЮНЕСКО «Толерантность сегодня: философские проблемы». На закрытии Конгресса выступили Э. Агацци, Ф. Миро Кесада, И.Т. Фролов. В своем заключительном слове на Конгрессе И.Т. Фролов сказал, что путь к Конгрессу был долгим и трудным, особенно для Оргкомитета, но прошел Конгресс, как говорится, «на одном дыхании». В России состоялся большой и разнообразный, очень насыщенный форум философов мира. Все участники получили много новых идей, оригинальных философских суждений. Главное, сказал И.Т. Фролов, что Конгресс продемонстрировал, во-первых, плюрализм и свободу мнений, равноправие разных направлений философии, и, во-вторых, гуманистическую направленность мировой философской мысли. Привьется ли это в России? — риторически спрашивал И.Т. Фролов.

После завершения Конгресса И.Т. Фролов, как он обычно это делал, позаботился о премировании сотрудников Оргкомитета, тех, кто активно способствовал успешному проведению Конгресса. И.Т. Фролов поблагодарил всех, кто поддержал Конгресс своим участием, советами, просто проявил человеческое сочувствие, всех, кто помогал организаторам Конгресса: переводчикам, сту-

дентам, обслуживающему персоналу, ЮНЕСКО, Академии управления и фирмам «ИНТАР Лтд» и «EGA Studio».

Оргкомитетом Конгресса были опубликованы брошюра с пленарными докладами В.С. Степина, М. Бунге, И. Кима, Г.Л. Клайна, Хао Ванга. Были опубликованы также два тома резюме выступлений в секциях⁴. Разумеется, сами тексты выступлений не были опубликованы: это не предполагается правилами проведения Всемирных философских конгрессов. Эти тексты, как и другие документы Конгресса, переданы автором настоящей статьи в Российский государственный архив социально-политической истории и хранятся там в личном фонде И.Т. Фролова.

Освещение Конгресса в СМИ

На Конгрессе было аккредитовано много журналистов из российских и зарубежных информационных агентств (ИТАР-ТАСС, «Постфактум», ORF, RNTV и др.) и изданий («Московские новости», «Известия», «Природа» и др.). Конгрессу был посвящен ряд статей в печати⁵. Но в целом внимание к Конгрессу было явно недостаточным. Страна не осознала, событие какого масштаба в ней произошло.

До начала и во время работы Конгресса И.Т. Фролов активно пропагандировал проблематику и идеи Конгресса в массовой печати⁶. В этих публикациях он подчеркивал противоречивость современной ситуации человечества, которое «мучительно рождается как новая общность на протяжении веков, но демонстрирует поразительные коллизии, раздробленность человеческого рода по социальному, национальному и территориальному признакам»⁷. Потому он и подчеркивал значимость для современного человечества вечного библейского вопроса: «Quo vadis?» — «Куда идешь?». Он полагал, что вступление человечества на порог нового тысячелетия в период триумфа системы демократии и свободного рынка и одновременного обострения политических, этнических и прочих конфликтов, чревато непредвиденными опасностями. Мы находимся, говорил он, накануне поворотного момента в развитии цивилизации, и человечество может упустить свой исторический и космический шанс. В этих условиях, считал И.Т. Фролов, «построение справедливого общества требует фундаментального пере моделирования человеческого поведения в соответствии с такими социальными и индивидуальными ценностями, которые благоприятны для гармонической жизни на планете»⁸. В интервью корреспонденту агентства «Постфактум» 21 августа И.Т. Фролов сказал, что ожидает от Конгресса глубокого и интересного разговора на самые актуальные темы.

Пресса отметила высказанную И.Т. Фроловым на открытии Конгресса мысль о совпадении темы Конгресса с положением, в котором оказалась наша страна и наша философия: тоже на переломном этапе. «Когда-то, — говорил И.Т. Фролов в интервью “Известиям”, — я употреблял термин “высокое соприкосновение”, имея в виду то, что высокие технологии должны вести к возвышению человека. Получается же, что они нередко ведут к его деградации. К сожалению, это затронуло и нашу страну. А возврат к интеграции все-таки неизбежен. Сама природа нынешней информационной цивилизации это диктует. Только прежде нам самим следует вернуться к надежной точке опоры, а не шараться из крайности в крайность. Цивилизованный мир все в большей степени находит точку опоры в двух постулатах. Человек — мера всех вещей, высшая общественная ценность. И — терпимость друг к другу разных личностей, мировоззрений, вероисповеданий»⁹.

Для пропаганды Конгресса много сделал руководитель его пресс-центра П.С. Гуревич¹⁰. В обзорной статье, посвященной итогам Конгресса, он писал: «В канун Конгресса и в предшествующие годы часто казалось: ну все, от идеи проведения встречи в Москве надо отказываться — нет сил, ресурсов, энтузиазма. И все-таки благодаря усилиям известных российских философов, прежде всего председателя Оргкомитета академика И.Т. Фролова, Конгресс состоялся... На заключительном заседании было отмечено: сделано максимум возможного в этих условиях. По всем показателям, во всех смыслах Конгресс прошел успешно, ни в чем не уступил предыдущим форумам»¹¹. По словам избранного на Конгрессе председателем МФФО Ф. Миро Кесады, на Московском конгрессе был сделан значительный шаг к утверждению согласия и мира и во всем мире, и в душах людей¹².

Журнал «Вопросы философии» опубликовал на своих страницах интервью с И.Т. Фроловым и доклады, сделанные на Конгрессе В.С. Степиным, В.А. Лекторским, Р. Рорти, А.А. Гусейновым, М. Бунге, П.П. Гайденко¹³. В журнале «Social sciences», издаваемом РАН на иностранных языках были опубликованы вступительная лекция И.Т. Фролова на Конгрессе, доклад В.С. Степина и статья Л.Н. Митрохина «Посткоммунистическая Россия: духовное возрождение и религия»¹⁴. Вступительная лекция И.Т. Фролова была опубликована также журналом «Свободная мысль».

В интервью «Вопросам философии» И.Т. Фролов подвел итоги Конгресса. Он рассказал о сложных перипетиях подготовки Конгресса, о том, что, когда возник вопрос о переносе места проведения Конгресса, он выступил решительно против, поскольку, помимо прочего, стало «за державу обидно». Говоря об интеллектуальных итогах Конгресса, И.Т. Фролов отметил, что в любом слу-

чае, если человечество не погубит само себя, «с течением времени все большее значение будут приобретать не столько технологические и геополитические, сколько антропологические факторы — развитие человека, его культуры, образования, нравственности»¹⁵.

Проведение в Москве Всемирного философского конгресса — само по себе событие историческое. Но если учесть все обстоятельства, в которых велась его подготовка, то нужно прямо сказать, что то, что сделано для подготовки и проведения Московского Конгресса — это гражданский патриотический подвиг академика И.Т. Фролова, продиктованный глубоким философским пониманием перспектив развития России и мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Фролов И.Т. К постижению человека, разумного и гуманного // Свободная мысль. 1993. № 13. — С. 85.
- ² Независимая газета. 1993. 8 сентября.
- ³ Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки. Воспоминания. Избранные статьи. — М., 2001. — С. 358.
- ⁴ См.: XIX World Congress of Philosophy: Invited Lectures. — М., 1993; XIX World Congress of Philosophy: Books of abstracts. Т. 1 — 2. — М., 1993.
- ⁵ См.: В Москве проходит XIX Всемирный философский конгресс // Литературная газета. 1993. 25 августа; *Игнатъев В.Н.* Всемирный философский конгресс в Москве // Человек. 1993. № 6. — С. 54 — 55; *Керимов В.* Философы мира думают в Москве // Правда. 1993. 24 августа; Нищета философии // Московские новости. 1993. 29 августа; *Смирнов К.* Возвращение философского парохода: Впервые в этом веке мыслители мира собрались в России на свой конгресс // Известия. 1993. 31 августа; Тише, элита думает // Куранты. 1993. 2 сентября.
- ⁶ См.: *Фролов И.Т.* Что нас ждет в третьем тысячелетии // Вечерняя Москва. 14 июня; *Его же:* Quo vadis? // Независимая газета. 1993. 21 августа; *Его же:* Интервью // Известия. 1993. 31 августа; *Его же:* На пороге XXI века // Литературная газета. 1993. 8 сентября.
- ⁷ *Фролов И.Т.* На пороге XXI века // Литературная газета. 1993. 8 сентября.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Фролов И.Т.* Интервью // Известия. 1993. 31 августа.
- ¹⁰ См.: *Гуревич П.С.* Корабль философов? На эпитаф! // Литературная газета. 1993. 1 июня; *Его же:* Каким будет XXI век? // Культура. 1993. 4 сентября; *Его же:* На развилке времен // Независимая газета. 1993. 8 сентября.
- ¹¹ Независимая газета. 1993. 8 сентября.
- ¹² Известия. 1993. 31 августа.
- ¹³ См.: Вопросы философии. 1994. № 6.
- ¹⁴ См.: Social sciences. 1993. № 4.
- ¹⁵ *Фролов И.Т.* Интервью // Вопросы философии. 1994. № 6. — С. 8.

Обзоры, объявления, сообщения

ФИЛОСОФИЯ БЕРГСОНА И БЕРГСОНИЗМ XXI ВЕКА

Ю.Г. РОССИУС, Т.Г. ГУЩИНА

Конференция «Философия А. Бергсона и бергсонизм XXI века» — первая проведенная в России международная конференция, посвященная философии Бергсона, — была приурочена к 150-летию со дня рождения философа и состоялась 15 и 16 июня 2009 г. в Москве в здании Института философии РАН (Волхонка, 14). В организации конференции приняли участие Институт философии РАН, Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве при поддержке Международного центра по изучению современной французской философии (Высшая нормальная школа, Париж), Общество друзей Бергсона (Париж). Подготовку и проведение конференции взяли на себя члены Общества друзей Бергсона *И.И. Блауберг* (д. филос. н., вед. н. с. ИФ РАН) и *Ю.В. Подорога* (д. философии, Лилльский Университет).

Актуальность проведения подобной конференции обусловлена, прежде всего, возрастающим в последние годы интересом к философской мысли Бергсона как во Франции, так и в России, что было подчеркнуто в приветственных словах *Н.В. Мотрошиловой* (д. филос. н., зав. отделом ИФ РАН) и *Ф. Ворсом* (профессор Лилльского университета, президент Общества друзей Бергсона, руководитель Центра по изучению современной французской философии). После периода относительного забвения учение Бергсона вновь становится объектом исследований, теоретических споров, переосмысления в современных философских и научных контекстах. В этом русле возрождения интереса к философии Бергсона было воссоздано Общество друзей Бергсона (2006), существовавшее до 1974 г., а с 2002 г. издано четыре выпуска «Бергсоновских анналов», с каждым годом публикуется все больше книг, анализирующих проблемы его философии.

Темы, обсуждавшиеся на конференции, можно было бы разделить на три направления: анализ философии Бергсона как таковой, история рецепции бергсонизма, и в частности резонанс, который философия Бергсона получила в России, развитие идей Бергсона в современной философии. Много внимания было также уделено историко-философским параллелям и сопоставлению философских концепций: Гуссерля и Бергсона, Бергсона и Марсея, Бергсона и Янкелевича, Бергсона и русских философов, Бергсона и философии буддизма.

* * *

С первым докладом на конференции выступил *Жан-Мишель Салански* (профессор, Университет Париж-Х), проанализировавший влияние идей А. Бергсона на современную французскую философию. В целом, считает он, философская традиция во Франции первой половины XX в. разделяется на два направления: спиритуализм (Бергсон, Брюншвик) и антиспиритуализм (Сартр, Низан, Политцер), тесно связанный с марксизмом. Эти направления влияют и на философскую ситуацию второй половины XX в., когда господствуют «феноменологическое» (М. Мерло-Понти, П. Рикер) и «постструктуралистское» (Ж. Делез, М. Фуко, Ж. Деррида) течения, а идеи Бергсона просматриваются в работах большинства современных философов.

Многие проблемы, которые рассматривал Бергсон, актуальны до сих пор. Среди них и проблема восприятия. Ж.-М. Салански указывает, что Бергсон одним из первых переосмыслил так называемую «модель петли “восприятие-действие”». Для описания этого взаимодействия Бергсон использует дискурс когнитивных наук. Наиболее известный французский философ XX в., занимавшийся проблемой восприятия – Морис Мерло-Понти. Салански задается вопросом: почему концепция бытия-в-мире Мерло-Понти получила более широкую известность, чем бергсоновское учение о теле-образе? Ответ он видит в том, что учение Мерло-Понти построено в рамках более привычной субъект-объектной модели, тогда как идеи Бергсона во многом отказываются от нее. Салански делает вывод, что новаторский подход Бергсона был препятствием для рецепции его учения когнитивными науками.

В числе тем, испытывающих на себе в настоящее время значительное влияние идей Бергсона, Салански называет проблему виртуального. В связи с этим докладчик, в частности, отмечает влияние бергсонизма на творчество Жюль Делеза. Еще одна проблема, актуальная и сегодня, – проблема континуума. Салански сравнивает концепцию длительности Бергсона и теорию континуума французского философа и математика Рене Тома: оба они исходят из онтологического приоритета непрерывного над дискретным (во многом опираясь на Аристотеля), однако Рене Том считает, что для осмысления континуума основополагающей является идея пространства.

В заключение Салански обращается к сопоставлению идей Бергсона с учением Эмманюэля Левинаса. Бергсон, отметил докладчик, выделил два типа морали, «открытую» и «закрытую», где первая является следствием «жизненного порыва», тогда как вторая – следствие социальности людей. Нельзя сказать, что Левинас полностью соглашался с этим определением морали, особенно спорным он считал «теологический характер» «жизненного порыва», но,

несмотря на это, его размышления во многом сходны с идеями Бергсона, и здесь трудно провести столь же четкое различие, как в предыдущих случаях.

Доклад *В.П. Визгина* (д. филос. н., вед. н. с., ИФ РАН) был посвящен восприятию и оценке философии Бергсона Габриэлем Марселем – оценке ее величия и, в то же время, пределов, за которые бергсонизм не может выйти. Опираясь, главным образом, на анализ двух статей Марселя, опубликованных в 1929 г. («Carence de spiritualité», «Notes sur les limites du spiritualisme bergsonien»), докладчик указывает на черты в учении Бергсона, в которых Марсель видит ограниченность его спиритуализма: виталистически ориентированный натурализм и вера в бесконечные перспективы научно-технического прогресса. Бергсонизм, сопровождаемый культом будущего, по мнению Марселя, «согласуется» с материалистическим и позитивистским технопрогрессизмом, оказываясь при этом несовместимым с постановкой главных метафизических вопросов, со стремлением духа проникнуть в тайну смысла земного существования, с потребностью в «разрешении вопрошания человека о смысле его судьбы». Признавая величие и смелость идей Бергсона, Марсель говорит «о недостатке онтологического требования в его экзистенциальной неприменности».

В.П. Визгин обращает внимание на оценку Марселем недостатка у Бергсона «трагического звучания» мысли: «подчеркнутая бесстрагичность» бергсонизма, по словам докладчика, – пункт, неприемлемый для Марселя, все творчество которого говорило о невозможности существования личности без драмы, без касания ее сверхвременной реальности. Докладчик указывает на различие в манере и способах изложения мысли у Бергсона и Марселя: граница такого разделения – Ницше; если Бергсон – доницшевский философ, то Марсель уже посленицшевский. Стилистическое «квантование» мысли Марселя, по замечанию Визгина, определяет собой рубеж, отделяющий его экзистенциальную философию от философии длительности Бергсона. В то же время, несмотря на расхождения в стиле, устремление открывать новые, ранее неизведанные, пласты реальности, не могущие иметь соответствия в готовых понятийных конструкциях, роднит его с такими фигурами, как Фрейд и Ницше.

Определив основную направленность мысли Бергсона как «спиритуалистический космизм», а Марселя – как «спиритуалистический персонализм», докладчик отмечает их расхождение в сфере эпистемологической: в отличие от Бергсона Марсель наделяет высоким эпистемологическим статусом не интуицию, а рефлексию. Обновление бергсоновской мысли в творчестве Марселя докладчик видит в «смещении онтологического центра с космоса на личность, а эпистемологического – с интуиции на рефлексию».

В докладе **Ю.В. Подороги** (д. философии, Лилльский университет) рассматриваются проблемы длительности и мышления в первой книге Бергсона «Опыт о непосредственных данных сознания». С восприятием и описанием длительности связана серьезная проблема: чтобы «схватить» длительность в акте мышления (а тем более дискурсивно ее выразить), мы вынуждены нарушить непрерывность ее течения. Согласно Бергсону, в обыденном состоянии сознание воспринимает мир и себя исходя из идеи пространства. Для восприятия длительности необходимо отказаться от «пространственного созерцания». В этом случае нам становится доступен опыт чистой длительности. Именно поэтому Бергсон не дает «строгого» определения «длительности», но пытается указать на «ситуацию», в которой становится возможным переживание длительности жизни нашего сознания.

Бергсон демонстрирует такую ситуацию при помощи мыслительного эксперимента с «сознающей движущейся по некоторой линии материальной точкой». Линия, которая является следом ее пути, — это «история» точки, она неотделима от нее самой. Таким образом, точка «существует» в двух «модусах»: как точка — агент движения и как линия — результат движения. Пример с сознательной точкой характеризует то, что докладчица называет «мышлением внутри длительности»: мысль должна «расположиться» внутри мыслимой вещи подобно тому, как сознательная точка *A* располагается внутри той линии, которую сама и прочерчивает.

Затем на примере анализа Бергсоном проблемы свободы в 3-й главе «Опыта о непосредственных данных сознания» докладчица показывает, каким образом осуществляется так называемое мышление «внутри» длительности. При попытке описания природы «свободного акта» возникают проблемы: хотя сам акт носит спонтанный характер, рассматривать и исследовать его мы привыкли с точки зрения мотивов и целей, которым этот акт подчинен. Однако в таком случае он перестает быть свободным. Необходимо попытаться помыслить свободное действие в нем самом или, как говорит Бергсон, искать свободу «в особом оттенке или качестве самого действия». С точки зрения Ю. Подороги, Бергсон не говорит о природе свободного акта как такового — как некоторого универсального феномена, свойственного человеческому существу, — но описывает каждый раз индивидуальную «окраску» *конкретного* свободного акта, в том виде, в каком он нами переживается (осуществляется). Описывая свободное действие, Бергсон зачастую прибегает к примерам, в которых цепь событий, ведущих к его осуществлению, по какой-то причине нарушается. Парадоксальным образом, именно в момент прерывания этого действия — когда, например, мы что-то делаем и забываем зачем это делаем — и оказы-

вается возможным мыслить свободный акт. Таким образом, согласно докладчице, внутри длительности можно мыслить лишь замедляя, растягивая во времени, сам временной феномен. Только тогда можно ухватить действие как совершающееся, длящееся, становящееся во времени.

Исходный пункт доклада **В.И. Молчанова** (д. филос. н., проф., РГГУ) «Гуссерль и Бергсон: введение времени» — вопросы о том, каким образом вводится время в философский дискурс, на каком языке можно говорить о времени и какое место занимает время в структуре нашего опыта. Обращение к фигурам Бергсона и Гуссерля мотивировано, по словам докладчика, тем, что благодаря во многом именно этим двум мыслителям проблема времени становится одной из основных философских проблем XX в. В поисках непредметной и непространственной основы нашего опыта оба философа приходят к темпоральности и длительности. В связи с этим докладчик задается целью показать, в какой мере им удалось при этом избавиться от «всепроникающего и многообразно модифицирующегося пространства опыта и жизненного мира».

В докладе рассмотрены процедуры и дескрипции, с помощью которых Гуссерль и Бергсон вводят понятие времени в свои философские учения, а также те виды опыта, на которых они при этом основываются. Основа сравнения — параллели и противопоставления понятий пространства и времени. Общим у Гуссерля и Бергсона в попытках ввести понятие времени является, считает докладчик, обращение к состояниям, выходящим за пределы обыденного опыта, к эмоциям, таким как радость, печаль, или к опыту фантазии. Различие состоит в том, что гуссерлевское внутреннее время Бергсон отнес бы, причем справедливо, к пространству. Однако и бергсоновская длительность, полагает В.И. Молчанов, также пространственна; в докладе это показано на примере «ожидания» — состояния, которое традиционно, и Бергсон здесь не исключение, относят к временным структурам.

Докладчик ставит под вопрос сами поиски подлинного времени в качестве основания человеческого опыта, как это пытались осуществить Гуссерль и Бергсон. С одной стороны, отмечает В.И. Молчанов, темпоральность сознания является в феноменологии Гуссерля скорее формальной, чем реальной предпосылкой исследования опыта. С другой стороны, исследования интенсивных состояний, телесных проявлений, ощущений совсем не обязательно должны быть связаны с допущением чистой длительности в качестве их общей основы, как это полагал Бергсон.

А.В. Ямпольская (канд. филос. н., ст. преп., РГГУ) сопоставила концепции «радости» у Бергсона и В. Янкевича. И Бергсон, и Янкевич, по характеристике Ямпольской, — «философы радос-

ти». Однако если для первого радость наделяется мессианским смыслом, то для второго она остается в рамках собственно моральной философии.

Для Бергсона «радость» объединяет в себе философскую интуицию и жизненный порыв (ее сущность — «в “прикосновении” к самой глубине своего существа»). В отличие от удовольствия и благополучия, представляющих собой топтание на месте, радость — движение вперед, «знак» того, что человек обрел свое предназначение, мистическое преображение души, с ней связан прорыв интеллекта к новому, она «супраинтеллектуальна».

Философия Янкелевича — последователя Льва Шестова — строится на иных основаниях: в ней нет места «жизненному порыву»; для Янкелевича, радость — «радость трудная», «нечаянная радость покаяния», ничего не забывающая и не отменяющая, но, напротив, сохраняющая присутствие трагического прошлого; она всегда связана с появлением нового: новой жизнью, сменой эпохи. Ее сущность — в освобождении от «усталой и вялой идентичности», в любви, в открытости Другому.

Для Бергсона, радость — это в первую очередь мессианский опыт, причем опыт не созерцательный, а деятельный: мистический гений у Бергсона движет историю, соучаствует в творении мира, служит со-творцом Творцу. Как замечает А. Ямпольская, эсхатологический момент, присущий бергсоновской проповеди героизма и святости, не мог быть принят Янкелевичем. Его философия, напротив, исключает «ожидание конца». Янкелевич предлагает свой (вовсе не очевидный, по выражению докладчицы) вариант «мессианства» — мессианство без Мессии. Приход Мессии означал бы, по Янкелевичу, завершение времени, отмену дальнейшего обновления жизни, что было бы несовместимым с идеей бесконечного открытого времени. Кроме того, отмечает А. Ямпольская, бергсоновская идея мессианства не могла уложиться в рамки моральной философии Янкелевича. Долг любви — основа морального акта — несовместим с мистическим порывом, который, по словам Янкелевича, есть «демоническая гипербола», вырождающаяся в конце концов в фарисейство и самообман.

Фредерик Вормс (проф., Лилльский университет) в своем докладе «Как Бергсон вводит проблему жизни во французскую философию XX века», определяя проблему живого как центральную проблему исторического момента, показывает, каким образом проблема дуальности жизни рассматривалась на разных этапах развития французской философии XX в. По мнению докладчика, проблема жизни обозначила те задачи, которые ставила перед собой философия во Франции на протяжении последнего столетия, а также — разрывы, которыми она была отмечена. Исследование проблемы

дуальности жизни в философии XX в. докладчик предлагает вести от Бергсона, который осуществил переход от дуализма мысли и жизни к дуализму, имманентному самой жизни, понятому как «эволюция». Жизнь является материальным условием человека, противоположным его умственной или духовной деятельности, а значит, необходимо искать цель жизни, ее практическое или прагматическое значение. По мнению Ф. Вормса, проблема жизни у Бергсона заключается в двойственности природы жизни — жизни тела и жизни духа. Жизнь обладает двойственным характером, и дуализм, имманентный жизни, можно обнаружить «в самой нашей мысли и даже в нашей мысли о жизни». Именно имманентная дуальность, изучению которой была посвящена «Творческая эволюция», составляет для Бергсона основную проблему. Докладчик замечает, что в этом произведении философ формулирует новую проблему живого, в которой состоит в том, что живое не сводимо ни к материи, ни к духу, ни к их противоположности.

Согласно Ф. Вормсу, философия Бергсона не является ни философией «духа», ни философией «жизни» и в этом заключается ее не до конца еще оцененная оригинальность.

Критика философии жизни начала 30-х годов, особенно развитая Жоржем Политцером, поставившим по-новому проблему жизни как проблему прежде всего жизни человеческой, определяет, по мнению докладчика, значение этой проблемы внутри нового философского момента, связанного прежде всего с именами Ж. Кангилема, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартра и других. Таким образом, в философию приходит новый вид критики жизни «во имя существования».

Отличительной чертой, характеризующей подход к проблеме жизни в 60-е гг., явилось, как отмечает Ф. Вормс, осознание невозможности уловить жизнь, как и любую другую реальность, предполагаемую непосредственной, минуя призму языка или смысла как такового. Кроме того, докладчик акцентирует внимание на новой для этого историко-философского момента полярности, полярности жизненного и смертного, «выживания» и «худшего, чем смерть».

Тема философских параллелей была продолжена в докладе **В.И. Лысенко** (д. филос. н., гл. науч. сотр., ИФ РАН). В данном случае речь шла о сопоставлении Ф.И. Шербатским философии А. Бергсона и буддийской философии. Разбирая, в чем Шербатской видит сходство между концепциями Бергсона и буддийской философией, докладчица в первую очередь останавливается на идее «всеобщего потока» и способах объяснения этой идеи, где используются аргументы, основанные на 1) интроспекции, 2) рассмотрении понятия существования как постоянного изменения, 3) взгляде на понятие несуществования как на псевдоидею.

Отмечая сходство в видении буддистами и Бергсоном динамической картины мира, в представлении об отсутствии «эго» как неизменного субстрата внутренних явлений (у буддистов — души), а также в трактовках непосредственного восприятия, тела и телесности как предмета философского анализа изменчивости, идей несуществования и уничтожения, Щербатской указывает на существенные различия в двух системах: для буддистов длительность — мыслительная конструкция, а реальность — мгновенные ощущения, для Бергсона же реальность — длительность, а моменты, «кинематографическая картина реальности» — искусственная умственная конструкция.

Ссылаясь на идеи Эдварда Конзе о критериях обоснованности проведения параллелей между различными философскими доктринами, В.Г. Лысенко замечает, что, по ее мнению, Щербатской излишне модернизировал буддийскую логику и эпистемологию. В частности, он считал, что буддийская логика не связана с буддизмом как религией, и это позволяло ему проводить параллели между интроспекцией Бергсона и буддийской интроспекцией. Докладчица обращает внимание на существенное различие: если интроспекция у Бергсона — это философский эксперимент, направляемый идеей «докопаться до чистой длительности», то у буддистов — это медитация, цель которой — устранение психологических препятствий к освобождению, привязанности к идее «я».

И.И. Блауберг (д. филос. н., вед. науч. сотр., ИФ РАН) рассказала в своем докладе об одном из направлений рецепции философии Бергсона в России в начале XX в. — исследовании его концепции времени, которая легла в основу созданной им «позитивной метафизики». Докладчица показывает, какие подходы к бергсоновской трактовке времени были предложены русскими мыслителями, какие ответы были даны на один из наиболее острых вопросов бергсоновской философии: как возможна метафизика «с точки зрения длительности?». Так, русские интуитивисты С.Л. Франк и Н.О. Лосский, близкие Бергсону по духу, опираясь на его идеи в своих онтологических и гносеологических построениях, высоко оценивая разработанные им теорию восприятия и учение об интуиции, подвергли, однако, критике теорию длительности, в которой, как они полагали, временное смешивалось со сверхвременным, с абсолютным. Вместе с тем, как было показано в выступлении, во взглядах Франка и Лосского на проблему времени заметны и следы влияния Бергсона: у Франка это проявляется, например, в трактовке Абсолюта как живой вечности, единства покоя и творчества, соединения в одной реальности прошлого и настоящего; у Лосского — в представлении о вневременном как совмещении «блаженного спокойствия» и «полноты деятельного бытия». Для харак-

теристики Царства Духа он использовал понятие «положительное время», понимаемое как высшая степень целостности времени — взаимопроникновение прошлого, настоящего и будущего, где есть и предшествующее, и последующее, но нет отпадения в область прошлого, умирания. Лосский в этой связи ссылается на мысль Бергсона о разных степенях сжатия сознания, соответствующих разным уровням длительности.

Одним из парадоксов Бергсона, нашедших отклик в русской философии, И.И. Блауберг называет сочетание «пафоса единства, целостности, таящего в себе возможность тотализации» и «открытости, новизны, творчества, свободы». Этот парадокс попытался разрешить один из наиболее оригинальных интерпретаторов бергсоновской концепции времени — И.Н. Дьяков, который разработал на основе идей Бергсона учение о времени как субстанции нового типа, имеющей монадологическую природу. Он развивал и обосновывал, опираясь на Бергсона, мысль о том, что «время есть бытие в его становлении».

Многие идеи Бергсона, разрабатываемые им в «Материи и памяти», «Опыте о непосредственных данных сознания», «Творческой эволюции», получили развитие и продолжение в современных исследованиях когнитивной науки, эпистемологии и философии сознания. Этой теме был посвящен доклад **Е.Н. Князевой** (д. филос. н., зав. сектором, ИФ РАН). Обратив внимание на своего рода «феноменологический поворот» в когнитивной науке, а также на развиваемый в ней в настоящее время динамический подход, во многом родственный идеям французского мыслителя, докладчица сделала предметом своего анализа восприятие, в частности, таких его аспектов, как избирательность, активность, телесность, его кинематографическую природу.

Если у Бергсона идея избирательности восприятия как отбора состоит в трактовке неживого как неразборчивой тотальности восприятия (по словам докладчицы — взгляд необычный, но содержащий креативный элемент), а живого и сознательного — как ограничивающего воспринимаемое, как различенности (*le discernement*), то современная когнитивная наука также использует идею избирательности восприятия, связывая ее прежде всего, с телесной определенностью когнитивных агентов — животных и человека. Докладчица снабдила свой доклад интересными фактами, свидетельствующими о различии «акустических» и «оптических окон» в восприятии мира разными живыми существами. Она замечает, что с развитием личности, с установкой «личностных фильтров» избирательность восприятия действительно увеличивается.

Бергсоновские идеи о соприкосновении сознания и материи в процессе восприятия, о памяти, неотделимой от восприятия и

объединенной с телом, нашли, по словам Е.Н. Князевой, свое продолжение в представлении современной эпистемологии о телесной природе («отелеснении») сознания. Концепция инактивированного познания, разработанная Ф. Варелой и развиваемая в настоящее время когнитивной наукой, где субъект и объект познания взаимно активны и находятся в отношении ко-детерминации, имеет также соответствие с учением Бергсона об активности и интерактивности восприятия, изложенным в «Материи и памяти». Докладчица также обращает внимание на развитие бергсоновской идеи о кинематографической природе восприятия в современной когнитивной науке, в частности в концепции Ф. Варелы, согласно которой кадры восприятия у различных живых существ имеют различную длительность, а следовательно, возникает ряд вопросов о соотношении субъективного и объективного времени в когнитивных процессах.

Выступление *Эли Дюринга* (д. философии, Университет Париж-Х) было посвящено связи идей Бергсона, прежде всего, содержащихся в работе «Длительность и одновременность», и теории относительности А. Эйнштейна. Критики часто упрекали Бергсона в том, что он недостаточно точно понял теорию относительности. Однако, отмечает докладчик, задача Бергсона состояла не в физической, узконаучной, интерпретации этой теории, а в том, чтобы показать ее философские основания. С точки зрения Дюринга, Бергсон с этой задачей справился. Но Бергсон предпочел использовать собственную философскую терминологию, которая часто вводила в заблуждение исследователей, не знакомых с ней. Они были склонны видеть в работе Бергсона попытку «привязать» общую и специальную теории относительности к философской картине мира, сформулированной еще Ньютоном.

Для Бергсона длительность пронизывает всю Вселенную, являясь образцом и основой любого волнового взаимодействия. Однако, длительность и реальное (фиктивное) время — это не одно и то же, следовательно, неправомерно говорить, что Бергсон склонялся к ньютоновской картине мира. Неверно было бы рассматривать и идею «единого времени» как возврат ко времени абсолютному: скорее, это образ, который помогает мыслить единство длительностей, расположенных в разных системах отсчета.

Таким образом, заключает докладчик, рассмотрение трудов Бергсона в их приложении к теории относительности представляет значительный интерес и для философов, и для физиков.

Е.Б. Рашковский (д. ист. н., зав. центром религиоведения ВГБИЛ) показал в своем докладе, что стояло за влиянием идей Бергсона на историческую теорию Тойнби. Ставя перед собой задачу понять историю как таковую, а не только ее отдельные срезы, Бергсон предлагал чисто философское прочтение истории, своего рода «фи-

лософскую редукцию». Однако, как замечает докладчик, для Тойнби было важно совместить философский подход к истории с богатством ее содержания, с потребностью историка-профессионала в упорядочении фактического исторического материала.

Идеи Бергсона, приложенные к изучению разрозненных событий и процессов всемирной истории, по словам докладчика, приводят Тойнби к мысли о том, что «именно внутренняя жизнь человеческой личности, осуществляемая в людских поступках и коммуникационных связях, и есть то самое, что делает историю именно историей». Таким образом, история предстает перед исследователем как процесс, в котором действуют «человеческие смыслы» (осмысление человеком мира, времени и самого себя). Присутствие в этом процессе «некоей драгоценной *durée*» (выражение докладчика) делает историю процессом творческим и мистическим.

Докладчик отмечает, что важнейшая и, в то же время, малодоступная для понимания многих историков-фактологов идея Тойнби о том, что основные интуиции и смыслы познания человеком мира, Бога и самого себя в разных исторических обществах по существу остаются одними и теми же, также восходит своими корнями к Бергсону. Бергсоновская мысль о неупразднимости и сквозном характере истины, стоящей за изменчивостью реальности, отразилась, по мнению докладчика, во взглядах Тойнби на особенность познания истории: с одной стороны, оно имеет дело с драмой, где всегда присутствует элемент импровизации, а с другой — с законосообразностями, с «условным эвристическим моделированием».

Влияние бергсоновских идей прослеживается и в мысли, к которой приводят исследования Тойнби: интуитивное и научное постижение истины имеет дело с двумя языками: первый говорит о продолжающемся во времени творении, второй — о трансформативной эволюции. То же можно сказать и об идее Бергсона о взаимодействии «открытой души» и «закрытого общества», которая, с точки зрения докладчика, несомненно повлияла на учение Тойнби о роли мистической интуиции, преодолевающей фазы ожесточения и декаданса, и сообщающей истории моменты преемственности и единства.

Доклад *И.Н. Духана* (канд. архитектуры, зав. кафедрой, Белорусский гос. у-т) «Кубизм, длительность, сериальность: философия Анри Бергсона и художественная практика авангарда» посвящен исследованию влияния идей Бергсона на интеллектуально-художественные круги Франции и Европы, в частности, ознаменовавшие поворот в творческом мышлении того времени в сторону художественных практик. Докладчик предложил аудитории неожиданный аспект рассмотрения влияния бергсонизма, как современ-

ника кубизма и футуризма, на традицию авангарда, начало которой было положено созданием «первого кубистического произведения» — «Авиньонских девиц» Пабло Пикассо.

И. Духан отмечает, что философия длительности, жизненного порыва и творческой свободы Бергсона стала поворотом в творческом мышлении времени, прежде всего, благодаря обоснованию эволюционного движения как радикально нового творчества, о чем Бергсон, сопоставляя философию и искусство, говорит в «Творческой эволюции».

Первые теоретики кубизма А. Глез и Ж. Метценже перенесли бергсоновскую интуицию длительности на конструирование живописного пространства, в чем и заключалась, по мнению И. Духана, глубокая коллизия.

В этой связи, отношение Бергсона к способности внешнего, художественного произведения, сохранить, «удержать» живую длительность — противоречиво. В своем докладе И. Духан демонстрирует тонкую грань в отношении философа к художнику, с одной стороны, способному открыть абсурдность нашего условного «я», а с другой стороны, придающему внешний характер чувству зрителя, разворачивая это чувство в однородном времени и придавая ему внешний характер.

Особое место в докладе занимает рассмотрение влияния на теорию и практику авангарда идей творческой интуиции и творческого порыва Бергсона, которые инспирируют создание подлинного, с точки зрения теоретиков кубизма, произведения искусства, рождающегося «между» сознанием, миром и живописным выражением. В конечном счете, именно в творческом порыве зрительского духа заключено единство художественного произведения.

* * *

Подводя итоги конференции, можно с уверенностью сказать, что она явилась знаменательным событием не только для узкого круга специалистов-бергсоноведов, но и для большого числа людей, интересующихся актуальными исследованиями в области современной философии, психологии, физики, искусствоведения и других областей знания.

Широчайший спектр тем, рассмотренных в выступлениях докладчиков, говорит о многогранности проблематики философии Бергсона, о неоднозначности и многообразии путей бергсонизма в XX и XXI вв. Центральные понятия его философии, такие, как интеллект, интуиция, эволюция, длительность, пространство, время, телесность и др., продолжают вызывать живой интерес, порождая многочисленные дискуссии.

Рецензии, аннотации, отзывы

В.Г. ФЕДОТОВА, В.А. КОЛПАКОВ, Н.Н. ФЕДОТОВА.
ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ: ТРИ ВЕЛИКИЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ
АНАЛИЗ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЭКОНОМИКИ
И ОБЩЕСТВА. —
М.: Культурная революция, 2008. — 608 с.

В.Е. ДАВИДОВИЧ

Панорама современного отечественного книгоиздания многолика и обширна, пестрит именами известных и начинающих авторов. Что только не издается.... Но в перечне собственно теоретической литературы значимых изданий не так-то много. Это относится и к философским сочинениям. По данным статистики российского книгоиздания, в 2008 г. по философии издано 2522 названия. Хочется сказать — ого! Где же разговоры о том, что философия непопулярна, скисает, не пользуется спросом у читателя?

Но если внимательно взглядеться в реальную ситуацию, то убеждаешься, что большинство книг и брошюр философского плана — это либо учебники и учебные пособия, либо пересказ общеизвестных идей, либо публикации к защитами. Немалое место занимают работы историко-философского направления. Какой уже раз авторы этих работ поминают, что-де говорили Платон и Спиноза, Хайдеггер и Соловьев и иные классики. Хотя скажем, что здесь встречаются и монументальные исследования по мировой и русской философии.

Но вот проблемных книг с анализом современной ситуации, теоретическим видением наличных проблем лишь единицы. Вот почему рецензируемая книга не может не привлечь напряженного внимания. Она действительно фундаментальна по своему замыслу, предлагаемым свежим идеям и даже по объему. О чем книга? О мировом капитализме, его исторических трансформациях, нынешнем состоянии и возможном будущем.

При рассмотрении книги возникает резонный вопрос: а в какой парадигме она написана? Можем ли мы полагать, что ее концепты укладываются в какие-то более или менее философские направления? А, может быть, она попросту эклектична, и авторы оставляют в стороне вопрос о методологии собственного видения мира и, как они пишут, «взаимоотношении общества и экономики»?

К чести авторов, они начинают свое изложение с введения о теоретических предпосылках анализа капитализма. Заметим, что они не отрешиваются от классического марксизма, «дух Маркса», говоря их словами, сохраняет до сих пор свое значение и принимается ими во внимание. Но жизнь идет. В XX столетии и начале XXI появились мощные мыслители с небанальным видением исследуемых проблем. Авторы называют несколько десятков имен таких современных мыслителей. Особое внимание они уделяют идеям К. Поланьи, У. Бека, Ф. Броделя, Дж. Арриги и И. Валлерстайна, да и ряду других, включая работы специалистов из Китая, Индии и Южной Кореи и т.д. Не обошли они вниманием и современных отечественных философов и экономистов. Во введении названы более 50-ти фамилий.

Вместе с тем авторы предлагают свою собственную, достаточно новую методологию, которая позволяет прогнозировать дальнейшие пути развития глобальной цивилизации. Они предлагают своего рода неокapиталистическую теорию, трактуя ее как органичное соединение модернизации, глобализации и собственно теории капитализма. В центре внимания у них находится проблема взаимоотношения экономики и общества, разумеется, с учетом многообразия сфер, проникающих в их соотношение (социальной сферы, культуры и политики). Одним словом, эта работа пронизана единым подходом, вполне рациональным, с вдумчивым учетом существующих в литературе точек зрения. Еще раз подчеркну, что это не эссе, не высказывание каких-либо интуитивных прозрений, а строгое, логически обоснованное исследование, доказательное и результативное.

Каковы же основные идеи авторов, вокруг которых строится все изложение? Это мысль о том, что то, что называется капитализмом, есть сугубо историчное явление, и, нет и не может быть некоего строя, именуемого капитализмом, который многие десятилетия и века был бы неизменным, равным сам себе и повсюду. Изучение трансформаций, т.е. видоизменений, преобразований капитализма, различные соотношения экономики и общества — вот что является предметом пристального внимания авторов. Это подчеркивается и в названии книги, и всей ее археотонике, распределении глав и разделов.

В книге выделено три этапа, которые можно рассматривать как великие трансформации. Первый из них, по мнению авторов, обеспечил генезис капитализма, его классическую форму, утвердил первую глобализацию и отстроил первую либеральную современность. Это, по сути дела, весь XIX век вплоть до начала XX, до начала Первой мировой войны в 1914 г. Все это время было эпохой становления капитализма как развитой социально-экономи-

ческой системы, выявления его органических противоречий, смены темпов рационального склада экономики как целерациональной системы. В книге подчеркивается, что при всех общих чертах этого процесса каждая страна шла к капитализму своеобразным путем, зависящим от ее исторических условий и культурных составляющих.

Вторая великая трансформация охватывает период с 1914 по 1989. Она названа также периодом между двумя глобализациями, ибо с конца 80-х возникает вторая глобализация. Именно в эти годы ослабляется органическая солидарность капитализма, о которой писал Э. Дюркгейм. Формируется вторая организованная современность и организованный капитализм. По сути дела это почти весь XX век, до начала 90-х годов, хотя и осложненный кризисом конца 60-х — конца 80-х. Для данного этапа характерно возникновение новой формы социальной организации (включая великий и трагический опыт утверждения антикапиталистической, социалистической формы жизни). Это время бурного развития техники и технологий и их могучего воздействия на весь образ человеческого бытия. Время формирования социал-демократий и технократий на Западе. Это этап наступающей массовой культуры и утверждения на Западе того, что именуют потребительским обществом. Укрепилась та форма цивилизационной жизни, которую именуют техногенезом. Наметились, хотя и робкие, контуры постиндустриального развития на Западе.

Третья великая трансформация наступает в 90-е годы и обозначается как становление капитализма в незападных странах, новое Новое время для незападных стран, развитие которых может пойти по двум описанным в книге сценариям — национального рыночного развития, национальных форм капитализма или путем появления незападного лидера третьей современности.

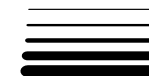
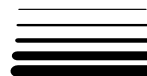
Кое-что из сказанного в какой-то мере известно любому грамотному читателю. Поток выходящих многих и многих сочинений на разных языках, где эти проблемы обсуждаются, трактуются вдоль и поперек.

В чем же самобытность, оригинальность и безусловная инновационность рецензируемой книги? Мне представляется, что главная ее значимость в том, что, предлагая концепт трех великих трансформаций в развитии капитализма, авторы вплотную подошли к проблеме, как они пишут в заключении, будущего, и предполагается, что будущее капитализма может стать будущим без капитализма. Афористичное высказывание Дж. Арриги о том, что если Китай не построит социализм, это не будет означать, что он построил капитализм, проясняет ситуацию. И если он не построит капитализм, добавим, это не будет свидетельствовать о

построении им социализма. Капитализм не сводится к рынку и могут быть рыночные некапиталистические общества. И действительно, в научной массовой периодике стали мелькать выражения — социалистический капитализм, капиталистический социализм, и хотя это звучит парадоксально, в них просматривается определенная тенденция-перспектива. Полагаю, что примерно с этих позиций авторы стараются увидеть то, что может сменить вторую современность и составить содержание третьей. Будучи трезвомыслящими исследователями, авторы не занимаются спекулятивной футурологией, фантазмагорическими предсказаниями. Они исходят из того, что в условиях незавершенности проекта модерна, наличия определенных инноваций его развития, мы сталкиваемся с определенной непредсказуемостью будущего, потенциально содержащего варианты его развития и возможности его многообразия. По-моему, главным итогом изысканий этой книги является утверждение того, что человечество стоит перед глубоким сдвигом в своем социально-экономическом бытии, связанным с ослаблением капиталистических начал самого Запада, главного носителя этих начал. Наступивший в последние месяцы всемирный финансово-экономический кризис — яркое тому подтверждение. Авторы не очерчивали признаков этого кризиса, но его наступление подтверждает их видение действительности.

Книга большая, а рецензия короткая, поэтому в настоящем тексте нет скрупулезного разбора всех сюжетов рассматриваемой монографии. Разумеется, как и всякий другой текст, книга может и должна быть рассмотрена не только апологетически, но и критически. Как-то хорошо было сказано, что абсолютное совершенство — это грустная привилегия богов, а в человеческих текстах всегда есть уязвимые моменты, спорные положения. Еще раз подчеркну, что если бы авторы писали сегодня, вглядываясь в наличный кризис глобального мира, они, может быть, дали бы более резкие оценки современности. В то же время, в мировой ситуации наших дней появились моменты, не вошедшие в поле зрения авторов. Видимо, судить их за это было бы неправомерно. Надо сказать, что есть и чисто редакционные претензии. Авторам следовало бы раскрыть лабораторию своей мысли и значение их прежних исследований для формирования предложенной концепции примерно так, как сделал цитированный ими Арриги в своей книге «Адам Смит в Пекине».

Подведя итог, замечу, что эта книга не будет пропущена теоретическим сообществом, да и массовым сознанием. Книге жить. Ее надо читать, вникая и размышляя.

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ШИЛКОВ

23 июля 2009 года после тяжелой болезни ушел из жизни Юрий Михайлович Шилков — доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, эксперт Российского гуманитарного научного фонда.

Ю.М. Шилков родился 25 марта 1941 г. в Ленинграде. В 1964 г. поступил на философский факультет ЛГУ. Там же защитил диссертации, посвященные исследованию когнитивных и коммуникативных возможностей человеческого мышления: кандидатскую — «Когнитивные аспекты мышления» (1973) и докторскую — «Гносеологические основы мыслительной деятельности» (1992).

Собственные научные успехи Ю.М. Шилков всегда связывал со своими непосредственными учителями — профессорами Л.М. Веккером, М.С. Козловой, Л.О. Резниковым, В.А. Штоффом.

Педагогическую работу Ю.М. Шилков начал ассистентом на философском факультете ЛГУ. Затем перешел в Академию гражданской авиации, где с 1983 г. заведовал кафедрой философии. В 1997 г. Ю.М. Шилков вернулся на философский факультет СПбГУ.

Круг его научных интересов был связан не только с общими вопросами теории бытия, эпистемологии, логикой и методологией науки, но и с проблемами сознания, философской антропологии, философии языка, тела, общения, игры, воображения, психологии культуры, категорией детерминизма в философии и в физике. Им опубликовано свыше полутора сотен работ, включая 8 монографий. Он соавтор и редактор ряда учебников и учебных пособий: Философия. (М., 2004); Основы современной философии (пять изданий — СПб., 1997, 1999, 2000, 2002, 2004); Основы теории познания (СПб., 2000) и др.

В юности Ю.М. Шилков увлекался театром, но выбрал, в конечном счете, философию. Однако одной из главных тем его работ стало игровое мышление. Ю.М. Шилковым была разработана модель мышления как интегративной человеческой деятельности, в терминах которой были раскрыты особенности способов его интересубъективной организации. Им были уточнены когнитивные свойства и роль перцептивных, эмоциональных, регулятивно-волевых и мнемических процессов в мыслительной деятельности, предложено объяснение метафорических механизмов воображения как продуктивного творческого познания.

Помимо общих курсов философии, онтологии и теории познания, Ю.М. Шилков читал ряд спецкурсов (*Структуры сознания, Символические формы бытия, Психология культуры*), был бессменным руководителем теоретического семинара «Проблемы онтологии и теории познания», многие годы читал курс по методике преподавания философии. Читаемые им лекционные курсы всегда отличались свежестью мысли, откликом на проблемы и вызовы современности с неизменной приверженностью к критериям рациональности.

Ю.М. Шилков в немалой степени способствовал обновлению преподавания философии в России. Он не только отвечал за разработку учебных программ на философском факультете, но и был одним из немногих специалистов, которым была доверена подготовка преподавателей на получение сертификата для чтения курсов кандидатского минимума.

Во всех своих исследованиях Ю.М. Шилков опирался на междисциплинарные обобщения. Он активно участвовал в научной работе психологического и филологического факультетов СПбГУ, участвовал в организации междисциплинарных конференций, вел рубрику по методологии науки в журнале «История и методология психологии».

Круг его интересов постоянно расширялся. Одним из первых среди отечественных философов он обратился к проблеме понимания. Им были опубликованы обстоятельные исследования по таким темам как природа вымысла и фикционального дискурса, психосоматические структуры сознания, философия звука... Пережив очень травматичные операции, тяжелую личную трагедию, он вынашивал идею глубокого исследования «Философия боли». Не успел...

Он не имел высоких званий, наград, постов федерального масштаба. Но это был один из тружеников отечественной философии, чья деятельность позволила ей не только сохраниться, но и приобрести достойный современности характер.

Это был человек удивительно открытый и доброжелательный в общении — как с коллегами, так и с учениками.

Ушел ученый, мыслитель, организатор, авторитетный эксперт, замечательный преподаватель...

Ушел добрый, отзывчивый человек, без которого нам будет хуже.

Коллеги и друзья

Наши авторы

Бакштановский Владимир Иосифович — доктор философских наук, профессор, директор НИИ прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета.

Визгин Виктор Павлович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских проблем истории науки Института философии РАН.

Гущина Татьяна Геннадьевна — аспирантка сектора современной западной философии Института философии РАН.

Давидович Всеволод Евгеньевич — заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета.

Корсаков Сергей Николаевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, доцент кафедры философии Тверского государственного университета.

Лебедев Максим Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного медико-стоматологического университета, член Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта, заместитель главного редактора журнала «Вопросы искусственного интеллекта».

Липский Борис Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Мальчукова Нина Валерьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Иркутского государственного университета.

Пастушный Стефан Алексеевич — доктор философских наук, профессор Международного Пражского университета.

Россиус Юлия Геннадиевна — младший научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

Сергейчик Елена Михайловна — доктор философских наук, профессор кафедры философии образования Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования.

Согомонов Юрий Ваганович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета.

Турбовской Яков Семенович — доктор педагогических наук, профессор, председатель Совета директоров школ стран СНГ, заведующий лабораторией «Философия образования» Института теории и истории педагогики Российской академии образования.

Федоров Борис Иванович — доктор философских наук, профессор кафедры философии образования СПб Академии постдипломного педагогического образования (СПбАППО), председатель ассоциации логиков Санкт-Петербурга.